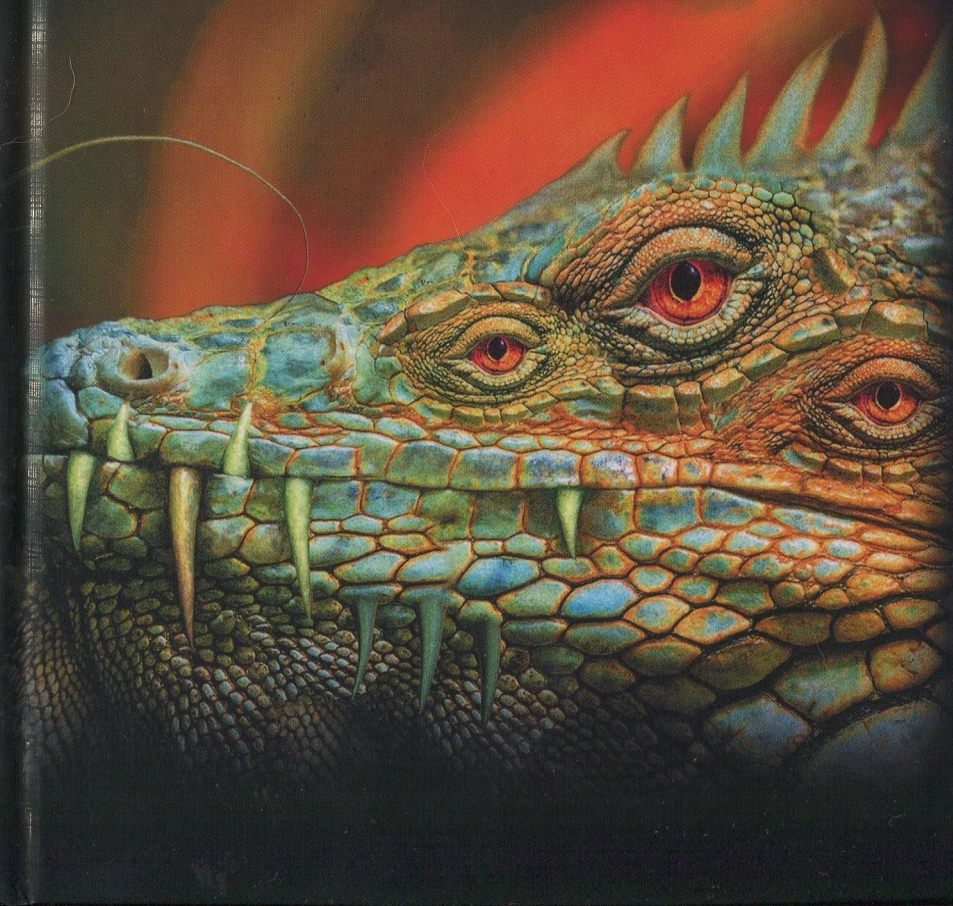

▲ ТРИ ПРЕМИИ Nebula, ПРЕМИЯ Hugo И ДР.

КЕЛЛИ ЛИНК

ВЛЯПАЛАСЬ!

Келли Линк

ВЛЯПАЛАСЬ!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(4Coe)-44
Л59

Серия «Фантастика!»

Kelly Link
GET IN TROUBLE

Перевод с английского М. Прокопьевой

Художник А. Фerez

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency.

Линк, Келли.

Л59 Вляпалась! : [сборник] / Келли Линк ; [пер. с англ. М. Прокопьевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Фантастика!).

ISBN 978-5-17-094073-8

Загадочные существа, моделирующие в заброшенном загородном доме механическое королевство; золотая молодежь, обустривающая собственные гробницы на египетский манер; супергерои, оккупировавшие телестудии в надежде прославиться на реалити-шоу; необъяснимое исчезновение космического корабля...

В девяти остроумных рассказах Келли Линк описывает сумасшедший и чрезвычайно похожий на наш мир, в котором все, от тинейджеров до ошалевшего от кризиса среднего возраста голливудского актера, настойчиво ищут перемен... А находят все новые и новые проблемы!

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-17-094073-8

© Kelly Link, 2015
© Перевод. М. Прокопьева, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

Посвящается Генри Уильяму Линку III

Каждый год одно и то же:
Обезьяна толпу развлекает,
Нарядившись обезьяной.

Мацуо Басё

Летние люди

Фрэн проснулась оттого, что отец брызгал на нее водой из пульверизатора — будто пытался вернуть к жизни увядшее растение.

— Фрэн, — говорил он. — Фрэн, милая! Просыпайся!

Фрэн подхватила грипп, впрочем, казалось, что это грипп подхватил Фрэн. И вот уже третий день кряду она пропускала школу. Прошлой ночью она приняла четыре капсулы «Найквила» и заснула на диване, когда на экране телевизора какой-то человек метал ножи. Голова была забита соплями, словно ватой. По лицу стекали струйки разведенных в воде удобрений.

— Хватит, — прохрипела она. — Я проснулась!

Жуткий приступ кашля вынудил ее приподняться и, прижав ладони к ребрам, сесть на диване.

Отец казался темной тенью в комнате, полной темных теней. Его мощная фигура предвещала беду. Солнце еще не вышло из-за горы, но кухня была залита бледным светом. Возле двери стоял чемодан, а на столе — тарелка с горкой яиц. Фрэн умирала от голода.

— Мне нужно ненадолго уехать, — продолжал отец. — На недельку, может, на три. Не больше. Пока меня не будет, тебе придется заниматься летними людьми. И в выходные приезжают Робертсы. Завтра или послезавтра надо закупить для них продукты. Когда будешь покупать молоко, обязательно проверь срок годности. И во всех

спальнях застели чистое постельное белье. Расписание я оставил на столе. Думаю, бензина на всю поездку должно хватить.

— Подожди, — сказала Фрэн. Каждое слово причиняло ей боль. — Куда ты едешь?

Отец присел рядом с ней на диван, затем, поерзав, вытащил что-то из-под себя и показал ей: в руке у него была одна из старых игрушек Фрэн — обезьянье яйцо.

— Ты же знаешь, не нравятся мне эти штучки. Убрала бы ты их куда-нибудь...

— Мне тоже много чего не нравится, — заметила Фрэн. — Куда ты собрался?

— На церковное собрание в Майами. Нашел по Интернету, — ответил отец. Он придвинулся ближе и потрогал рукой ее лоб. От успокоительного прикосновения прохладной ладони у нее на глазах выступили слезы. — На ощупь ты уже не такая горячая.

— Я считаю, что ты должен остаться и ухаживать за мной, — сказала Фрэн. — Ты же мой папочка.

— Да как я могу за тобой ухаживать, если и с собой справиться не могу? — ответил он. — Ты ведь не знаешь, что я натворил.

Фрэн не знала, но вполне могла догадаться.

— Ты уходил вчера вечером, — сказала она. — И пил.

— Я не про вчерашнюю ночь говорю, — сказал он. — Я говорю про всю свою жизнь.

— Это... — начала Фрэн и снова закашлялась.

Она кашляла так долго и с таким надрывом, что перед глазами у нее начали расплываться круги света. Однако, несмотря на боль между ребрами и новый приступ кашля при каждой попытке сделать глубокий вдох, «Найквил» так хорошо успокаивал, что ей казалось, будто отец де-

кламирует стихи. У нее закрывались глаза. Может быть, позже, когда она проснется, он приготовит ей завтрак.

— Если кто станет меня искать, скажи, что я уехал. Если кто скажет тебе, что хоть что-нибудь знает заранее, Фрэн, значит, этот человек лжец или дурак. Нужно всегда быть готовым ко всему, больше ничего не поделаешь.

Он похлопал дочь по плечу и подтянул одеяло до самых ее ушей.

Когда она проснулась, уже миновал полдень. Отец давно уехал. Температура была 39 °С. От воды с удобрениями на щеках выступила красная выпуклая сыпь.

Фрэн вернулась в школу в пятницу. На завтрак она съела ложку арахисового масла и сухие хлопья. Она уже и не помнила, когда в последний раз нормально ела. Своим кашлем она распугала ворон, когда шла по окружной дороге, чтобы перехватить школьный автобус.

Первые три урока, включая математику, она тихо дремала, а потом так раскашлялась, что учитель отправил ее к медсестре. Фрэн знала, что медсестра, скорее всего, позвонит отцу и отошлет ее домой. Добираться было бы затруднительно, но ей повезло — по дороге в медкабинет Фрэн встретила у школьных шкафчиков Офелию Мерк.

У Офелии Мерк была своя машина — «лексус». Когда-то ее семья приезжала сюда только на лето, но с недавних пор Мерки обосновались здесь насовсем и теперь круглый год жили у себя в доме на озере в Хорс-Коув. Много лет назад Фрэн и Офелия вместе проводили летние деньки, играя с куклами Барби, принадлежавшими Офелии, пока отец Фрэн выкуривал дымом ос из гнезда, перекрашивал кедровую обшивку дома, сносил старый забор. С тех пор они почти не разговаривали, хотя после того лета отец Фрэн пару раз приносил домой бумажные

пакеты, набитые старой одеждой Офелии. На некоторых вещах еще оставались ценники.

Потом Фрэн вдруг резко вытянулась, и подачки прекратились, — Офелия так и осталась очень миниатюрной. Насколько поняла Фрэн, во всем прочем бывшая подруга тоже почти не изменилась: была все такой же красивой, застенчивой, избалованной и легко позволяла собой командовать. Ходили слухи, что ее семья окончательно переехала в Роббинсвилль из Линчберга, после того как во время школьных танцев учительница застукала Офелию целующейся с другой девчонкой в туалете. Это ли послужило причиной переезда, либо некое должностное преступление мистера Мерка — тут уж кому какая версия ближе.

— Офелия Мерк, — сказала Фрэн. — Мне нужно, чтобы ты пошла со мной к сестре Теннант. Она отправит меня домой, и ты меня подвезешь.

Офелия открыла было рот и тут же закрыла его, кивая.

У Фрэн снова поднялась температура — до 38,9 °С. Медсестра Теннант даже выписала Офелии разрешение уйти с уроков, чтобы проводить Фрэн домой.

— Я не знаю, где ты живешь, — сказала Офелия. Они стояли на парковке, Офелия искала ключи от машины.

— Езжай по окружной дороге, — велела Фрэн. — По Сто двадцать девятой. — Офелия кивнула. — Это наверх к Уайлд-Ридж, мимо охотничьих лагерей. — Усевшись в машину, Фрэн положила голову на подголовник и закрыла глаза. — Ох, черт возьми! Совсем забыла! Можешь сначала заехать в магазин? Прежде мне надо привести в порядок дом Робертсов.

— Почему бы и нет? — согласилась Офелия.

В магазине Фрэн взяла молоко, яйца, цельнозерновой хлеб для сэндвичей и мясную нарезку для Робертсов, «Тай-

ленол» и еще «Найквил» для себя, а также замороженный апельсиновый сок, готовые буррито, которые оставалось только разогреть в микроволновке, и «Поп-тартс».

— Запиши на мой счет, — сказала она Энди.

— Я слышал, твой папаша влип в неприятности, — сказал Энди.

— Ага, — ответила Фрэн. — Вчера утром отправился во Флориду. Говорит, нужно с Богом объясниться.

— Твоему папаше не с Богом мириться надо, — сказал Энди.

Фрэн прижала руку к воспаленным глазам.

— Что он натворил?

— Ничего такого, чего нельзя было бы исправить, если иметь при себе бабло и с умом подойти к делу, — ответил Энди. — Передай ему, что мы об этом позаботимся, когда он вернется.

В половине случаев, когда папочка напивался, к этому были причастны Энди и его двоюродный брат Райан, и неважно, что в округе действовал сухой закон. Энди хранил у себя в фургоне самый разный алкоголь и давал его всякому, кто изъявлял желание и знал, как попросить. Хорошая выпивка поступала через границу округа, из Эндрюса. Однако лучшую выпивку изготавливал отец Фрэн. Все знали, что выпивка папаши Фрэн слишком уж хороша, чтобы содержать только натуральные ингредиенты. И это была сущая правда. Когда папочка Фрэн не мирился с Богом, он вечно вляпывался в самые разные неприятности. Фрэн догадывалась, что на сей раз отец что-то кому-то наобещал, но теперь Бог не позволит ему сдержать слово.

— Я передам.

Офелия с преувеличенным вниманием разглядывала состав конфет на обертке, но Фрэн видела, что ей очень

интересно, о чем речь. Когда они вернулись в машину, Фрэн сказала:

— То, что ты делаешь мне одолжение, вовсе не означает, что тебе позволено совать нос в мои дела.

— О'кей, — сказала Офелия.

— О'кей, — сказала Фрэн. — Хорошо. А теперь отвезешь меня к дому Робертсов? Он там, на...

— Я знаю, где живут Робертсы, — перебила ее Офелия. — Мама все прошлое лето играла с ними в бридж.

Робертсы, как и все прочие местные жители, прятали запасной ключ под искусственным камнем. Офелия остановилась в дверях, словно ожидая приглашения.

— Ну давай, заходи, — поторопила ее Фрэн.

Дом Робертсов мало чем отличался от других здешних домов. Везде шотландка, пивные кружки «Тоби» и статуэтки собак — бегущих, приготовившихся к прыжку или бредущих, держа в приоткрытой пасти птиц.

Фрэн прибралась в гостевых спальнях и наспех пылесосила внизу, а Офелия навела порядок в большой спальне и отловила паука, обустроившего себе жилище в корзине для мусора. Паука она вынесла на улицу. Они еще раз прошлись по комнатам, проверяя розетки и лампочки. Пока они занимались уборкой, Офелия все время что-то напевала себе под нос. Обе девушки пели в хоре, и Фрэн поймала себя на том, что невольно оценивает голос Офелии. Сопрано, теплое и одновременно легкое. Сама Фрэн пела контральто, с некоторой хрипотцой, даже когда у нее не было гриппа.

— Хватит, — вслух сказала она. Офелия обернулась и удивленно посмотрела на нее. — Это я не тебе, — пояснила Фрэн. Открыв кран в кухне, она подождала, пока струя не станет прозрачной. Потом долго кашляла и сплюнула

в раковину. На часах было почти четыре. — Все, здесь мы закончили.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Офелия.

— Как будто меня всю избили, — ответила Фрэн.

— Я отвезу тебя домой, — сказала Офелия. — Там есть кто-нибудь? А то вдруг тебе станет хуже.

Фрэн не стала отвечать. Видимо, где-то между встречей возле школьных шкафчиков и уборкой в спальне Робертсов Офелия решила, что лед растоплен. Она без умолку говорила про телесериал и про субботнюю вечеринку, на которую ни одна из них не пойдет. Фрэн подумала, что когда-то давно, в Линчберге, у нее, наверное, были друзья. Офелия сокрушалась по поводу домашней работы по математике и рассказывала про свитер, который вяжет. Упомянула девчачью рок-группу, которая, как ей казалось, может понравиться Фрэн, и даже предложила записать ей диск. Пока они ехали по окружной дороге, она несколько раз восторженно восклицала:

— Никогда не привыкну к тому, что теперь весь год живу здесь. Ну, вообще-то пока мы даже целого года тут не прожили, но... Просто здесь так красиво. Совсем другой мир, понимаешь?

— Не очень понимаю, — ответила Фрэн. — Ведь я больше нигде не была.

— А-а... — пробормотала Офелия. Однако ответ Фрэн не больно-то охладил ее пыл. — Ну поверь мне на слово. Здесь обалденно красиво, — не унималась она. — Повсюду такая прелесть — больно смотреть! Я обожаю утро, когда все вокруг затянуто туманом. И деревья! А за каждым поворотом дороги виден очередной водопад. Или маленькое пастбище все в цветах. И каждый раз удивляешься, будто видишь это впервые, будто не знаешь, что увидишь, до тех пор пока вдруг не окажешься пря-

мо посреди всего этого великолепия... Ты в следующем году собираешься поступать в какой-нибудь колледж? Я подумываю о ветеринарной школе. Сомневаюсь, что выдержу еще занятия по английскому. Буду заниматься крупными животными. Никаких маленьких собачек и морских свинок. Может, поеду в Калифорнию.

— В нашей семье в колледж не поступают, — сказала Фрэн.

— А-а, — снова протянула Офелия. — Знаешь, ты ведь намного умнее меня... Так что я просто подумала...

— Сверни здесь, — велела Фрэн. — Осторожнее, дорога неасфальтированная.

Они проехали по грунтовой дороге, обрамленной лавровыми кустами, и выехали на лужок, где протекала безымянная речушка. Фрэн почувствовала, как Офелия задержала дыхание. Скорее всего, она изо всех сил старалась сдержаться и не начать восхищаться тем, как тут все красиво. А здесь, и правда, было красиво, Фрэн это знала. Самого дома почти не было видно; он, словно невеста, спрятался под фатой из глицинии и вьющейся японской жимолости. Крыльцо заросло канадской розой и белым шиповником. Буйная растительность подбиралась к крыше дома, провисшей от старости. Среди луговой травы вились шмели с позолоченными лапками. На них было столько пыльцы, что она буквально тянула их к земле, мешая летать.

— Дом старый, — сказала Фрэн. — Нужна новая крыша. Прадедушка заказал этот дом по каталогу «Сирс». Его по частям подняли на гору, и все чероки, которые еще не ушли, приходили на него посмотреть. — Она сама себе удивлялась: чего доброго еще пригласит Офелию остаться на ночь.

Открыв дверь, Фрэн с трудом выбралась из машины и вытащила пакет с продуктами. Не успела она обернуться

и поблагодарить Офелию за помощь, как та уже тоже вылезла из машины.

— Я подумала... — нерешительно начала Офелия. — Ну я подумала... Можно воспользоваться вашим туалетом?

— Он на улице, — без всякого выражения сказала Фрэн, но все-таки уступила: — Ладно, заходи. Это обычный туалет, просто не очень чистый.

Когда они зашли в дом, Офелия перестала болтать. Фрэн наблюдала за тем, как она осматривает груду посуды в раковине, подушку и потрепанное лоскутное одеяло на продавленном диване. Горы грязного белья возле экономичной стиральной машины на кухне. Усики ползучих растений, проникшие в дом сквозь трещины в старых оконных рамах.

— Ты небось думаешь, что это смешно, — сказала Фрэн. — Мы с отцом зарабатываем на жизнь, убираясь в чужих домах, а о своем собственном вообще не заботимся.

— Вовсе нет. Я думала о том, что кто-то должен позаботиться о тебе, — ответила Офелия. — По крайней мере, пока ты болеешь.

Фрэн пожала плечами.

— Я и сама неплохо справляюсь, — сказала она. — Ванная дальше по коридору.

Оставшись наедине с собой, Фрэн приняла две капсулы «Найквила», запив их остатками имбирного эля из холодильника. Безвкусный, зато прохладный. Потом легла на диван и, прижавшись к бугристым подушкам, с головой накрылась одеялом. У нее болели все мышцы, лицо горело, а ноги как будто превратились в две ледышки.

Мгновение спустя рядом с ней присела Офелия.

— Офелия, — сказала Фрэн, — я, конечно, благодарна тебе за то, что ты отвезла меня домой, и за помощь у Робертсов, но на девчонок я не западаю. Так что не надо ко мне клеиться.

Офелия ответила:

— Я принесла тебе стакан воды. Тебе нужно много пить.

— М-м-м... — пробормотала Фрэн.

— Знаешь, твой отец однажды заявил мне, что я попаду в ад, — сказала Офелия. — Он что-то делал у нас дома, кажется, чинил протекшую трубу... Понятия не имею, откуда он узнал. Мне было одиннадцать лет. Вряд ли я тогда сама об этом догадывалась. Ну... Во всяком случае, не была уверена. После этого разговора он перестал приводить тебя к нам играть, хотя маме я ничего не говорила.

— Мой папочка думает, что все попадут в ад, — сказала Фрэн из-под одеяла. — Мне лично все равно, куда я попаду, лишь бы все было не так, как здесь, и его там не было.

Офелия молчала минуту или две, но и не уходила, поэтому Фрэн наконец высунулась из-под одеяла. Офелия держала в руке игрушку, обезьянье яйцо, и снова и снова переворачивала его.

— Дай сюда, — сказала Фрэн. — Сейчас заведу.

Она покрутила филигранный наборный диск и поставила яйцо на пол. Игрушка яростно завибрировала. Из нижней полусферы выдвинулись две пинцетообразные ножки и хвост скорпиона, выполненные из узорчатой латуни. Яйцо встало и пошатнулось, сначала в одну сторону, затем в другую. Сочлененный хвост извивался и бил из стороны в сторону. По обе стороны верхнего полушария открылись маленькие отверстия, откуда вы-

сунулись руки и принялись стучать по куполу яйца до тех пор, пока он, издав щелчок, тоже не открылся. Оттуда выскочила обезьянья головка, на макушке которой, словно шляпка, красовалась яичная скорлупа. Обезьянка то открывала, то закрывала рот, радостно треща, вращая гранатовыми глазками и описывая руками широкие круги в воздухе. Наконец завод кончился, и все части обезьяньего тельца убралось обратно внутрь яйца.

— Что это такое? — спросила Офелия. Она взяла яйцо и провела пальцем по швам.

— Эта штуковина в нашей семье уже давно, — сказала Фрэн. Высунув руку из-под одеяла, она схватила салфетку и уже, наверное, в тысячный раз высморкалась. — Мы не украли ее, если ты об этом подумала.

— Да нет, — сказала Офелия и нахмурилась. — Просто... Я такого никогда раньше не видела. Это как яйцо Фаберже. Ему место в музее.

Были в доме и другие игрушки. Смеющаяся кошка и вальсирующие слоники, заводной лебедь, преследовавший собаку. Другие игрушки, которыми Фрэн не играла уже многие годы. Русалка, вычесывавшая из волос гранаты. Мама называла их побрякушками для малышей.

— Теперь припоминаю, — сказала Офелия. — Однажды ты пришла ко мне домой играть и принесла с собой серебристую рыбку. Она была меньше моего мизинца. Мы опустили ее в ванну, и она все плавала и плавала по кругу. Еще у тебя были маленькая удочка и золотой червячок, который дергался на крючке. Ты велела мне поймать рыбку, и когда я это сделала, рыбка заговорила. Сказала, что если я ее отпущу, она исполнит мое желание.

— Ты пожелала два куска шоколадного торта, — сказала Фрэн.

— А потом мама испекла шоколадный торт, помнишь? — проговорила Офелия. — Так что мое желание и впрямь исполнилось. Но я смогла съесть только один кусок. Может, я заранее знала, что мама собирается печь торт? Вот только зачем бы я стала загадывать торт, если бы точно знала, что и так его получу?

Фрэн молчала и, смежив веки, смотрела на Офелию сузившимися до щелочек глазами.

— Рыбка еще у тебя? — спросила Офелия.

— Да, где-то лежит, — сказала Фрэн. — Часовой механизм сломался. Она больше не исполняет желаний. Но мне как-то все равно. Она всегда исполняла только мелкие желания.

— Ха-ха, — сказала Офелия и встала. — Завтра суббота. Я загляну к тебе утром — проверить, все ли с тобой в порядке.

— Это необязательно, — сказала Фрэн.

— Я знаю, — кивнула Офелия. — Но я приду.

Как-то раз отец Фрэн (он был пьян, но религией тогда еще не увлекался) сказал: когда делаешь для других людей то, что они в состоянии сделать сами, но предпочитают платить тебе, чтобы ты это делал вместо них, обе стороны к этому быстро привыкают.

Иной раз тебе даже не платят, и ты, попросту говоря, начинаешь заниматься благотворительностью. Поначалу испытываешь определенное неудобство, но постепенно уже не можешь без этого. А спустя какое-то время даже начинаешь чувствовать себя не в своей тарелке, если ничего для них не делаешь. Все кажется, что надо сделать что-то еще, а потом еще. Появляется чувство собственной значимости. Ведь ты им нужен. И чем больше ты им нужен, тем больше они нужны тебе. Нарушается равновесие.

Запомни это, Фрэнни. Иногда ты на одном конце, а иногда на другом. Всегда нужно знать, где ты и что кому должна. Если не сможешь найти равновесие, так тут и останешься.

Накачавшись «Найквиллом», Фрэн, охваченная жаром, лежала одна в скрытом за стеной роз прадедушкином доме из каталога и видела во сне — как и каждую ночь — собственное бегство. Каждые несколько часов она просыпалась в надежде, что кто-нибудь принесет ей воды. Время от времени она вся покрывалась потом, после чего замерзала в насквозь мокрой одежде, а потом снова начинала гореть.

Когда на следующий день пришла, хлопнув фанерной дверью, Офелия, Фрэн все еще лежала на диване.

— Доброе утро! — приветствовала ее Офелия. — Или, скорее даже, добрый день! Сейчас уже полдень. Я принесла апельсины — сделаю тебе свежесжатый сок. А еще я не знала, что ты больше любишь — колбасу или бекон, поэтому купила два разных сэндвича.

Фрэн с трудом села на постели.

— Фрэн, — сказала Офелия. Она подошла и встала возле дивана, держа в обеих руках сэндвичи в форме кошачьих голов. — Выглядишь ты ужасно. — Она провела рукой по лбу Фрэн. — Ты вся горишь! Так и знала, что нельзя было оставлять тебя здесь одну! Что же делать? Отвезти тебя в больницу?

— Никаких врачей, — сказала Фрэн. — Они начнут выяснять, где мой отец. Принеси попить!

Офелия помчалась за водой.

— Тебе нужны антибиотики, — вернувшись, сказала она. — Или что-то вроде этого. Фрэн?

— Так, — пробормотала Фрэн. Она выудила из стопки писем на полу какой-то счет и вытащила конверт для

ответного письма. Затем вырвала у себя три волоса, положила их в конверт и, лизнув, заклеила его. — Отнеси это вверх по дороге, к канаве, — сказала она. — На самый верх. — Она закашлялась. Казалось, будто в легких у нее с грохотом перекачивается что-то сухое. — Когда доберешься до большого дома, обойди его и постучись в дверь. Скажи, что тебя прислала я. Хозяев ты не увидишь, но они поймут, что ты от меня. После того как постучишься, заходи. Сразу иди наверх, понимаешь, и подсунь этот конверт под дверь. Третью по коридору. На месте разберешься, под какую. Потом выходи на крыльцо и немного подожди. Принеси мне то, что они тебе дадут.

По взгляду, которым ее наградила Офелия, было ясно, что она считает, будто Фрэн бредит.

— Если там нет дома или окажется, что это не тот дом, о котором я говорю, возвращайся, и я поеду с тобой в больницу. Или если найдешь дом, но побоишься войти и не сможешь выполнить мою просьбу, возвращайся, и поедem к врачу. Но если сделаешь, как я говорю, будет, как с рыбкой.

— Как с рыбкой? — переспросила Офелия. — Я не понимаю.

— Потом поймешь. Будь смела, как девушки в балладах. — Сказала Фрэн и изо всех сил постаралась придать себе бодрый вид.

Офелия ушла.

Фрэн лежала на диване и мысленно совершала путь вместе с ней. Время от времени она подносила к глазу нечто вроде подзорной трубы — вещь гораздо более полезную, чем любая заводная побрякушка. В эту трубу виднелась грунтовая дорога; на первый взгляд она заканчивалась тупиком, но, присмотревшись внимательнее,

можно было разглядеть, что дорога пересекает мелкую канавку, ползущую вверх и вниз по склону горы. За лугом снова начинались лавровые кусты, а затем деревья, увитые плетистыми розами, — в этом месте Фрэн всегда казалось, будто она поднимается среди дрейфующих бело-розовых облаков. Дальше шла каменная стена, почти полностью обрушившаяся, за которой возвышался большой дом. Двухэтажный, каменный, сухой кладки, потемневший от времени, как и полуразвалившаяся стена. Шиферная крыша, длинное косое крыльцо, резные деревянные ставни, закрывавшие окна, отчего дом казался слепым. Две яблони, кривые и старые, одна — сплошь усыпанная плодами, другая — голая, серебристо-черная. Офелия отыскивала мшистую тропинку между ними, которая вела к двери черного входа, где на каменной перемычке были вырезаны два слова: «БУДЬ СМЕЛА».

Фрэн видела: постучавшись, Офелия на мгновение нерешительно застыла на пороге, а затем открыла дверь.

— Здравствуйте, — позвала она. — Меня прислала Фрэн. Она болеет. Здравствуйте...

Никто ей не ответил.

Вздохнув, Офелия переступила порог и оказалась в тесном темном коридоре, по обеим сторонам которого располагались комнаты, а впереди — ведущая наверх лестница. На плитах, которые увидела перед собой Офелия, были вырезаны все те же слова: «БУДЬ СМЕЛА», «БУДЬ СМЕЛА». Несмотря на столь подбадривающее приглашение, Офелия, казалось, не имела намерения обследовать ни одну из комнат. Фрэн подумала, что это мудрое решение. Первое испытание Офелия прошла успешно. Логично было бы предположить, что за одной из дверей скрывается гостиная, а за другой — кухня, но предположение это оказалось бы ошибочным. С одной

стороны находилась Комната Королевы. С другой — Военная Комната. Так, по крайней мере, называла их Фрэн.

Вдоль стен коридора громоздились кипы старых журналов, газет и каталогов, энциклопедий и готических романов. Проход стал настолько узким, что даже крошке Офелии пришлось повернуться боком, чтобы протиснуться между ними. Из бумажных пакетов и целлофановых сумок торчали кукольные ноги и изделия из серебра, теннисные трофеи и стеклянные банки, пустые спичечные коробки, зубные протезы и другие предметы. Все они наводили на мысль, что за дверями по обе стороны коридора скрывается еще больше беспорядочно сваленных в кучи ненужных вещей, и это действительно было так. У подножия лестницы на первой же ступеньке был вырезан еще один совет для гостей вроде Офелии: «БУДЬ СМЕЛА, БУДЬ СМЕЛА, НО НЕ СЛИШКОМ!»

Фрэн поняла: хозяева дома снова развлекались. Кто-то украсил балюстраду мишурой, плющом и павлиньими перьями. Вдоль лестницы чертежными кнопками были приколоты к стене вырезанные из фотографий фигуры, слой за слоем, один на другой. Сотни и сотни глаз следили за тем, как Офелия осторожно ставит ногу на следующую ступеньку.

Возможно, Офелия не доверяла лестнице, полагая, что та насквозь прогнила. Но лестница не таила в себе опасности. За этим домом всегда кто-нибудь следил.

Наверху лежал мягкий упругий ковер. Мох, решила Фрэн. Опять сменили обстановку. Убирать будет чертовски трудно. То там, то тут под мохом пестрели кольца красно-белых грибов. Многочисленные игрушки только и ждали, чтобы кто-нибудь в них поиграл. Заводной динозавр, на чьих медных плечах сидел дешевый пластмассовый ковбой. Под потолком — два бронированных

дирижабля, привязанные к светильникам алыми ленточками. Пушки на этих аппаратах были в рабочем состоянии и неоднократно гоняли Фрэн по коридору. Потом дома ей приходилось вытаскивать пинцетом крошечные свинцовые пульки, угодившие в голень. Однако сегодня все было спокойно.

Миновав две двери, Офелия остановилась у третьей. Ее венчало последнее предупреждение: «БУДЬ СМЕЛА, БУДЬ СМЕЛА, НО НЕ СЛИШКОМ УСЕРДСТВУЙ, НЕ ТО БЫСТРО В ГРУДИ ОСТАНОВИТСЯ СЕРДЦЕ». Офелия взялась за дверную ручку, но открывать не стала. Не трусиха, но и не дура, подумала Фрэн. Они будут довольны. Ведь будут же?

Офелия встала на колени и подсунула под дверь конверт Фрэн. В этот момент что-то выскользнуло у нее из кармана и упало на ковер из моха.

Возвращаясь назад по коридору, Офелия остановилась возле первой двери. Похоже, она что-то слышала. Может быть, музыку? Голос, зовущий ее по имени? Приглашение? Бедное слабое сердце Фрэн едва не остановилось от радости. Офелия им понравилась! Конечно. Кому же она не понравится?

Офелия спустилась по лестнице, с трудом пробираясь сквозь горы мусора. На крыльце она села на качели, но качаться не стала. Судя по всему, одним глазом она следила за домом, а другим — за маленьким садом камней позади дома, который прилегал к горе. Был там и водопад. Фрэн надеялась, что Офелии он понравится. Раньше там ничего подобного не было. Это все для нее, все для Офелии, считавшей водопады обалденно красивыми.

Сидевшая на крыльце Офелия резко обернулась, словно почувствовала, что сзади к ней кто-то подбирается. Но там не было никого, кроме пчел-плотников, несущих

домой наполненные золотом сумки, и дятла, долбившего ствол в поисках пищи. В растрепанной траве сидел трубказуб, и чем внимательнее Офелия осматривалась, тем больше они с Фрэн видели. Под лавровым кустом дремали два лисенка. Самка оленя и олененок отрывали с молодых стволов полосы коры. По высокому уступу над домом даже шагал бурый медведь со свалившимся с прошлой зимы мехом. Пока Офелия как зачарованная сидела на крыльце этого опасного дома, Фрэн свернулась калачиком у себя на диване. От тела волнами исходил жар. От страшного озноба стучали зубы. Она уронила подзорную трубу на пол. «Может, я умираю, — подумала Фрэн, — вот почему Офелия здесь».

Фрэн то просыпалась, то вновь проваливалась в сон, прислушиваясь, не возвращается ли Офелия. Возможно, она ошиблась, и они не станут помогать ей. Возможно, они вообще не позволят Офелии вернуться. Офелия так застенчива, так добра, так красиво поет... У нее кудрявые золотистые волосы. А им нравится все, что сверкает. В этом они похожи на сорок. Да и во многом другом тоже.

Но Офелия все-таки вернулась. Глаза ее округлились, а лицо сияло радостным возбуждением, словно наступило Рождество.

— Фрэн, — позвала она. — Фрэн, просыпайся! Я сходила туда! Я была смелой! Фрэн, кто там живет?

— Летние люди, — сказала Фрэн. — Они тебе что-нибудь для меня дали?

Офелия поставила на одеяло какой-то предмет — очень красивый, как и все, что делали летние люди. Это был флакон из перламутрового стекла размером с тюбик губной помады, который обвивала эмалированная зеленая змейка, чей хвост служил пробкой. Фрэн потянула за

хвост, и змейка развернулась. Из горлышка флакончика показалось древко стяга, на расправившемся шелковом полотнище которого были вышиты слова: «Выпей меня».

Офелия смотрела на все это помутневшими от обилия чудес глазами.

— Я сидела там и ждала, а мимо пробежали две маленькие лисички! Они забрались прямо на крыльцо, подошли к двери и скреблись в нее до тех пор, пока она не открылась. Они зашли прямо в дом! А потом вышли, и одна из них подошла ко мне, держа в зубах бутылочку. Она положила ее у моих ног, и они ловко сбежали по ступенькам и скрылись в лесу. Фрэн, это было совсем как в сказке!..

— Да, — сказала Фрэн.

Она поднесла сосуд к губам и выпила его содержимое. Потом закашлялась, вытерла рот и лизнула тыльную сторону ладони.

— Я хочу сказать, что люди вечно что-нибудь сравнивают со сказкой, — продолжала Офелия. — Но обычно они имеют в виду, что кто-то влюбляется и женится. Живет долго и счастливо. Но этот дом, эти лисы... Вот где самая настоящая сказка. Кто они такие? Летние люди?

— Так их называет мой отец, — сказала Фрэн. — Но когда на него находит приступ религиозности, он называет их дьяволами, явившимися, чтобы украсть его душу. Это потому, что они снабжают его выпивкой. Он о них никогда не заботился. Этим всегда занималась мама. А теперь, когда ее нет, это моя работа.

— Ты у них работаешь? — переспросила Офелия. — Ну, как у Робертсов?

Фрэн вдруг почувствовала невероятное облегчение. Казалось, впервые за много дней у нее согрелись ноги, а горло смягчил медовый бальзам. Даже нос перестал болеть и выглядел не таким красным.

— Офелия... — сказала она.

— Да, Фрэн?

— Думаю, теперь я совсем скоро поправлюсь. Это твоя заслуга. Ты была храброй, оказалась настоящим другом, и мне нужно придумать, как тебя отблагодарить.

— Да я не... — возразила Офелия. — То есть я рада, что все так получилось. Рада, что ты попросила меня о помощи. Обещаю, что никому ничего не скажу.

«Если расскажешь, потом пожалеешь об этом», — подумала Фрэн, но вслух ничего не сказала.

— Офелия! Мне сейчас нужно немного поспать. А потом, если захочешь, поговорим. Можешь даже остаться тут, пока я сплю. Если хочешь. Знаешь, мне наплевать, что ты лесбиянка. В кухне на столе лежат «Поп тартс». И те два сэндвича, что ты принесла. Я люблю с колбасой. Можешь взять себе тот, что с беконом.

Она заснула прежде, чем Офелия успела ответить.

Проснувшись, Фрэн первым делом наполнила ванну и быстренько осмотрела себя в зеркало. Волосы выглядели безжизненными и сальными и были в колтунах, словно у ведьмы. Под глазами залегли глубокие тени. Она высунула язык, он был покрыт желтым налетом. Когда она вымылась и снова оделась, джинсы висели на ней мешком, и было такое ощущение, будто у нее остались только кости.

— Сейчас я могла бы съесть слона, — сказала она Офелии. — Но сэндвич в виде кошачьей головы и парочка «Поп тартс» — для начала совсем неплохо.

Офелия налила свежесжатый апельсиновый сок в керамический кувшин. Фрэн не стала говорить ей, что отец иногда использует его как плевательницу.

— Можно задать тебе еще несколько вопросов? — спросила Офелия. — Ну, про летних людей?

— Не уверена, что смогу ответить, — сказала Фрэн. — Но давай, попробуй.

— Когда я только вошла туда, — продолжала Офелия, — то поначалу подумала, что там живет какой-то затворник. Ну знаешь, из тех, что все собирают и никогда ни с чем не расстаются. Я смотрела про них передачу по телевизору, иногда они собирают даже собственные какашки. И мертвых кошек. Это просто ужасно. Дальше все выглядело еще более странно. Но я ни разу не испугалась. Мне казалось, что там кто-то есть, но они были рады меня видеть.

— Им редко составляют компанию, — объяснила Фрэн.

— Понятно. А зачем они собирают все эти вещи? Откуда это все?

— Некоторые вещи — из каталогов. Иногда мне приходится идти на почту и забирать их заказы. Иногда они сами уезжают и что-нибудь привозят. А иной раз говорят мне, что им нужно, и я им это достаю. В основном это вещи от Армии спасения. Однажды они велели мне купить сто фунтов медных труб.

— Зачем? — спросила Офелия. — Что они со всем этим делают?

— Мастерят разные вещи, — ответила Фрэн. — Мама так их и называла — «мастера». Не знаю, зачем им все это. Они раздают вещи. Игрушки, например. Когда делаешь для них что-нибудь, они вроде как оказываются у тебя в долгу.

— Ты их когда-нибудь видела? — спросила Офелия.

— То и дело вижу, — сказала Фрэн. — Хотя... Не так уж часто, если честно. Последний раз видела, когда была намного меньше. Они стеснительные.

Офелия прямо-таки подпрыгивала на стуле.

— Ты о них заботишься? Это же замечательно! Они всегда здесь жили?

Фрэн помедлила.

— Я не знаю, откуда они взялись. Они не всегда здесь. Иногда они... где-то в другом месте. Мама их жалела. Она думала, что они не могут вернуться домой, что их откуда-то выгнали, ну... как чероки, например. Они живут намного дольше, чем другие люди, может, вообще вечно, не знаю. Мне кажется, там, откуда они пришли, время течет иначе. Иногда их нет годами. Но они всегда возвращаются. С летними людьми всегда так.

— И мы раньше то приезжали, то уезжали, — сказала Офелия. — Ты и обо мне так раньше думала. А теперь я все время живу здесь.

— Но ты-то можешь и уехать, — сказала Фрэн. Ей было все равно, как это прозвучало. — А я вот, например, не могу. Это часть уговора. Тот, кто о них заботится, должен оставаться здесь. Уехать нельзя. Они не позволят.

— Хочешь сказать, ты не сможешь уехать? Никогда?

— Да, — ответила Фрэн. — Никогда. Мама здесь застряла — до тех пор пока не родила меня. А потом, когда я подросла, я ее заменила. И она ушла.

— Куда она ушла?

— Это вопрос не ко мне, — сказала Фрэн. — Они дали маме палатку, которая складывается до размеров носового платка. Когда ставишь ее, с виду это обыкновенная палатка на двоих, но внутри все совсем иначе. Как в коттедже — две кровати с латунными каркасами, шкаф для одежды и белья, стол и застекленные окна. Когда смотришь в одно окно, видишь то, что на самом деле происходит снаружи, а когда смотришь в другое, всегда видишь те две яблони, которые растут перед домом, и мшистую тропинку между ними. Помнишь?

Офелия кивнула.

— Так вот, мама ставила эту палатку, когда у папаши случался запой, и мы с ней там отсиживались. А потом она переложила на меня заботу о летних людях, и однажды утром, после того как мы провели ночь в палатке, я проснулась и увидела, как она вылезает в окно. То самое, которого там быть не должно. Она пошла по тропинке и скрылась из виду. Может, надо было пойти за ней, но я осталась...

— Куда она пошла? — спросила Офелия.

— Здесь ее нет, — сказала Фрэн, — и больше я ничего не знаю. Так что я должна оставаться вместо нее. Вряд ли мама когда-нибудь вернется.

— Как же она могла бросить тебя? — сказала Офелия. — Это неправильно, Фрэн.

— Знаешь, мне бы так хотелось уехать отсюда, хотя бы ненадолго, — сказала Фрэн. — Побывать в Сан-Франциско и увидеть мост Золотые Ворота... Помочить ноги в Тихом океане.... Еще я хотела бы купить гитару и исполнять на улицах старые баллады... Хотя бы немножко отдохнуть, а потом уж снова надеть на себя это ярмо.

— Я бы с радостью съездила в Калифорнию, — сказала Офелия.

Они помолчали минутку.

— Я бы хотела тебе помочь, — продолжала Офелия. — Ну, с домом этим и летними людьми. Нехорошо, что тебе все всегда приходится делать одной.

— Я и так уже у тебя в долгу, — напомнила Фрэн, — за помощь у Робертсов. За то, что ухаживала за мной, пока я болела. За то, что ты для меня сделала, когда пошла в тот дом.

— Я знаю, каково это, когда ты совсем одна, — воскликнула Офелия. — Когда не с кем поговорить. Я сде-

лаю все, что в моих силах, чтобы тебе помочь. Я серьезно, Фрэн...

— Я вижу, что ты говоришь серьезно, — сказала Фрэн. — Но вряд ли ты сама понимаешь, о чем говоришь. Если хочешь, можешь еще раз туда сходить. Ты оказала мне большую услугу, и я не знаю, как тебя отблагодарить... В том доме есть спальня, и если в ней переночевать, увидишь свое самое сокровенное желание. Я могла бы отвести тебя туда сегодня вечером и показать эту комнату. Так или иначе, думаю, ты там кое-что потеряла.

— Правда? — спросила Офелия. — Что именно? — Она проверила карманы. — Ох, черт возьми! Айпод. Как ты узнала?

Фрэн пожала плечами.

— Ну, в любом случае его там никто не украдет. Думаю, они будут рады снова тебя видеть. Если бы ты им не понравилась, то уже поняла бы это.

Фрэн затеяла уборку, чтобы наконец ликвидировать чудовищный беспорядок, который они с отцом развели у себя дома, и тут летние люди дали ей знать, что им кое-что нужно.

— Могу я хоть минутку потратить на себя? — проворчала она.

Они напомнили ей, что у нее на это было целых четыре дня.

— И я это время ценю особенно, — сказала она, — учитывая, как паршиво мне было.

Но все же поставила сковородку отмокать в раковине и записала, что от нее требовалось.

Она убрала все игрушки, недоумевая, с чего это ей вдруг приспичило их достать. Может быть, из-за мыслей

о маме — когда она болела, то всегда думала о маме. И в этом нет ничего странного.

Офелия вернулась в пять часов вечера. Она собрала волосы в хвост и принесла фонарик и термос. Верно, вообразила себя Нэнси Дрю.

— Здесь так рано темнеет, — заметила Офелия. — Такое ощущение, что наступил Хэллоуин. Как будто ты ведешь меня в дом с привидениями.

— Они не призраки, — сказала Фрэн. — И не демоны. Ничего подобного. Они не причинят тебе вреда, если только ты их не разозлишь. Вот тогда они тебя разыграют и всласть повеселятся.

— Разыграют? Как? — спросила Офелия.

— Однажды я мыла посуду и случайно разбила чашку, — сказала Фрэн. — Они подобрались ко мне и больно ущипнули за руку. — След на руке оставался до сих пор, хотя прошло уже много лет и она больше никогда ничего не разбивала. — В последнее время они увлеклись тем же, чем тут все увлекаются. Ролевыми играми. Военные реконструкции... Превращают большую комнату внизу в поле боя. Только это не Гражданская война. Думаю, это что-то из их войн. Они построили себе воздушные корабли и подводные аппараты, механических драконов и рыцарей и самые разные маленькие игрушки и сражаются с их помощью. Иногда им становится скучно, и они приглашают меня как зрителя, только вот не всегда внимательно следят за тем, куда нацеливают свои пушки.

Она посмотрела на Офелию и поняла, что сболтнула лишнее.

* Нэнси Дрю — героиня детективов для детей. (Здесь и далее примеч. пер.)

— Ну ко мне-то они привыкли. Знают же, что у меня нет выбора, а значит, с их поведением приходится мириться.

Днем ей пришлось ехать в Чаттанугу, чтобы зайти в один комиссионный магазин. Они отправили ее за поддержанным DVD-плеером и снаряжением для верховой езды, а еще велели скупить все купальники в округе. Вместе с оплатой бензина это обошлось ей в семьдесят долларов. И всю дорогу горела сигнальная лампа. Хорошо, что в этот день не надо было идти школу. Сложно объяснить учителю, что ты прогуливаешь уроки, потому что голоса у тебя в голове срочно потребовали купить седло.

Потом она занесла покупки в дом. Айпод лежал прямо перед дверью.

— На, — сказала Фрэн. — Я принесла его назад.

— Мой айпод! — воскликнула Офелия, повертев его в руках. — Это они сделали?

Айпод теперь весил немного больше. Он обзавелся красно-коричневым футлярчиком из ореха, инкрустированным рисунком из черного дерева и позолоты, взамен старого футляра из розового силикона.

— Стрекоза, — сказала Офелия.

— Змеиный доктор, — сказала Фрэн. — Так их называет мой отец.

— Это они для меня сделали?

— Они разукрасят даже джинсовую куртку со стразами, если случайно ее там забудешь, — усмехнулась Фрэн. — Честное слово. Они просто не могут оставить вещь просто лежать.

— Классно, — сказала Офелия. — Хотя мама ни за что мне не поверит, если я скажу, что купила футляр в торговом центре.

— Только не бери с собой ничего металлического, — предупредила Фрэн. — Никаких сережек, даже ключи от машины не бери. А то проснешься и увидишь, что они их расплавили, сделали доспехи для кукол или бог знает что еще.

Дойдя до места, где дорогу пересекала канава, они сняли обувь. Совсем недавно здесь сошел снег и вода была очень холодной.

— Наверное, надо было принести хозяевам какой-нибудь подарок, — предположила Офелия.

— Можешь собрать для них букет полевых цветов, — сказала Фрэн. — Но точно так же их порадует немного падали.

— Опавшие листья? — переспросила Офелия.

— Животные, которых сбило машиной, — объяснила Фрэн. — Но и листья сгодятся.

Офелия нажала на панель айпода.

— Тут, оказывается, песни, которых раньше у меня не было.

— Музыку они тоже любят, — сказала Фрэн.

— Ты говорила, что хочешь поехать в Сан-Франциско и выступать на улице, — напомнила Офелия. — Я такого даже вообразить не могу.

— Ну, — сказала Фрэн, — конечно, я никогда этого не сделаю, но вообразить могу без труда.

Наконец они добрались до дома. На зеленой лужайке неподалеку паслись олени. Угасающий свет дня озарял деревья: живое и мертвое. На балках над крыльцом висели гирлянды китайских фонариков.

— К дому нужно подходить по тропинке между деревьями, — сказала Фрэн. — Прямо по тропинке. Иначе

к нему вообще не подберешься. И я всегда хожу только через черный вход.

Она постучала в дверь. Будь смела, будь смела.

— Это опять я, — сказала она. — И Офелия со мной. Та, что оставила айпод.

Увидев, что Офелия открыла рот, она поспешно перебила ее:

— Не надо. Они не любят, когда их благодарят. Это для них как яд. Заходи. *Mi casa es su casa**. Сейчас я тебе все покажу.

Они перешагнули через порог. Фрэн шла первой.

— Сзади комната с насосом, где я обычно стираю, — сказала она. — Есть еще большая каменная печь и мангал, хотя не понимаю, зачем он им. Мясо они не едят. Но тебе, наверное, это не интересно.

— А в этой комнате что? — спросила Офелия.

— Хм, — фыркнула Фрэн. — Ну, прежде всего, куча старья. Я же говорила: они обожают собирать барахло. А за всем этим барахлом, подозреваю, прячется Королева.

— Королева?

— Ну, это я ее так называю. Знаешь, как у пчел? Глубоко в сотах сидит королева, и все рабочие пчелы ей прислуживают... Насколько я понимаю, что-то подобное происходит и здесь. Королева очень большая и не особенно красивая, и они все время бегают туда-сюда, носят ей еду. Не думаю, что она уже совсем взрослая. Я уже давно размышляю над тем, что говорила мама: может, этих летних людей и вправду откуда-то выгнали. У пчел ведь тоже так бывает, да? Они улетаются и строят новый улей, когда королев становится слишком много.

— Да, кажется так, — согласилась Офелия.

* Мой дом — твой дом (исп.).

— Это у Королевы папочка берет алкоголь, и она его не беспокоит. У них там что-то вроде перегонного куба, и то и дело, когда папаша не слишком ударяется в религию, он заходит туда и берет по чуть-чуть. На вкус выпивка ужасно сладкая.

— А они... Они сейчас нас слушают?

В ответ из Военной комнаты донеслась череда стуков. Офелия подскочила.

— Что это? — спросила она.

— Помнишь, я тебе про ролевые игры рассказывала? — сказала Фрэн. — Ты не бойся, это довольно клево.

Она слегка подтолкнула Офелию в сторону Военной комнаты.

Из всех помещений в доме эта комната нравилась Фрэн больше всего, хотя там с воздушных кораблей на нее сбрасывали бомбы или стреляли из пушек — никто не обращал внимания на то, где она стоит. Стены покрывали олово и медь — куски металлолома, приколотые дешевыми гвоздями. Пол был усеян различными предметами, изображавшими уменьшенные горы, леса и равнины, где миниатюрные войска вели отчаянные сражения. Возле большого венецианского окна стоял детский бассейн с машинкой, которая создавала волны. В нем плавали кораблики и маленькие подводные лодки. Иногда один из кораблей шел ко дну, и по краям бассейна всплывали тела. Бесконечно плавал по кругу сделанный из труб и металлических колец морской змей. Ближе к двери лениво протекала красная, дурно пахнущая речка с бугристыми берегами. Летние люди постоянно перебрасывали через нее миниатюрные мосты, а затем взрывали их.

Наверху парили фантастического вида дирижабли. Подвешенные на ниточках драконы водили непрерывные хороводы. Рядом с ними висела туманная сфера, закре-

пленная каким-то неведомым Фрэн способом и подсвеченная неизвестно откуда лившимся светом. Она то парила под разукрашенным потолком много дней подряд, то опускалась за бортик пластикового моря, согласно какому-то таинственному расписанию, составленному хозяевами.

— Я как-то была в одном доме, — сказала Офелия. — У кого-то из друзей отца. Кажется, анестезиолога... У него в подвале была модель железной дороги, жутко сложная. Он бы умер на месте, увидев все это.

— Вон там, я думаю, Королева, — показала Фрэн. — Видишь — в окружении рыцарей. А вон еще одна, гораздо меньше. Интересно, кто в конце концов победил?

— Может, сражение еще не состоялось? — предположила Офелия. — Или оно сейчас в самом разгаре?

— Возможно, — согласилась Фрэн. — Жаль, нет какой-нибудь книги, в которой бы объяснялось, что происходит. Идем. Покажу тебе комнату, в которой можно спать.

Они поднялись по лестнице. Будь смела, будь смела, но не слишком. Ковер из моха на втором этаже уже выглядел потрепанным.

— На прошлой неделе я целый день простояла на четвереньках, пока мыла пол. Ну а на следующий день они, разумеется, залили тут все грязью и черт знает чем еще. Конечно, не им же придется все это убирать.

— Я могу помочь, — предложила Офелия. — Если хочешь.

— Вообще-то я не думала просить тебя о помощи. Но раз сама предлагаешь, пожалуй, соглашусь. За первой дверью ванная комната, — сказала Фрэн. — В туалете нет ничего необычного. Но за ванну поручиться не могу. Мне никогда не доводилось в ней сидеть.

Она открыла вторую дверь.

— А спать можно здесь.

Это была великолепная комната, вся в золотых, розовых и мандариновых тонах. Стены украшали разнообразные листья и лозы, выполненные из платьев, футболок и прочих тряпок. Мать Фрэн почти целый год моталась по комиссионным магазинам, подбирая одежду по узорам, текстуре и цвету. Между листьями шныряли змейки и рыбки, покрытые сусальным золотом. Фрэн помнила: когда утром всходило солнце, все это великолепие делалось таким ослепительно ярким, что на него было больно смотреть.

На кровати лежало сумасшедшего вида розовое с золотым стеганое одеяло. Сама кровать по форме напоминала лебедя. У ее изножья стоял плетеный сундук, куда можно было складывать одежду. Матрас был набит вороньим пухом. Фрэн помогала матери отстреливать ворон и ощипывать их. По ее подсчетам, они убили около сотни птиц.

— Ух ты! — восхищенно прошептала Офелия. — Я все время это повторяю: ух ты! ух ты! ух ты!

— Мне всегда казалось, что находиться в этой комнате — все равно что застрять в бутылке апельсинового лимонада, — сказала Фрэн. — Но в хорошем смысле.

— Я люблю апельсиновый лимонад, — сказала Офелия. — Но это больше похоже на открытый космос.

На полу возле кровати стояла стопка книг. Как и все в этой комнате, книги были подобраны по цвету обложек. Мать Фрэн рассказывала ей, что раньше в комнате царили другие цвета. Может быть, зеленый и синий? Цвета ивы, павлиньих перьев и полуночи? И кто тогда собирал вещи для украшения комнаты? Прадедушка Фрэн или какой-нибудь еще более дальний предок? Кто первым начал заботиться о летних людях? Мама неохотно рассказывала об этом, и Фрэн знала лишь часть истории.

Так или иначе, трудно было угадать, что обрадует Офелию, а что обеспокоит. После стольких лет все это по-прежнему в равной степени радовало и беспокоило саму Фрэн.

— Та дверь, под которую ты подсунула мой конверт... — наконец сказала она. — Вот туда ты никогда не должна входить.

Офелия с интересом посмотрела на нее.

— Как в сказке про Синюю бороду, — сказала она.

— Через эту дверь они приходят и уходят, — объяснила Фрэн. — Хотя, по-моему, они нечасто ее открывают.

— Как-то раз она заглянула в замочную скважину и увидела кровавую реку. Она была готова поклясться, что стоит только войти в эту дверь, и обратно уже не вернешься.

— Могу я задать тебе еще один глупый вопрос? — спросила Офелия. — Где они сейчас?

— Здесь, — ответила Фрэн. — Или в лесу бегают за козодоями. Я же говорила, я их редко вижу.

— А как же они сообщают тебе, что ты должна для них сделать?

— Они у меня в голове, — сказала Фрэн. — Это сложно объяснить. Они просто проникают туда и начинают меня тыкать. Как будто у меня что-то сильно чешется, но если сделать то, что они от меня хотят, это ощущение проходит.

— Ох, Фрэн, — вздохнула Офелия. — Что-то эти твои летние люди уже не так сильно мне нравятся.

Фрэн ответила:

— Это не всегда ужасно. Скорее, сложно.

— Думаю, когда мама в следующий раз скажет, что я должна помочь ей отполировать серебро, я не буду жаловаться. Сэндвичи съедим сейчас или оставим на тот

случай, если проснемся посреди ночи? — спросила Офелия. — Мне почему-то кажется, что когда увидишь свое самое заветное желание, сразу захочется есть.

— Я не могу остаться, — удивленно сказала Фрэн. Заметив растерянное выражение на лице Офелии, она добавила: — Ох, черт возьми! Я думала, ты поняла. Это для тебя одной.

Офелия продолжала с сомнением смотреть на нее.

— Это потому, что здесь только одна кровать? Я могу спать на полу. Ну в смысле, если ты боишься, что я собираюсь к тебе клеиться.

— Да не в этом дело, — сказала Фрэн. — Они позволяют человеку спать здесь только однажды. Один раз, и не больше.

— Значит, ты хочешь оставить меня здесь одну? — спросила Офелия.

— Да, — ответила Фрэн. — Ну конечно, если ты не боишься. Если не решишь вернуться со мной.

— А если я сейчас уйду, смогу я потом вернуться? — спросила Офелия.

— Нет.

Офелия села на золотое покрывало и погладила его рукой.

— Хорошо. Я останусь. — Она рассмеялась. — Разве я могу поступить иначе? Правда же?

— Ну если ты в этом уверена, — сказала Фрэн.

— Да ни в чем я не уверена, но я не вынесу, если ты меня сейчас прогонишь, — ответила Офелия. — Когда ты спала здесь, тебе было страшно?

— Немного, — призналась Фрэн. — Но кровать очень удобная, и я не выключала свет... Сначала я немного почитала, а потом заснула.

— И ты видела свое заветное желание? — спросила Офелия.

— Видела, — коротко ответила Фрэн.

— Тогда ладно, — вздохнула Офелия. — Наверное, тебе пора. Ведь пора?

— Я вернусь утром, — сказала Фрэн. — Буду здесь еще до того, как ты проснешься.

— Спасибо, — сказала Офелия.

Но прежде чем уйти, Фрэн, помедлив, спросила:

— Ты и в самом деле серьезно говорила, что хочешь мне помочь?

— За домом присматривать? — уточнила Офелия. — Да, абсолютно серьезно. Тебе действительно надо как-нибудь съездить в Сан-Франциско. Это несправедливо, что ты должна просидеть здесь всю жизнь и даже не можешь устроить себе каникулы. Ты ведь не рабыня, верно?

— Я не знаю, кто я, — сказала Фрэн. — Наверное, когда-нибудь мне придется в этом разобраться.

— Короче, поговорим об этом завтра, — сказала Офелия. — За завтраком. Ты расскажешь про самые неприятные стороны этой работы, а я — про заветное желание.

— Да, вот еще что! — спохватилась Фрэн. — Чуть не забыла! Не удивляйся, если завтра, когда проснешься, увидишь, что летние люди оставили тебе подарок. Это будет что-нибудь, что, по их мнению, тебе нужно, или то, что ты хочешь получить. Но ты вовсе не обязана принимать его. Пусть тебя не заботит, что поступаешь невежливо.

— Хорошо, — согласилась Офелия. — Я подумаю, насколько мне нужен этот подарок и хочется ли мне его получить. Не позволю фальшивому блеску себя обмануть, — засмеялась она.

— Ну все, — сказала Фрэн. Затем наклонилась к сидевшей на кровати Офелии и поцеловала ее в лоб. — Спокойной ночи, Офелия. Приятных снов.

Летние люди никак не помешали Фрэн покинуть дом. Хотя она и сама не знала, стоило ли ожидать каких-либо препятствий с их стороны. Спускаясь по лестнице, она сказала куда более свирепо, чем планировала изначально:

— Относитесь к ней хорошо. Никаких розыгрышей! Она проверила, как Королева. Та снова линияла.

Фрэн вышла через парадную дверь, а не через черный вход. Ей всегда хотелось это сделать. Ничего плохого не случилось, и она шла по склону холма, испытывая странную неловкость. Она обдумала все еще раз, прикидывая, что ей еще осталось сделать, и в конце концов решила, что летние люди сами обо всем уже позаботились.

Как выяснилось, не обо всем. Подойдя к своему дому, она увидела гитару возле стены. Это был красивый инструмент с серебряными струнами. Когда она их коснулась, раздался чистый, мелодичный звук, напомнивший ей — как, вне всякого сомнения, и предполагалось — голос Офелии, когда та пела. Золотые колки были выполнены в форме совиных голов, а дека была инкрустирована перламутровыми розочками. Более кричащей безделушки они еще не дарили.

— Ну что ж, — вслух сказала Фрэн. — Наверное, вы не в обиде, что я ей кое-что рассказала. — Почувствовав облегчение, она громко рассмеялась.

— Это кому же и что ты рассказала? — раздался чей-то голос.

Фрэн схватила гитару и выставила ее перед собой, словно оружие.

— Папа?

— Положи на место, — сказал все тот же голос. Из-за розовых кустов показался какой-то человек. — Я не твой чертов папаша! Но мне бы очень хотелось знать, где он.

— Райан Шумейкер, — узнала его Фрэн. Она положила гитару на землю. К первому мужчине подошел второй. — И Кайл Рэйни.

— Здорово, Фрэн, — приветствовал ее Кайл. — Мы ищем твоего папаню, как Райан и сказал.

— Если позвонит, я ему передам, что вы его искали, — ответила Фрэн.

Райан закурил сигарету, глядя на Фрэн поверх огонька.

— Мы хотели поговорить с твоим папашей, но, думаю, ты вполне могла бы его заменить и помочь нам.

— Вот уж вряд ли, — сказала Фрэн. — Но давай, говори, в чем дело.

— Твой папаша должен был вчера ночью завезти нам той сладкой штуки, — сказал Кайл. — Да только вот пока он к нам ехал, видать, слишком много об этом думал, а думать твоему папочке вообще вредно. Он решил, будто Иисус хочет, чтобы он вылил все до последней капли, и именно этим он и занимался всю дорогу под гору. Не будь он таким везучим, что-нибудь бы вспыхнуло неподалеку, но, видно, Иисус пока не жаждет встречаться с ним лично.

— И мало того, — прибавил Райан, — когда он доехал до магазина, Иисус пожелал, чтобы он влез в фургон и разбил весь алкоголь Энди. К тому времени, как мы поняли, что происходит, там почти ничего не осталось, кроме двух бутылок ликера и упаковки из шести бутылок крюшона.

— Одна из них тоже разбилась, — уточнил Кайл. — А потом он смылся, прежде чем мы успели с ним поговорить.

— Что ж, я вам сочувствую, но не могу взять в толк, какое отношение это имеет ко мне? — сказала Фрэн.

— А вот какое: мы тут пораскинули мозгами и решили, что твой папаша запросто мог бы обеспечить нам до-

ступ к некоторым из лучших домов в округе. Я слышал, люди, что приезжают сюда на лето, не прочь покутить.

— То есть, — сказала Фрэн, — если я вас правильно поняла, вы рассчитываете, что отец возместит вам ущерб, став при этом соучастником кражи?

— Он мог бы выплатить компенсацию бедняге Энди, — заметил Райан. — Привезти еще этой сладкой выпивки.

— Ну на этот счет ему надо будет посоветоваться с Иисусом, — сказала Фрэн. — Думаю, ваше второе предложение осуществимо, но вам, скорее всего, придется подождать, пока они с Иисусом не устанут друг от друга.

— Дело вот в чем, — сказал Райан. — Я, видишь ли, человек не особо терпеливый. Может, твоего папаши сейчас тут и нету, но ты-то здесь. И думаю, ты могла бы провести нас в пару домов.

— Или указать, где папаша хранит личные запасы, — добавил Кайл.

— А если я не стану делать ни того, ни другого? — спросила Фрэн, скрестив руки на груди.

— А вот это интересный поворот, Фрэн, — сказал Кайл. — В последние несколько дней у Райана настроение хуже некуда. Вчера вечером в баре он укусил шерифа в руку. Потому мы и не подъехали раньше.

Фрэн сделала шаг назад.

— Подождите, ладно? Я вам кое-что расскажу, если пообещаете не говорить папе. О'кей? Вверх по дороге есть один старый дом, о котором никто, кроме нас с папой, не знает. В нем никто не живет, и папа держит там перегонный куб. Там вообще много всего. Я вас туда отведу. Только не говорите отцу, что я это сделала.

— Конечно, не скажем, солнышко, — заверил ее Кайл. — Зачем же нам вносить разлад в вашу семью? Мы просто хотим получить свое.

И вот Фрэн снова отправилась вверх по склону горы по той же дороге. Перебираясь через канаву, она промочила ноги, но старалась держаться впереди, подальше от Кайла и Райана, насколько это было возможно.

Когда они добрались до дома, Кайл удивленно при-
свистнул.

— Ничего себе! Нехилые руины...

— Это еще что! Сейчас увидишь, что там внутри, — сказала Фрэн. Она подвела их к черному входу и открыла двери. — Вы уж простите, тут темно. Электричество часто выходит из строя. Папа обычно приносит с собой фонарик. Хотите, я за ним сбегаю?

— У нас есть спички, — сказал Райан. — Оставайся здесь.

— Куб стоит в комнате справа. Смотрите, куда наступаете. У папы там целый лабиринт из старых газет и всякого барахла.

— Темно, будто в аду в полночь, — буркнул Кайл, пробираясь на ощупь по коридору. — Кажись, я у двери. По запаху — как раз то, что нужно. В общем, буду идти на запах. Тут же нет никаких ловушек, правда?

— Нет, сэр, — сказала Фрэн. — Иначе отец давно бы уже сам в них угодил.

— Тогда уж можно и осмотреться, — решил Райан. Единственным источником света служил горящий кончик его сигареты.

— Да, сэр, — сказала Фрэн.

— А сортира среди этого бардака нет?

— Третья дверь налево на втором этаже, — сказала Фрэн. — Ее трудно не заметить.

Она дождалась, пока он поднимется по лестнице, и снова выскользнула на улицу через черный вход, прислушиваясь, как Кайл неуклюже продвигается на середину комнаты Королевы. Интересно, что Королева подумает о Кайле? За Офелию она ни капли не волновалась. Офелия была приглашенной гостьей. Да и летние люди никогда не давали в обиду тех, кто о них заботится.

Когда она вышла, один из летних людей сидел на качелях на крыльце и затачивал острым ножом кончик палки.

— Добрый вечер, — сказала Фрэн, кивая.

Человек даже не взглянул на нее. Он был красив до рези в глазах — но не смотреть было невозможно. Вот так они тебя и ловят, подумала Фрэн. Как фонарем в глаза дикому зверю... Наконец она заставила себя отвернуться и сбежала вниз по ступенькам с такой скоростью, словно за ней гнался сам дьявол. На мгновение она все же остановилась и оглянулась. Он все еще сидел на крыльце и с улыбкой затачивал эту несчастную палку.

* * *

Добравшись до Нью-Йорка, Фрэн продала гитару. На то, что осталось от отцовских двухсот долларов, купила билет на «Грейхаунд» и пару бургеров на автовокзале. Гитара принесла еще шесть сотен, на них она приобрела билет до Парижа, где познакомилась с парнем из Ливана, который жил на старой фабрике. Однажды, вернувшись со своей нелегальной работы в отеле, она увидела, как он роется в ее рюкзаке. В руке он держал обезьянье яйцо. Он завел его и поставил танцевать на грязном полу. Вдвоем они смотрели на него, пока не кончился завод.

— *Très jolie**, — сказал он.

* Очень мило (фр.).

Прошло несколько дней после Рождества. В волосах у нее таял снег. На фабрике не было ни отопления, ни проточной воды. Ее уже несколько дней мучил кашель. Она сидела рядом со своим парнем, и когда тот снова начинал заводить яйцо, протягивала руку, чтобы его остановить.

Она не помнила, как, собираясь в дорогу, положила его в сумку. Скорее всего, она этого и не делала. Возможно, у них были и зимние дома, а не только летние. Она готова была поспорить, что они могли о себе позаботиться.

Через несколько дней ливанец сбежал — видимо, в поисках местечка потеплее. Обезьянье яйцо он прихватил с собой. После этого на память о доме у Фрэн осталась только палатка, которую она хранила сложенной, как грязный носовой платок, у себя в кошельке.

Прошло уже два года, и Фрэн, убирая комнаты в пансионе, то и дело закрывает дверь, ставит палатку и забирается внутрь. Она смотрит в окно на две яблони, живую и мертвую, и говорит себе, что однажды, совсем скоро, настанет день, когда она вернется домой.

Я вижу тебя насквозь

Когда произошла эта история с секс-видео и с Фаун все пошло наперекосяк, демон-любовник поступил так, как всегда поступал в таких случаях. Отправился к Мэгги — плакаться в жилетку. Девушки вроде Фаун как появлялись в его жизни, так и исчезали, а Мэгги будет с ним всегда. Он и Мэгги... Она, как талисман, который хранишь в кармане. Который нельзя потерять.

Два монстра могут поцеловаться в кино. Один старый друг может прийти к другому старому другу и быть уверенным, что его здесь ждут. И вот демон-любовник взял машину напрокат. После часа пути ему приходит в голову открыть окно арендованного автомобиля и вышвырнуть мобильник. Ни с кем, кроме Мэгги, он говорить не хочет.

(1991) Это сразу после фильма, и после того как они сошлись, и после того как начали осознавать, на какую сделку согласились. Оба вдруг стали очень знаменитыми.

Сцены фильма можно снимать как угодно. В любом порядке. Делать столько дублей, сколько хочется. Последовательность отснятых кадров не имеет никакого отношения к линейному времени. Иногда тебя даже нет в

* Автор обыгрывает устоявшееся значение выражения «demon lover» («страстный, неутомимый любовник») и его буквальный смысл, отображенный в переводе.

сцене. Мэгги говорит свой текст твоему дублеру. Позже вас вместе склеят. Поезжайте в Буффало, девчонки. Пошли гулять сегодня вечером.

(Это все происходит задолго до того. Это было очень давно.)

Мэгги рассказывает демону-любовнику историю:

Две девушки, и — ты только представь себе — они нашли «говорящую доску». Составляют список вопросов. Одна девушка красивая. Вторая девушка не играет особенной роли в этой истории. Она потеряла любимый свитер. Касается пальцами планшетки. Две девушки, и обе слегка касаются планшетки. Есть ли здесь кто-нибудь? Куда я положила свой синий свитер? Меня когда-нибудь кто-нибудь полюбит? И все в таком духе.

Они задают вопросы. Планшетка двигается. Выдает какую-то чушь. Они начинают сначала. Здесь есть кто-нибудь? Стану ли я знаменитой? Где мой синий свитер?

Планшетка дергается под их пальцами.

М-Э

Мэгги говорит:

— Это ты сделала?

Вторая отвечает: нет, она ничего не делала. Планшетка снова приходит в движение, нервно подрагивает. Записывается, дергается, шатается и останавливается.

М-Э-Г-Г-И

— Она с тобой разговаривает, — говорит вторая девушка.

М-Э-Г-Г-И П-Р-И-В-Е-Т

Мэгги отвечает:

— Привет...

Планшетка двигается снова и снова. В этом есть что-то звериное.

П-Р-И-В-Е-Т Я С Т-О-Б-О-Й Я В-С-Е-Г-Д-А С Т-О-Б-О-Й

Они все записывают.

М-Э-Г-Г-И Я В-С-Е-Г-Д-А Б-У-Д-У Л-Ю-Б-И-Т-Ь Т-Е-Б-Я

— Кто это? — спрашивает она. — Кто ты? Я тебя знаю?
Я В-И-Ж-У Т-Е-Б-Я Я З-Н-А-Ю Т-Е-Б-Я Ж-Д-И И Я П-Р-И-Д-У

Пауза. Затем:

Я П-Р-И-Д-У М-Э-Г-Г-И Я В-С-Е-Г-Д-А Б-У-Д-У С Т-О-Б-О-Й

— Это ты делаешь? — спрашивает Мэгги вторую девушку. Та качает головой.

М-Э-Г-Г-И Ж-Д-И

Вторая девушка говорит:

— Не может ли тот, кто это делает, хотя бы сказать мне, куда я положила свитер?

Мэгги говорит:

— Ладно, кто бы ты ни был... Подожду. Думаю, что могу немного подождать. Я не очень люблю ждать, но подожду.

О Ж-Д-И И Я П-Р-И-Д-У

Они ждут. Может быть, раздастся стук в дверь спальни? Но никто не приходит. Никто не придет.

Я В-С-Е-Г-Д-А С Т-О-Б-О-Й

С ними никого нет. Свитер так никогда и не найдется. Вторая девушка вырастет и проживет долгую и счастливую жизнь. Мэгги поедет в Лос-Анджелес и встретит демона-любовника.

Ж-Д-И

После этого планшетка больше ничего не говорит, только снова и снова повторяет имя Мэгги. Все это очень романтично.

(1974) Из нудистской колонии на озере Апопка исчезли двадцать два человека. Люди все время исчезают. Давайте по-честному: единственная интересная деталь здесь — то, что эти люди были голые. И что их больше никто никогда не видел. Забавно, не правда ли?

(1990) Это один из десяти самых культовых кинопоцелуев всех времен. И даже входит в первую пятерку. Ты и Мэгги, демон-любовник и его чудовищная девушка; вампиры целуются на фоне рассвета. Вы оба покрыты таким слоем грима, что остается только удивляться, как это вас узнают на улице.

Демону-любовнику тяжело стареть.

Флорида — это Калифорния с бюджетом фильмов студии «Трома». По крайней мере, такой ее видит демон-любовник. Отдел спецэффектов спустил все деньги на насекомых и плохую погоду.

Он паркуется на недавно подстриженном газоне рядом с другими арендованными машинами и обычными рабочими фургонами обслуживающего персонала. Перед ним — два столба с цепью между ними. Забора нет. «И с вечностью пребуду наравне».

В воздухе витает запах зла. Откуда он исходит: от этого места или от него самого? Демон-любовник нюхает подмышку.

Небо такое, словно вот-вот наступит конец света, а пейзаж — из игры «Лила»: кривоватые стволы изумрудных деревьев, оплетенные ползучими растениями, которые, как кажется, тянут их книзу; рыжевато-белесые холмики муравейников (демон-любовнику представля-

ется, что под каждым из них зарыты кости пропавших нудистов); мелкие, наполненные водой и зацветшие от ряски ямки на склонах, зеленоватые, золотистые и совсем черные.

Похожее на пятно озеро. Вот еще одна версия: озеро. Надвигается буря.

Он не выходит из машины. Опускает стекло и наблюдает за приближающимся ураганом. Посмотрим, как это выглядит. Красивое существо, наблюдающее за красивым событием. Заброшенная площадка массовых исчезновений, мутно-фиолетовые облака, серебристая вуаль дождя, рассекающего озеро, и вот таблоидный принц тьмы, демон-любовник Мэгги, появляется во всей красе. Единственное, что портит идеальную картину, — это жуки. И секс-видео.

(2012) Вы были знаменитостями больше половины своей жизни. Вы оба. Вместе вы снялись только в одном фильме, но женщины до сих пор останавливают тебя на улице и спрашивают о Мэгги. Счастлива ли она? Тебе хочется спросить: которая из них? Та, ненастоящая, что целовала меня в фильме, когда мы были совсем юными? Та, что любит покурить травку и пишет мне эсэмэски про козла, которого держит в доме ее сосед? Мэгги из таблоидов, которая пьет — трахается — набирает вес — беременеет — худеет — дает пощечину метрдотелю — общается с призраком Элвиса — призраком пропавшего без вести трехлетнего мальчика — призраком Кеннеди? Впрочем, они не всегда спрашивают о Мэгги. Иногда они спрашивают, не укусишь ли ты их.

Счастье! Стрдание! Если испытываешь одно, будь уверен, второе уже на подходе. Именно этого люди и ждали. Вот в чем все дело. У демона-любовника есть пара

золотых запонок в виде тех самых физиономий. Ему их подарила Мэгги. Вы понимаете, о каких физиономиях я говорю.

(2010) Мэгги и демон-любовник устраивают для своих многочисленных знакомых вечеринку по случаю Хэллоуина. Они устраивают их каждый год. И славятся этим.

— Каждый год одно и то же: обезьяна толпу развлекает, нарядившись обезьяной, — говорит Мэгги.

На ней костюм Кинг-Конга. А в прошлом году? Половина лошади для пантомимы. Он — демон-любовник. Кто же еще? Год за годом.

Мэгги говорит:

— Я решила покончить с актерской карьерой. Стану поэтессой. Всем плевать, стареют поэты или нет.

Фаун бросает на нее оценивающий взгляд.

— Надеюсь, в твои годы я буду выглядеть хотя бы вполовину так же хорошо, как ты.

Фаун двадцать три. Она гримерша. Недавно они с демоном-любовником поженились. А познакомились в прошлом году на съемках.

Он говорит:

— Я вот думаю, может, сделать пластику челюсти?

Его не покидает чувство, что перед ним мать и дочь. Тот же скандинавский профиль, обе одинаково наклоняют голову, чуть насмешливо глядя на него. Обе выше его ростом. И обе умнее. В этом нет никакого сомнения.

Интересно, Мэгги когда-нибудь думает о женщинах, с которыми он спит? На которых женится? Наверное, его привлекает определенный тип женщин. Впрочем, и у нее есть свой тип мужчин. На вечеринке по случаю Хэллоуина возле нее крутится какой-то парень. Совсем еще мальчишка.

За Мэгги вечно бегает какой-нибудь мальчишка, и демон-любовник всегда может его вычислить. Это легко, даже если Мэгги хитрит. Она никогда не представляет своего нынешнего любовника, никогда не подключает к разговору и вообще игнорирует. Все они остаются на краю арены, пьют, курят или смотрят на Мэгги, которая всегда в центре внимания. Но иногда они подходят к ней и стоят так близко, что сразу становится ясно, в чем тут дело. А когда она уходит, мальчишки следуют за ней.

Какому типу мужчин отдает предпочтение Мэгги? Забавно, но все ее любовники похожи на демона-любовника. Он вынужден признать, что они больше похожи на демона-любовника, чем он сам. Они с Мэгги давно уже выросли из юного возраста, но в мире полно молодых и красивых brunetов и девочек с золотыми волосами. В этом-то, собственно, все и дело.

Роль демона-любовника накладывает определенные обязательства. Волосы не должны редеть. Талия должна оставаться тонкой. Никак нельзя допустить, чтобы появились фотографии, на которых ты одет в спортивные штаны или угрожаешь папарацци. И никаких секс-видео.

Зато фанаты на премьерах будут подставлять тебе шею. (А еще в ресторанах и в банке. И неоднократно — когда стоишь у писсуара.) Будут просить тебя укусить их жен. Их дочерей. Будут наносить себе порезы бритвой у тебя на глазах.

Правильной реакцией на такое было бы...

Да нет никакой правильной реакции.

Демон-любовник не всегда выполняет свои обязательства. Есть секс-видео. И девушка с пирсингом. В разгар атлетического секса происходит комический инцидент

с его крайней плотью. Простыни забрызганы кровью. Крови очень много. Набирают 911. Вот он хлопается в обморок. Падает и ударяется головой о прикроватный столик. Дальше — Перес Хилтон, «GAWKER», ток-шоу на радио, YouTube, Tumblr. На нем море гифок.

Ты всегда будешь известен как исполнитель главной роли в серии фильмов о вампирах. Персонаж, которого ты играешь, разумеется, не стареет. Но ты-то стареешь. Когда ты впервые вонзаешь зубы в шею девушки, в шею Мэгги, ты — двадцатипятилетний актер, исполняющий роль вампира, который за триста лет не состарился ни на день. Теперь ты — сорокадевятилетний актер, играющий все того же нестареющего вампира. Это уже глуповато, не правда ли? Но если демон-любовник — не демон-любовник, тогда кто он? Кто ты? Другие проекты приносят сплошные разочарования. Агент советует сыграть в комедии. Проблема в том, что ты не очень смешной. Комедии у тебя плохо получаются.

Вторая проблема — это секс-видео. Секс-видео — это всегда смешно. К сожалению, обнаженка — это смешно. Разорванная крайняя плоть — болезненно смешно. Ты не знал, что девица все снимает на камеру.

Агент говорит: я не это имел в виду.

Ты мог поступить так же, как Мэгги много лет назад. Исчезнуть. Отправиться в путешествие. Найти смысл жизни. Найти Мэгги.

Когда случается вся эта история с секс-видео, ты говоришь Фаун: но при чем тут Мэгги? Это не имеет к Мэгги никакого отношения. Это была просто какая-то девчонка.

Не то чтобы других девчонок никогда не было.

Фаун говорит: это имеет прямое отношение к Мэгги.

Я вижу тебя насквозь, говорит Фаун. Она скорее зла, чем расстроена. Наверное и правда видит его насквозь.

«Боже, дай мне Мэгги, но не сейчас». По мнению Фаун, гримерши и фанатки Общества толкования Библии, это он в роли Блаженного Августина. Она все объясняет демон-любовнику, объясняет подоплеку всего происходящего с ним. Но разве подсознательно ты сам этого не понимал? С самого начала была Мэгги. Почему нельзя снова к ней возвратиться? Можно было жениться на ком-то время от времени и не беспокоиться о том, что ни один брак не сложился. Ведь все эти годы им с Мэгги удавалось оставаться друзьями. Что, если его женитьбы и отношения с другими женщинами лишь цепь случайных событий, которые должны были отсрочить неизбежное? Легкое сопротивление. И вот еще один факт, касающийся его браков: ему никогда не удавалось сохранить дружеские отношения с бывшими женами и подружками. Они с Фаун не сумеют остаться друзьями.

Демон-любовник и Мэгги знают друга уже очень давно. Никто не знает его так, как Мэгги.

Остатки нудистской колонии на озере Апопка обещают охотникам за привидениями немало развлечений. Дюжина полуразвалившихся хижин, некоторые без крыш, окна потемнели от плесени; разрушенный зал с лепниной и отколовшейся испанской плиткой; треснувший бортик наполненного какой-то жижей бассейна. Между хижинами и озером — уютное и привычное зрелище: полдюжины трейлеров. А вот это еще лучше: он замечает ярмарочный шатер.

Навозные хранилища! Аллигаторы-мутанты! Бесследно исчезнувшие нудисты! В аэропорту Лос-Анджелеса, убивая время в ожидании самолета, демон-любовник почитал про озеро Апопка. Прошное всегда бывает странным, Флорида тоже странное место, это ни для кого не новость. Казалось бы, демон-любовник должен чувствовать себя здесь как дома, но грязь чавкает под ногами, липнет к ботинкам, словно давая понять, что ему здесь не рады. На голову обрушивается дождь, льет как из ведра, вода стекает по телу теплыми, как слюна, потоками. Спотыкаясь, демон-любовник бросается бежать в сторону ярмарочного шатра.

Карьера Мэгги идет в гору. С этим все согласны. Она ведет передачу про охоту на призраков под названием «Кто там?».

Демон-любовник звонит Мэгги после того, как выходит серия про «Титаник». В этой серии съемочная группа «Кто там?» едет к месту событий вместе с сотрудниками Международного ледового патруля. Группа Мэгги ставит радиопередатчик Маркони и радиоприемник на случай, если у одного-двух призраков найдется что сказать.

Демон-любовник спрашивает ее про мертвых чаек. К черту всю эту чушь с радиопередатчиками. Серия во многом удалась благодаря чайкам. Сотни чаек, неподвижные, будто прибитые к воде трупики.

Мэгги отвечает: ты что, думаешь, у нас хватит бюджета на искусственных чаек? Я тебя умоляю!

Нужно признать, что «Кто там?» — довольно увлекательное шоу, независимо от того, веришь ты в привидения или нет. Все дело в жутковатых деталях: дом,

от которого у тебя по коже бегают мурашки, даже если включить свет в каждой комнате; нечто ужасное, случившееся давным-давно и не с тобой. Атмосферная, необычная операторская работа. Охотники за привидениями — симпатичные, веселые, весьма привлекательные. Мэгги подкупает вас, внедряя в сознание мысль: вдруг то, что здесь творится, реально? Может быть, там действительно кто-нибудь есть? Может быть, им есть что сказать?

Демон-любовник не общался с Мэгги долгие месяцы, и вдруг что-то изменилось, и они разговаривают каждый день. Ему нравится проснуться утром и позвонить ей. Они обсуждают сценарии — теперь Мэгги опять их присылают. Он может поговорить с ней о чем угодно. Но после секс-видео они не общались, и с тех пор прошло слишком много времени. Об этом лучше поговорить лично.

(1991) Они с Мэгги любовники. Их фильм имеет колоссальный успех. Где бы они ни появились, их все узнают. Они знамениты. Их лица повсюду. Они целуются на тысяче экранов. Они целуются в номере отеля. Они даже не могут спокойно выйти из номера, чтобы кто-нибудь не начал вопить, падать в обморок или чем-нибудь в них тыкать. Им задают одни и те же вопросы. Снова и снова. Он начинает давать интервью, не выходя из образа. Мэгги это всегда веселит.

Одной теплой ночью на каком-то континенте, в каком-то городе, в каком-то отеле демон-любовник и Мэгги оставляют окно открытым, и в номер пробираются две женщины. Они влезли через балкон. Они всего лишь хотят сказать, что любят вас. Вас обоих. Они просто хотят быть рядом с вами.

За вами постоянно наблюдают тысячи глаз. Даже когда люди делают вид, что это не так. И даже если за вами не следят, вы все равно не можете отделаться от ощущения непрерывной слежки. И знаешь что? Это ощущение оправданно. Питливые глаза найдут вас везде. Слава такого рода — это успех сродни катастрофе. Надо быть полным идиотом, чтобы в конце концов этого не понять. Не увидеть, во что ты превратился.

Когда люди пропадают, всегда есть вероятность, что ты увидишь их снова. Дождь льет так сильно, что демон-любовник с трудом видит, что творится вокруг. Ему кажется, что он все еще движется в сторону ярмарочного шатра, а не озера. Сквозь шум дождя он различает другой звук. Вой. А затем дождь на мгновение стихает, и он видит мужчин и женщин, обнаженных. Они бегут к нему. Поскользнувшись, он едва удерживает равновесие, и снова хлещет дождь, стирая все вокруг, — остается лишь преследующий звук. Он врывается во что-то головой: холодная липкая кожа, одновременно твердая и упругая. Отскакивает и понимает, что это шатер. Не лучшее место для последней битвы, но к тому времени, как он неуклюже пробрался внутрь, он уже понял, в чем дело. Это не мертвые нудисты, а живые люди, голые, чертыхающиеся, смеющиеся, и со всех льется вода. Они переносят камеры, микрофоны, снаряжение охотников за привидениями. Видеографы, А2* и прочие полезные и не очень полезные типы. Толпа мужчин и женщин, и среди них Мэгги. Пряди волос прилипли к лицу. На груди капли дождя.

Он зовет ее по имени.

* А2 — человек, ответственный за установку звукового оборудования на съемках.

Все люди вокруг смотрят на него.

Как же так получилось, что сейчас именно он чувствует себя голым?

— Какого хрена этот тип тут забыл? — спрашивает кто-то, чьи гениталии прикрывает маленькое белое полотенце. Похоже на то, что оно могло бы быть еще меньше.

— Уилл, — говорит Мэгги. Так нежно, что ему хочется плакать. Кажется, у него был очень долгий день.

Она отводит его к себе в трейлер. Он принимает душ, берет у нее запасную зубную щетку. Она надевает халат. Не задает никаких вопросов. Разговаривает с ним, пока он в ванной. Он оставляет дверь открытой.

Рассказывает, что они снимают на местности уже третий день и первые два были, мягко говоря, так себе. Сняли общий план, пошли на озеро и увидели аллигатора, который, стоило им приблизиться, скрылся под водой. Убогие, заросшие мелким кустарником леса и дороги кишат детенышами скунсов. Они подходят совсем близко, прямо к камере, и изо всех сил пытаются выстрелить этой своей вонючей струей. Но до тех пор пока они не достигли половой зрелости, они могут только размахивать хвостом и топтать ногами.

Кроме одного случая, говорит она, и рассказывает о каком-то несчастном А2. Вот ему попался рано созревший скунс.

Мэгги взяла интервью у бывшего владельца нудистской колонии. Он настаивал на том, чтобы называть это сообществом натурастов, и на протяжении всего интервью в подробностях объяснял философию натуразма, не желая обсуждать 1974 год. Безобидный старый псих. Что бы там ни произошло, он тут ни при чем. Невозможно

заболтать людей так, чтобы они испарились. К тому же у него есть алиби.

Вот чего им не удалось ни в первый, ни во второй день, так это получить хоть каких-нибудь действительно стоящих показаний приборов. Здесь с ними было два экстрасенса, но у одного из них произошло ЧП с дочерью, и он уехал. В их распоряжении — всякое психометрическое оборудование, но, судя по отсутствию каких-либо показаний, тут вообще ничего не происходит. Это навело их на некоторые мысли.

— Мы подумали, что, возможно, все дело в нас самих, — говорит Мэгги. — Может, нудистам нечего сказать людям в одежде. Поэтому мы решили снимать в обнаженном виде. Все должны раздеться. Актеры, съемочная группа — все до единого. Это очень позитивный опыт, Уилл. Группа подобралась хорошая.

— Весело, — говорит демон-любовник.

Кто-то принес мешковатые розовые шорты и футболку, потому что вся его одежда — в чемодане, оставшемся в аэропорту Орlando. Не то чтобы он забыл забрать багаж. Просто ему все равно.

— Я рада тебя видеть, Уилл, — говорит Мэгги. — Но почему ты здесь? Откуда ты узнал, где мы?

Сначала он отвечает на второй, более простой вопрос.

— От Пайка. — Пайк — это агент Мэгги и старый друг демона-любовника. Агент, которому нравится издеваться над маленькими детьми. Друг, чья жизнь делается слаще, когда ты собственноручно пускаешь свою под откос. — Я взял с него слово не говорить тебе, что еду сюда.

Он падает на пол перед стулом, на котором сидит Мэгги. Она проводит пальцами по его волосам. Гладит его, как собаку.

— Но он рассказал, да?

— Да, — говорит Мэгги. — Он мне звонил.

— Мэгги, — говорит демон-любовник, — дело совсем не в секс-видео.

Она отвечает:

— Знаю. Фаун тоже звонила.

Об этом звонке лучше не думать. У него болит голова. Наверное, у него обезвоживание. Это был долгий полет.

— Она хотела, чтобы я сообщила ей, когда ты появишься. Сказала, что подождет немного, прежде чем окончательно расстаться.

Мэгги ждет, что он что-нибудь ответит. Ждет и молчит. И гладит его волосы.

— Я не стану ей звонить, — снова заговорила она. — Тебе лучше вернуться, Уилл. Она хороший человек.

— Я ее не люблю, — отвечает демон-любовник.

— Ну... — говорит Мэгги. И убирает руку.

Раздается стук в дверь. Пришла какая-то девушка.

— Мэгги, солнце опять показалось.

Адресованная демону-любовнику улыбка девушки способна растопить лед. Ей небось было лет двенадцать, когда она впервые увидела его на экране. Эти девчонки — будто утята: привязываются к первому увиденному ими вампиру. Она спускается по лестнице. Голые ягодички подпрыгивают.

Мэгги скидывает халат и начинает наносить на руки и лицо солнцезащитный крем. Он замечает, как изменилось ее тело. Думает, что, наверное, полюбит ее за это еще сильнее, и надеется, что это правда.

— Позволь мне, — говорит он и забирает у нее бутылочку. Начинает втирать крем ей в спину.

Она никак не реагирует. Да и с чего бы? Они же друзья.

Мэгги говорит:

— Насчет Флориды: фишка вот в чем, Уилл. Тут почти каждый день бури. Но потом они уходят.

Она обхватывает его скользкие от крема руки и говорит:

— Ты ведь устал. Поспи. В шкафу есть травяной чай, а в спальне — травка и «Золпидем». Мы будем снимать весь день, до самого вечера. А потом барбекю — это мы тоже снимаем. Можешь прийти. Обеспечишь нам хорошую рекламу. Зрители будут в восторге. Но учти: тебе придется раздеться, как и всем остальным. Никакой одежды. Никаких исключений, Уилл. Даже для тебя.

Он растирает остаток солнцезащитного крема по ее плечам. Больше всего ему сейчас хочется положить голову ей на плечо.

— Я люблю тебя, Мэгги, — говорит он. — Ты ведь это знаешь?

— Знаю. Я тоже тебя люблю, Уилл, — отвечает она. По ее интонации ему все становится понятно.

Демон-любовник ложится на кровать Мэгги и чувствует себя так, будто ему сто лет. Засыпает. Ему снится бунгало в Венис-Бич, и Мэгги, и другая девушка... Это было так давно.

Как-то появился отзыв на пьесу, в которой играла Мэгги. Кажется, это было лет десять назад? Отзыв недобрый, да и не очень умный, однако критик высказал в нем одну мысль, которая, по мнению демона-любовника, верна и сейчас. Он написал, что, независимо от происхождения на сцене, Мэгги играет так, словно ждет автобус. Демон-любовник полагает, что именно в этом критик не ошибся. Только демон-любовник всегда думал, что, если Мэгги ждет автобус, волей-неволей начинаешь гадать,

куда этот автобус идет. И не собирается ли она под него броситься...

Когда они только начали встречаться, демон-любовник был уверен, что Мэгги ждала именно его. Может, она и сама так думала. Они купили дом, бунгало в Венис-Бич. Интересно, кто там сейчас живет.

Проснувшись, демон-любовник снимает футболку и шорты. Аккуратно складывает их и оставляет на кровати. Придется устроиться где-то на ночлег. И поскорее. День переходит в ночь.

На гриле готовится мясо. Демон-любовник не помнит, когда он ел в последний раз. У двери повисло облако спрея от насекомых. Щекотно, когда прикасается к яйцам. Он чувствует себя немного глупо. Это, конечно же, ужасная идея. Очередная ужасная идея в цепочке прочих ужасных идей... Разница только в том, что теперь он заранее знает, что там будет камера.

Стоит ему выйти из трейлера Мэгги, как тут же, словно по волшебству, появляется секретарша. С секретаршами всегда так. Она подсовывает ему кучу бумажек на подпись. Очень странно подписывать бумаги голышом. Ну и ладно. Он думает: завтра уеду домой.

Секретарше слегка за пятьдесят. Необычно. С этим, наверное, связана какая-нибудь история, но кому какое дело? Ему-то уж точно все равно. Конечно же, она видела гребаное секс-видео — скорее всего, это теперь будет его самый популярный фильм, — но, судя по выражению ее лица, она впервые видит демона-любовника обнаженным... Или даже так: она только сейчас заметила, что они оба голые.

Пока демон-любовник расписывается не читая — какая уж теперь разница? — секретарша жалуется на

какую-то Джульетту, девчонку на побегушках, которая что-то там не сделала или сделала не так. И вообще не годится для этой работы. Где она, куда подевалась? У секретарши к ней полно претензий.

Демон-любовник высказывает предположение, что девчонку забрали призраки. Секретарша награждает его недружелюбным взглядом и продолжает рассказывать о людях, которых он не знает, про которых ему неинтересно слушать.

— А что в вас сверхъестественного? — спрашивает демон-любовник. Потому что у них, конечно, такой рекламный прием. Каждый мужчина, каждая женщина — от продюсера до помощника осветителя — не совсем обычные.

— Я пережила клиническую смерть, — отвечает секретарша. Размахивает рукой, демонстрируя длинный, похожий на веревку след от ожога. — Случайно долбанула себя током. Видела тоннель и свет в конце. Ну и, наверное, во время прослушивания показала неплохой результат с этими картами. Карты Зенера*, знаете?

— Так скажите мне, — говорит демон-любовник, — что, на хрен, такого замечательного в тоннеле и каком-то огоньке? Неужели они ничего лучше не смогли придумать?

— Ну, знаете ли, — огрызается секретарша, — людям вроде вас, похоже, предоставляются красная ковровая дорожка и лимузин.

Демону-любовнику нечего на это ответить.

— Вы здесь что-нибудь видели? — меняет он тему разговора. — Или слышали?

* Карты Зенера — колода карт с пятью повторяющимися рисунками, предназначенная для выявления экстрасенсорных способностей.

— Мэгги рассказывала вам про скунсов? — уже не так раздраженно спрашивает секретарша. Выпустив пар, она быстро успокаивается. — Про детенышей. Хвостик поднимут, тужатся, тужатся, но ничего у них не выходит. То же можно сказать и об этом месте. Никаких призраков. Приборы не ловят никаких сигналов. Ровным счетом ничего не происходит... Даже ни одной холодной точки нет.

И с сомнением в голосе добавляет:

— Но я уверена, все получится. Ваше присутствие на этом барбекю непременно поможет. Голый вампир — это покруче призрачных нудистов. Сами доберетесь? Идите к озеру, а я позвоню им и дам знать, что вы уже вышли.

Не лучше ли ему просто сесть в машину и уехать?..

— Спасибо, — говорит демон-любовник.

Но прежде чем он успевает понять, чего ему больше хочется, рядом появляется еще один человек. Ну прямо «Путешествие Пилигрима в Небесную страну». Одна из любимых книг Фаун. Пареньку за двадцать. Симпатичный и смутно знакомый. (Хотя нормально ли так думать о мужчине, когда вы оба без одежды? Тем более если он выглядит точь-в-точь, как когда-то ты сам... Впрочем, что в наготе особенного? Тут все голые.)

— Я вас знаю, — говорит парень.

Демон-любовник отвечает:

— Конечно, знаешь. А сам-то ты кто?

— Рэй, — говорит парень. Ему года двадцать два. Всем своим видом он показывает: не притворяйся, ты знаешь, кто я. — Мэгги мне все про вас рассказала.

— Чем ты занимаешься? — спрашивает демон-любовник. Спрашивает так, будто не знает ответа на свой вопрос.

Парень улыбается неприятной улыбкой. С наслаждением чешет в паху, может, и не специально.

— Всем понемножку. В зависимости от того, что требуется.

Ничего не поделаешь. Придется смириться. И ведь у Мэгги в ящике есть травка.

На озере на площадке без сетки люди играют в волейбол. Жарят мясо. Кто-то разговаривает с камерой, указывает жестом на кого-то другого. Кто-то где-то курит косячок. Спускаются сумерки, и с этого расстояния — не слишком далеко, не слишком близко — демон-любовник рассматривает все это невероятное скопление голых грудей, задниц, забавных членов, узловатых коленей. Все, что обычно скрыто, теперь выставлено на всеобщее обозрение. Опытным глазом он подмечает, у кого грудь настоящая, а у кого — нет. Волосы на лобке есть только у нескольких женщин. Он никогда не понимал, в чем тут фишка. Некоторые из мужчин тоже бритые. *O tempora, o mores**.

— Анекдоты вы любите? — спрашивает Рэй и останавливается, чтобы закурить сигарету.

Демон-любовник мог бы уйти, но медлит.

— Зависит от анекдота.

Вообще-то нет, он их не любит. Особенно из уст людей, которые спрашивают, любишь ли ты анекдоты.

— Этот вам понравится, — обещает Рэй. — В общем, стоят четверо парней. Клептоман, пироман и... э-э... зоофил и мазохист. Мимо проходит кошка, и клептоман говорит, что хочет украсть ее. Пироман говорит, что хочет поджечь ее. Зоофил хочет ее трахнуть. А мазохист смотрит на них на всех и говорит: «Мяу!»

Анекдот довольно забавный. Может, он так заигрывает?

Сощурившись, демон-любовник смотрит на парня. С трудом подавляет в себе странное ощущение, от ко-

* О времена, о нравы (лат.).

торого начинает слегка кружиться голова, кажется, что он отправился назад во времени, чтобы пофлиртовать с самим собой. Или наоборот.

Ему хочется думать, что в молодости он был даже красивее этого парня. Когда он входил в комнату, люди замирали и во все глаза смотрели на него. Это было еще до того, как его начали узнавать. Он всегда принадлежал к числу тех, на ком задерживают взгляд.

— Ну так, — с улыбкой говорит демон-любовник, — а который из них ты?

— Простите? — переспрашивает Рэй и выпускает изо рта струйку дыма.

— Который из них ты? Клептоман, пироман, трахальщик кошек, мазохист?

— Я тот, кто рассказывает анекдот, — отвечает Рэй. Бросает сигарету на землю, топчет ее черной от грязи пяткой. Закуривает новую. — Не знаю, предупреждали ли вас — не пейте из-под крана. И не ходите купаться. Вода тут отравленная. Излишки фосфора и прочей дряни. Навозные хранилища прикрыли, хотят очистить водоемы, но воду все равно питьевой не назовешь. Ночевать будете здесь или в городе?

— Не уверен, что вообще останусь, — отвечает демон-любовник.

— Ну, — говорит Рэй, — некоторые из более-менее сохранившихся бунгало подключили к радиатору. Есть раскладушки, спальные мешки. Если вы любите пожестче. — Последнюю фразу — да, несомненно, — он произнес с ухмылкой.

Демон-любовник чувствует, как его губы тоже растягиваются в улыбке. Они оба скрываются за масками. Смотрят друг на друга из-под масок. Вот так ты и понял, что ты — актер. Твое лицо, все твоё тело, то, как ты дви-

гаешься, — все это лишь видимость. Как одежда, которую то надеваешь, то снимаешь. То, что под ней, принадлежит тебе, только тебе — пока ты хранишь это в тайне.

Он говорит:

— Думаешь, ты что-то обо мне знаешь?

— Я видел все ваши фильмы, — отвечает Рэй. Маска меняется, превращается в ту, которую демон-любовник называет «Я твой самый большой фанат». О, он знает, что за ней скрывается.

Он готовится услышать, что этот странный парень скажет дальше, и вдруг рядом с ними появляется Мэгги. Как будто и без того во всей этой ситуации мало неловкости. Все трое голые — и все несчастны. Ну прямо скандинавское арт-порно.

Мэгги не обращает на парня никакого внимания. Как всегда. Все эти парни взаимозаменяемы. Небось находит их на каком-нибудь веб-сайте. Может быть, она не хочет быть с демоном-любовником — но и ни с кем другим тоже.

Мэгги касается его руки:

— Выглядишь лучше.

— Поспал несколько часов, — отвечает он.

— Знаю, — говорит она. — Я заходила к тебе. Хотела убедиться, что ты не сбежал.

— Да некуда, — улыбается он.

— Пойдем, — говорит Мэгги. — Поищем тебе чего-нибудь поесть.

Рэй не идет за ними; остается позади с сигаретой. Наверное, разглядывает их накачанные йогой, довольно хорошо сохранившиеся знаменитые задницы.

Вот в чем проблема этого парня, думает демон-любовник. Ему было пятнадцать, он сидел в кинотеатре и смотрел, как мы с Мэгги, загримированные под вампиров,

якобы трахаемся в вагоне нью-йоркского метро. В поезде, следующем по маршруту А. Я кусаю грудь Мэгги на каком-нибудь провинциальном киноэкране. Ее грудь в десять раз больше его головы. Он наверняка сотню раз мастурбировал, глядя, как я кусаю тебя, Мэгги. Он смотрел, как мы целуемся. И страдал. И это затмевает все остальное, что ты делала с ним или со мной. Представь, что сейчас чувствует этот парень. Демон-любовник тоже это чувствует. Любовь, думает он. Потому что любовь — это не только любовь. Это и все остальное тоже.

Он знакомится с полненькой симпатичной женщиной-медиумом по имени Ирэн, которая изображает «правильного парня» в комическом дуэте с Мэгги. С людьми, которых зовут Сидра, Том, Юэн и которые отвечают за странное оборудование для охоты за привидениями. Пилар — видеограф. Демон-любовник почти уверен, что раньше они с ней где-то встречались. Может, на собраниях Общества анонимных алкоголиков? Странно, почему это время он помнит гораздо туманнее, нежели годы, которые провел в запое или под кайфом? Ей лет тридцать, у нее хитрая улыбка, шикарные ноги и очень большая камера.

Ему показывают оборудование, дают попробовать что-то под названием «трехполярный метр». Здесь нет никаких призраков. Даже у призраков нашлись дела поинтереснее.

Он предполагает, что все присутствующие видели секс-видео. Почти хочет, чтобы кто-нибудь упомянул о нем, но все молчат.

С озера дует прогорклый ветерок. Пахнет грязью и смертью.

Люди ужинают и обсуждают пропавшую ассистентку — девочку на побегушках, Джульетту.

— Хорошая девочка, — говорит Мэгги. — В свободное время занимается эрогами и продает на eBay.

— Чем занимается? — переспрашивает демон-любовник.

— Эрогами. Порно-сценки в стиле оригами. Делает их на заказ.

— Конечно, — говорит демон-любовник. — Это удовольствие дорого стоит.

— Может, у нее есть какая-нибудь привычка, — говорит Мэгги. — Ну, скажем, привычка то и дело пропадать.

А может быть, она там же, куда делись все эти нудисты. Представь, как тогда подскочат рейтинги. Эту мысль он Мэгги не озвучивает.

— Я рада тебя видеть, Уилл, — говорит Мэгги. — Не смотря на обстоятельства.

— Да ну? — с улыбкой отвечает демон-любовник; он всегда улыбается.

Они стоят довольно далеко от микрофонов и камер, и он спокойно может это произнести. Видеограф Пилар снимает женщину-медиума Ирэн, которая поджаривает зефирки. Рэй тоже наблюдает за этим. Он все время где-то поблизости.

Демон-любовник чувствует укус в голое бедро и прихлопывает насекомое ладонью.

Прямо сейчас он мог бы протянуть руку и коснуться лица Мэгги. И все сложилось бы по-другому. Или она бы отвернулась, как обычно. Он думает, что пора бы ему уже запомнить, что у них вечно что-то не складывается, когда они вместе. Как в анекдоте про двух скунсов: когда один входит, другой выходит. Как одноименные полюса магнита.

— Конечно, я рада, — уверяет его Мэгги. — И ты приехал очень вовремя, потому что мне с тобой надо кое-что обсудить.

— Валяй, — говорит он.

— Сейчас не совсем удобно, — отвечает она. — Давай попозже? Когда здесь закончим.

Уже почти стемнело. Луны нет. Кто-то развел гигантский костер. Почерневшие бунгало и зал без крыши растворились в мрачных, аккуратных тенях. Теперь можно представить себе время, когда все еще было внове. Семидесятые, когда никому не было дела до того, что ты творишь. Время свободной любви. Когда можно было просто исчезнуть, если тебе того хотелось, и это было нормально, в порядке вещей.

— Ну и где мне провести ночь? — спрашивает демон-любовник.

Он снова подавляет в себе желание коснуться ее лица. Тонкий локон ее волос приклеился к губам. Кто он? Пироман или мазохист? Тот, кто входит, или тот, кто выходит? Ну он актер, разве не так? Он может быть тем, кого она захочет.

— Я уверена, ты найдешь местечко, — говорит Мэгги. У нее блестят глаза. — Или кого-нибудь. Пилар неоднократно говорила мне, что ты единственный мужчина, с которым она хотела бы переспать...

— Если бы за каждую такую фразу мне давали по доллару... — говорит демон-любовник.

Он все еще хочет прикоснуться к ней. Хочет, чтобы и ей этого хотелось. Теперь он помнит, как это бывает.

— Тогда с каждого доллара тебе пришлось бы отдавать семьдесят центов своим бывшим, — говорит Мэгги.

Чистая правда.

— Фаун подписала брачный контракт, — сообщает демон-любовник.

— Это одна из тысячи причин, почему тебе следует вернуться домой и все исправить, — говорит Мэгги. — Она хороший человек. Такие, как Фаун, на дороге не валяются.

— Ей лучше без меня, — возражает демон-любовник и чувствует легкий укол обиды — Мэгги с ним не спорит.

Подходят медиум Ирэн и Пилар с еще одним видеографом. Демон-любовник понимает, что Ирэн он не нравится. Иногда он не нравится женщинам. Но это случается так редко, что он не дает себе труда задуматься о причинах.

— Ну что, начнем? — спрашивает Ирэн. — Пошли проверим, не захотят ли наши друзья немного поболтать. Ну а потом, не знаю, как вы, но я надена что-нибудь менее удобное.

Затем Мэгги говорит в камеру:

— Сейчас мы предпримем последнюю попытку связаться с теми, кто, возможно, еще здесь, у кого остались в этом мире незавершенные дела.

— Казалось бы, нудистам так стесняться не к лицу, — замечает Ирэн.

— Но даже если мы не сумеем ни с кем связаться, — продолжает Мэгги, — нельзя сказать, что сегодняшний день потрачен впустую. Стоило рискнуть. Некоторые из нас обгорели на солнце, кого-то в интересные места укусили насекомые, но все мы чувствуем себя немного более комфортно в собственном теле. Мы открылись так, как представляли себе это обитатели колонии, которые надеялись сделать мир лучше. Возможно, для них мир действительно стал лучше... У нас выдался хороший день.

И даже если души, на поиски которых мы сюда прибыли, не объявятся, кое-кто нас уже посетил.

А2 кивает Уиллу.

Пилар направляет на него камеру.

Он заранее продумал, как сыграть эту роль.

— Я Уилл Гальд, — говорит он. — Вполне возможно, вы узнали меня по моим прошлым «голым» ролям, ну, например, парня, который катается по полу гостиничного номера, держась за обильно кровоточащие гениталии. — Демон-любовник улыбается самой обаятельной из своих улыбок. — Сегодня я случайно оказался по соседству.

— Мы убедили его остаться и поужинать с нами, — поясняет Мэгги.

— Они спрятали мою одежду, — смеется Уилл. — Но, если честно признаться, я не очень-то старался ее найти. Что такого страшного может произойти, когда раздеваешься перед камерой?

— Мэгги, — говорит Ирэн, — с самого начала наиболее важным аспектом передачи «Кто там?» было то, что со всеми нами когда-то происходили события, которые мы не в состоянии объяснить. Мы все верим в необъяснимое. Я хотела спросить: есть ли у Уилла своя история о привидениях?

— Я не... — начинает демон-любовник. Замолкает. Смотрит на Мэгги. — Да, — говорит он. — Но Мэгги, конечно, ее уже рассказывала.

— Да, — говорит Мэгги. — Но я никогда не слышала, как ее рассказываешь ты.

Ох, демон-любовник мог бы такого порассказать!..

— Всегда рад доставить удовольствие, — говорит он.

— Замечательно, — говорит Ирэн. — Как вы знаете, в каждой серии находится место парочке страшных

историй. А сегодня у нас даже есть костер. — Она делает паузу, словно колеблется. — И разумеется, как уже известно нашим зрителям, мы все еще ждем возвращения Джульетты Адейеми. Незадолго до обеда она отправилась по делам и пропала. Пока еще рано волноваться, но всем нам будет куда спокойнее, когда она вернется.

Мэгги говорит:

— Джульетта, если ты встретила симпатичного парня и вы пошли кататься на аттракционах в Диснейленде, я выпытаю у тебя все подробности, будь уверена! Итак, Ирэн, приступим?

Народ убирал тарелки с недоеденным мясом и собирался в полукруг около костра. Вот-вот запоют «Кумбая». Садятся на эти свои маленькие полотенца. Ирэн и Мэгги занимают место перед костром. Все держатся за руки.

Демон-любовник отодвигается подальше, в темноту. Его не интересуют какие бы то ни было сеансы и призраки. Он выходит на берег. Под ногой что-то острое. Кто-то присаживается рядом с ним. Рэй. Ну разумеется.

Почему-то быть голым в темноте еще хуже, чем при свете. Мир так велик, а он — напротив. Рэй молод, а он — нет. Он почти уверен, что видеограф Пилар с ним переспит, а вот Мэгги — нет.

— Я тебя знаю, — говорит демон-любовник Рэю. — Я видел тебя раньше. Ну не тебя, но предыдущую версию. Множество таких, как ты. Вы никогда надолго не задерживаетесь. Мы не задерживаемся. Она идет дальше. А вы исчезаете.

Рэй молчит. Смотрит на озеро.

— Я был тобой, — говорит демон-любовник.

— А сейчас? Теперь-то вы кто? — спрашивает Рэй.

— У тебя что, почасовая оплата? — начинает злиться демон-любовник. — Чего ты ко мне прицепился? У меня нет при себе кошелька.

— Мэгги занята, — говорит Рэй. — А мне интересно. Сами-то вы как считаете, что вы здесь делаете?

— Я приехал к Мэгги, — отвечает демон-любовник. — Мы друзья. Старые друзья, которые иногда навещают друг друга. Как-нибудь в другой раз я снова встречу ее, а тебя с ней уже не будет. Зато я буду всегда. А ты... Ты просто парень, которому повезло быть похожим на меня.

— Я люблю ее, — говорит Рэй.

— Хреново, правда? — говорит демон-любовник.

Он возвращается к костру и к голым людям, которые ждут других голых людей. Думает об истории, которую ему предстоит рассказать.

Сеанс получился неудачный. Медиум Ирэн все время повторяет, что что-то чувствует. Будто кто-то пытается им что-то сказать.

Мертвые здесь, но в то же время и не здесь. Им страшно. Поэтому они не выходят на связь. Что-то им мешает. Что-то здесь не так.

— Вы это чувствуете? — спрашивает она Мэгги и остальных.

Мэгги отвечает:

— Я тоже что-то чувствую. Здесь что-то есть.

Демон-любовник раскрывает объятия навстречу ночи. На мгновение позволяет себе поверить, что жизнь продолжается. Чувствует запах, металлическую вонь навозных хранилищ. Воздух тяжелый, давящий. Есть ли здесь злоба? Недобрые намерения?

Мэгги говорит:

— Никто так и не раскрыл тайну того, что здесь произошло. Но возможно, то, что случилось с ними, оставило

свой след. Ирэн, может ли эта энергия влиять на духов, на то, что от них осталось, даже после смерти?

— Не знаю, — говорит Ирэн. — Здесь что-то не так. Что-то тут есть. Я не знаю.

Но оборудование съемочной группы передачи «Кто там?» так ничего и не показывает. Ни счетчик ионов в воздухе, ни барометр, ни ЭМФ-детектор, ни ЭВП-детектор, ни «музыка ветра», ни приборы ночного видения. Никого тут нет.

И наконец, подошло время рассказывать страшные истории.

Есть одна про мужской туалет в модном ресторане в Санта-Монике. Демон-любовник бывал в этом ресторане. Ел картофель фри с трюфельным майонезом. Не видел никаких привидений. Он не из тех, кто видит призраков, и его это устраивает. Трюфельный майонез ему никогда особо не нравился... То, что когда-то происходило в бунгало с ним и Мэгги, тоже никак не связано с привидениями. Все это было следствием наркотиков, и давления, которое на них постоянно оказывалось, и невыносимого пристального наблюдения; *folie à deux**; налог на их счастье.

Кто-то рассказывает старую байку о Бэзиле Рэтбоуне и госте, который пришел к нему на обед и привел с собой собак. Потом, по окончании обеда, и гость, и собаки погибают в автокатастрофе прямо возле дома Рэтбоуна. Все это происходит у него на глазах. Он в шоке, буквально парализован. Стоит у окна, не в силах сдвинуться с места. И тут раздается телефонный звонок. Когда он берет трубку, оператор говорит: «Прошу прощения, мистер

* «П а р н а я м а н и я» — форма психоза, при котором одинаковые бредовые или параноидальные идеи наблюдаются одновременно у двух человек.

Рэтбоун, на линии женщина, утверждающая, что должна поговорить с вами».

Эта женщина-медиум — она говорит, что у нее для него послание. Она надеется, он поймет, что оно значит.

«Путешествую очень быстро. На прощание нет времени. Собак здесь нет».

Наступает очередь демона-любовника. Он говорит:

— Давным-давно, когда мы с Мэгги были вместе, мы купили бунгало в Венис-Бич. Мы проводили там не очень много времени. Постоянно где-то болтались. На вечеринках. На фестивалях. Мебели у нас не было. Только один матрас. Посуды тоже не было. Дома мы ели из картонных коробок, в которых доставляли еду на заказ. Но мы были счастливы.

Он делает паузу. Мэгги смотрит на него. Слушает. Рядом с ней стоит Рэй. Вплотную.

Рассказывать страшную историю голышом не так уж весело. Не так уж весело рассказывать только одну часть истории, умалчивая об остальном. Когда женщина, которую ты любишь, стоит рядом с человеком, которым ты был раньше.

— Год выдался хороший. Возможно, это был лучший год в моей жизни. А может, и самый тяжелый. Мы были молоды и глупы, и люди постоянно от нас чего-то хотели, и мы делали много такого, чего делать не следовало. Заполните пробелы, как пожелаете. Мы закатывали вечеринки. Швыряли деньги направо и налево. И мы любили друг друга. Верно, Мэгги?

Мэгги кивает.

Он продолжает:

— Но пора рассказать о привидении. Я не очень-то верю, что это было привидение, но и не стану отрицать.

Честно говоря, просто никогда об этом не задумывался. Но чем больше времени мы проводили в том бунгало, тем хуже все становилось.

— Ты не мог бы описать поподробнее? — просит Ирэн. — Что там с вами происходило?

— Складывалось такое ощущение, — говорит демон-любовник, — будто за нами постоянно кто-то наблюдает. Поначалу откуда-то издалека, но потом все ближе и ближе. Казалось, совсем скоро этот кто-то будет с нами. Хуже всего было ночью. Нам снились кошмары. Иногда мы оба просыпались от собственных криков.

— О чем были эти сны? — спрашивает Ирэн.

Он отвечает:

— Да почти ни о чем. Просто этот кто-то в конце концов поселился в нашей комнате. Постоянно был с нами. А потом, со временем, это нечто — кем бы оно ни было — оказалось у нас в постели. Мы просыпались далеко друг от друга, по разные стороны матраса, потому что оно лежало между нами.

— И что вы сделали? — спрашивает Ирэн.

— Когда мы лежали на матрасе порознь, его там не было, — отвечает он. — Но оно всегда появлялось, когда мы были вдвоем. И тогда нас было трое. Поэтому мы сняли комнату в «Шато Мармон». Только оно и там до нас добралось. Причем в первую же ночь.

Ирэн спрашивает:

— Вы не пытались с ним поговорить?

— Мэгги пыталась, — говорит он. — Я — нет. Мэгги думала, оно настоящее. Я считал, нам нужен врач. Я думал, что мы его создаем сами — что бы это ни было. Мы попробовали обратиться к врачу. Не помогло. Так что со временем... — Он пожимает плечами.

— Со временем — что? — спрашивает Ирэн.

— Я уехала, — говорит Мэгги.

— Она уехала, — повторяет он.

Демону-любовнику интересно, знает ли Рэй другую часть истории, рассказала ли ему Мэгги. Конечно же, нет. Мэгги не дура. Эта история принадлежит им двоим, и демон-любовник в который раз думает, что именно это навсегда удержит их вместе. Не опыт совместных съемок фильма, не то, что они влюбились друг в друга именно тогда, когда все остальные влюбились в них, не эта магия, созданная из сюжетов, напряжения, повторов и монтажа, мастерства и желания других людей.

Они никогда не смогут рассказать никому о том, что произошло на самом деле. Эта история принадлежит только им. И никому другому.

— И после этого не было никакого привидения, — заключает он. — Мэгги на время ушла из Голливуда, поехала в Индию. Я стал ходить на собрания Общества анонимных алкоголиков.

Похолодало. Огонь стелется ниже. Ты, наверное, мог бы вообразить, что всему этому существует сверхъестественное объяснение, но это значило бы, что ты принимаешь желаемое за действительное. Пропавшая девушка, Джульетта, так и не вернулась. Оборудование для охоты за привидениями ничьего присутствия не показывает.

Мэгги обнаруживает демона-любовника с Пилар.

— Мы можем поговорить? — спрашивает она.

— О чем? — спрашивает он.

— Пойду возьму еще пива, — говорит Пилар. — Тебе принести, Мэгги?

Мэгги качает головой, и Пилар уходит, касаясь рукой бедра демона-любовника. Плоть о плоть. Он слегка поворачивается, чтобы не смотреть на огонь.

— Речь о премьерке следующего сезона, — говорит Мэгги. — Я хочу снимать серию в Венис-Бич, в нашем старом бунгало.

Демон-любовник чувствует, как его захлестывает нечто странное. Льется ему в уши, хлещет в горло. Он не знает, что сказать. Он думал о Рэе, пока флиртовал с Пилар. Интересно, что будет, если он напрямую спросит Мэгги про мальчишку. Они никогда об этом не говорили. О том, что она делает.

— Я, конечно же, хочу, чтобы и ты был в этой серии, — говорит Мэгги.

— Не думаю, что это хорошая идея, — говорит он. — Вообще-то, если честно, это ужасная идея.

— Я всегда хотела это сделать, — говорит Мэгги. — По-моему, это будет полезно нам обоим.

— Типа исцеление, бла-бла-бла, — говорит он. — Да, да. Что-то там про эксгибиционизм, что-то там про возможный тюремный срок. Ты *сошла с ума?*

— Послушай, — продолжает Мэгги. — Я уже поговорила с женщиной, которая сейчас там живет. С ней никогда ничего подобного не происходило. Уилл, мне необходимо это сделать.

— Конечно же, с ней ничего не происходило, — говорит демон-любовник. — Призраки осаждали не дом.

Кровь кипит — адреналин. Он оглядывается, чтобы проверить, не наблюдают ли за ними. Разумеется, наблюдают. Но они довольно далеко, и разговор кажется просто частной беседой. Удивительно, как это Мэгги не выдала их историю перед камерой. Только представьте себе драму. Конфликт. Рейтинги.

— Ты во все это веришь, — наконец говорит он. Пытается найти аргумент, который ее убедит. — Но почему бы тебе об этом просто не забыть? Ты знаешь, что

произошло. Мы знаем, что произошло. Ты знаешь всю историю. Так какого хрена тебе надо знать больше? — Он перешел на шепот.

— Потому что каждый раз, когда мы вместе, она с нами, — говорит Мэгги. — Ты этого не знал? Она и сейчас здесь. Разве ты не чувствуешь ее присутствия?

Волосы у него на ногах, на руках, на шее встают дыбом. Во рту сухо, язык прилипает к небу.

— Нет, — отвечает он. — Не чувствую.

— Ты ведь знаешь, Уилл, — говорит Мэгги, — я буду осторожна. Я бы никогда не причинила тебе зла. И речь все равно не об этом. — Она наклоняется к нему и тихо шепчет: — Дело не в нас. Это нужно *мне*. Я просто хочу поговорить с ней. Я просто хочу, чтобы она ушла.

(1992) Они с Мэгги обзаводятся атрибутами нормальной жизни. Покупают посуду, мебель середины века и лампы. Заводят друзей среди коллег и закатывают вечеринки. На вечеринках иногда случаются странные вещи. Как, например, с той девушкой. Она пришла не одна. Они так и не узнают, кто ее привел. Она красива настолько, насколько это положено девушке, посетившей их вечеринку, то есть она на самом деле очень красивая.

Сейчас, когда прошло столько времени, демон-любовник почти не помнит, как она выглядела. Было много девушек и много вечеринок, и это было в совершенно другой стране.

У нее были длинные черные волосы. Большие глаза.

Демон-любовник и Мэгги пьяны в стельку. А девчонка хочет их обоих, и в конце концов они остаются втроем, — все остальные уходят на какую-то другую вечеринку. Они остаются, она остается, а остальные уходят. Они пьют; играет музыка, они танцуют. Потом девушка

целует Мэгги, и он целует девушку — и вот они в спальне. Это очень весело. Они делают практически все, что можно сделать в постели вдвоем. И в какой-то момент девушка оказывается между ними, и всем очень хорошо, но потом она просит демона-любownika: укуси меня.

Ну же, укуси меня.

Он слегка кусает ее за плечо, а она говорит: нет, укуси по-настоящему. Сильнее. Я хочу, чтобы ты на самом деле меня укусил. Пожалуйста, укуси меня. И вдруг они с Мэгги смотрят друг на друга, и им уже не так весело. Они такими вещами не увлекаются.

Он кончает как можно скорее, потому что так или иначе был близок к этому. А девушка все еще умоляет, все еще просит о том, чего они не могут ей дать, потому что все это не по-настоящему, и вампиров на самом деле не бывает, и ситуация эта весьма неприятная... Мэгги просит девушку уйти. Та уходит, и они об этом не говорят. Просто ложатся спать. Спустя какое-то время просыпаются — девушка прошмыгнула обратно в дом. Позже выясняется, что она разбила окно и вскрыла себе вены. Она протягивает им окровавленные запястья и говорит: прошу вас, вот моя кровь, пожалуйста, выпейте ее. Я хочу, чтобы вы выпили мою кровь. Пожалуйста!

Они перевязывают ей запястья. Порезы не очень глубокие. Мэгги звонит своему агенту, Пайку, и тот находит кого-то, кто отвозит девушку в частную клинику. Он просит их ни о чем не беспокоиться. Выясняется, что девушке пятнадцать лет. А как иначе... Пайк снова звонит им, когда девушка выписывается из клиники и вскоре сводит счеты с жизнью. Оказывается, она уже не раз пыталась это сделать. Пыталась, пыталась — и вот ей, наконец, удалось.

Демон-любовник больше не разговаривает с Мэгги — из-за голой Пилар, — они оба голые, тут, конечно же, все голые, — но Пилар на самом деле очень милая, с ней весело общаться, и операторская работа в передаче действительно превосходна, а еще ей очень нравится демон-любовник. Она все время к нему прикасается. Говорит, у нее в хижине есть бутылка «Мэйкерс Марк», а он уже такой пьяный, каким редко бывал в последнее время. Выясняется, что они и в самом деле раньше встречались — на собрании Общества анонимных алкоголиков в Сильвер-Лейк.

Они хорошо проводят время. Секс — это вообще очень весело. Демон-любовник подозревает, что есть какой-то очевидный психологический диагноз, объясняющий, почему он занимается сексом с Пилар, какая-то потребность воспроизвести недавнюю историю и убедиться, что в этот раз получится лучше. Последний секс с девушкой, у которой была камера, для него кончился плохо. Он думает: да когда вообще все заканчивалось хорошо?

Потом они лежат на спине на грязном цементном полу.

— Моя подружка ни за что в это не поверит, — говорит Пилар.

Интересно, она попросит автограф?

Пилар делит хижину с пропавшей девушкой, Джульеттой. По всей хижине расставлены ее изделия — эрогами. Мужчины и женщины, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами во всех возможных комбинациях занимаются тем, что должно выглядеть эротично. Но ничего подобного — на самом деле это выглядит угрожающе. Наверное, все дело в прямых линиях.

Демон-любовник и Пилар одеваются — не ровен час вернется Джульетта.

— Ну, — говорит Пилар со своей койки, — спокойной ночи.

Он располагается на кровати Джульетты. Тихо лежит в темноте, пока не убеждается, что Пилар заснула. Почему-то он думает о Фаун. Не может не думать о ней. Ведь если он перестанет о ней думать, то придется думать о разговоре с Мэгги. Придется думать о Мэгги.

Айфон Пилар лежит на полу возле ее кровати. Он берет его. Пароля нет. Он набирает номер Фаун. Отправляет ей сообщение. Едва соображает, что пишет.

НАДЕЮСЬ, пишет он.

И продолжает писать ужаснейшие вещи. Сам не знает, зачем это делает. Может быть, она решит, что кто-то ошибся номером. Но он пишет о конкретных вещах, упоминает известные только им подробности, так что она поймет, что никакой ошибки нет.

Наконец приходит ответ.

КТО ЭТО? УИЛЛ?

Демон-любовник не отвечает. Продолжает писать: ГРЯЗНАЯ СУКА СТЕРВА ШЛЮХА ДРЯНЬ и так далее и тому подобное. Пока она не перестанет задавать вопросы. Конечно же, она знает, кто это. Она должна знать, кто это.

Секрет актерства, постановки сцены, создания образа, произносимого тобой текста, действий персонажа вот в чем. Само по себе все это не имеет ни малейшего значения. Любые, даже самые ужасные слова — все слова и оскорбления, которые он пишет в сообщении, могут менять свой смысл в зависимости от интонации. Можно сказать: «Грязная сука. Шлюха», — и каждый раз произнести это иначе: как шутку, как комплимент, как крик о помощи, как попытку очаровать и соблазнить. Можно убивать, быть вампиром, тварью без души. И зрители,

несмотря ни на что, будут тебя любить. Если ты этого захочешь. Некоторые из них всегда будут любить тебя.

Ему не хватает воздуха. Он бросает телефон на пол, туда, где Пилар утром найдет его. Решает пойти к озеру. Ему нужно пройти мимо трейлера Мэгги, но он этого не делает. Только стоит на месте и смотрит, как из двери трейлера выскальзывает какая-то тень, спускается по ступенькам и уходит прочь. Куда она подевалась? Ее уже здесь нет.

Рэй?

Демон-любовник мог бы пойти за ним следом. Но он не идет.

Вместо этого стоит и гадает, спит ли Мэгги. Дверь ее трейлера не заперта, поэтому демон-любовник заходит.

Идет к ней в спальню. Свет не горит. Она спит. Он ничего ей не сделает. Просто хочет увидеть ее в безопасности, увидеть, как она спит. Старые друзья могут заходить друг к другу.

Мэгги лежит в кровати, и он подходит ближе, чтобы увидеть ее лицо. В постели она не одна, рядом с ней кто-то есть.

Рэй смотрит на демона-любовника, и демон-любовник смотрит на Рэя. Правая рука Рэя лежит на груди Мэгги. Рэй поднимает другую руку и манит демона-любовника...

Наутро происходит то, чего следовало ожидать. Пока съемочная группа передачи «Кто там?» собирает вещи и готовится уезжать, Пилар обнаруживает сообщения у себя на телефоне.

— Это я сделал? — спрашивает демон-любовник. — Как же я был пьян... Неужели это моих рук дело? О боже! Черт возьми! О-о! — Он играет роль.

Это может плохо кончиться. О, он знает, насколько плохо. Пилар может хорошо заработать на его сообщениях. Если Фаун захочет, то сможет использовать их против него при разводе.

Остается только удивляться, почему он все время попадает в такие ситуации.

Фаун позвонила Мэгги. Теперь еще и с этим придется разбираться. Мэгги ждет, когда наконец соберется и уедет бо́льшая часть съемочной группы, — хочет с ним поговорить. Вообще-то ему самому уже давно пора было уехать. Его ждут дела. Нужно решить, куда лететь, купить новый телефон. Нужно позвонить пиарщику и агенту. Пора бы им начать отрабатывать свое содержание. Ему нравится, когда они заняты делом.

Рэя нигде не видно. Нельзя сказать, что демон-любовник об этом сожалеет.

Разговор с Мэгги получается невеселый. Они стоят на парковке, и какая-то женщина из съемочной группы — он не узнал ее в одежде — спрашивает Мэгги:

— Тебя подвезти?

— У меня завтра дела в Таллахасси, утреннее шоу, — отвечает Мэгги. — За мной заедут с минуты на минуту.

— О'кей, — говорит женщина. — Увидимся в Сан-Хосе. — Она с любопытством смотрит на демона-любовника — неужели Пилар уже начала болтать? — садится в машину и уезжает.

— Сан-Хосе? — спрашивает демон-любовник.

— Ага, — говорит Мэгги. — Дом Винчестеров.

— А-а, — говорит демон-любовник.

Ему наплевать. Он смертельно устал от всего этого: от Мэгги, от взятых взаймы шортов и футболки, от озера Апопка и призраков, которые так и не появились. От плохой рекламы.

Он наперед знает, что его ждет. Мэгги набрасывается на него с обвинениями. Он ей это позволяет. Когда женщины в таком состоянии, разговаривать с ними нет смысла. Он просто стоит и молча все это сносит. Когда она наконец замолкает, он даже не пытается сказать что-либо в свое оправдание. Не защищается. К чему слова? Он управляется со словами куда лучше, когда у него есть сценарий, не дающий в них утонуть. А сейчас сценария нет.

Конечно, рано или поздно они с Мэгги помирятся. Старые друзья прощают друг друга. Нет ничего такого, чего нельзя было бы простить. Он думает, правда ли это, и тут на луг въезжает машина.

— Ну, — говорит Мэгги, — это за мной.

Она ждет, что он скажет. Он молчит, и тогда она говорит:

— Пока, Уилл.

— Я тебе позвоню, — наконец произносит демон-любовник. — Все будет хорошо, Мэгги.

— Конечно, — равнодушно говорит Мэгги. Она не старается выказать хоть какой-то интерес. — Позвони мне.

Она садится на заднее сиденье. Демон-любовник наклоняется, машет ей в окно. Она смотрит прямо перед собой. Водитель опускает стекло... Понятно, это опять Рэй. Конечно! Рэй смотрит на демона-любовника из окна. Вскидывает брови, улыбается, снова машет той же рукой. Подвезти?

Демон-любовник делает шаг назад. Его захлестывают непреодолимое отвращение и ужас. Его накрывает черная туча страха. Подобного он не испытывал уже много, много лет. Он сразу узнает это ощущение.

Вот и все. Машина трогается с места и увозит Мэгги. Некоторое время демон-любовник стоит на лугу. Он и

сам не знает, как долго. Но достаточно долго, чтобы быть уверенным: он никогда не догонит эту машину, которая увезла Мэгги. Никогда.

Близится буря.

Дело вот в чем: Мэгги так и не появится на утреннем шоу в Таллахасси. Другая девушка, Джульетта Адейеми, все-таки найдется, но Мэгги больше никто никогда не увидит. Она просто бесследно исчезнет. Ее тело никогда не найдут. Главный подозреваемый — демон-любовник. Разумеется, он. Но доказательств нет. Улик тоже.

Ну а как же Рэй? Когда демон-любовник объясняется с полицией, общается с журналистами, выступает на ток-шоу, он снова и снова рассказывает одну и ту же историю. Я приехал, чтобы проведать свою давнюю подругу Мэгги. Познакомился с ее любовником Рэем. Они уехали вместе. Он был за рулем. Но его рассказ никто не подтверждает. Ни один человек не признает, что Рэй вообще существует. Нигде на видео Рэя нет. Рэя вообще там не было, и не важно, сколько раз демон-любовник объясняет, что произошло. Его спрашивают: как он выглядел? Вы можете его описать? «Он был похож на меня», — отвечает демон-любовник.

Когда он ждет очередного допроса в полиции, ему приходит мысль, что однажды обо всем этом снимут фильм. О Мэгги. Но он, конечно же, будет уже слишком стар для роли демона-любовника.

Тайная личность

Дорогой Пол Зелл!

Я, наверное, уже раз двенадцать, не меньше, написала «Дорогой Пол Зелл!». Потом еще несколько слов; ничего не получается, и я начинаю сначала. Поэтому на сей раз попробую кое-что новенькое. Притворюсь, что не пишу тебе это письмо, Пол Зелл, дорогой Пол Зелл. Мне так жаль. Правда, очень жаль, Пол Зелл, но давай пока пропустим это, иначе я и теперь не сдвинусь с места. Да и, в общем-то, разве важно, сожалею я или нет? И в самом деле, что это меняет?

Итак. Давай притворимся, что мы с тобой не знаем друг друга. Сделаем вид, что встречаемся в первый раз, Пол Зелл. Мы собираемся пообедать в ресторане нью-йоркского отеля. Я проделала долгий путь, чтобы пообедать с тобой. Мы никогда не видели друг друга. Все, что я когда-либо говорила тебе про себя, — неправда. Но пока ты этого не знаешь. Мы оба думаем, что у нас, возможно, любовь.

Мы познакомились в «Far Away». Но сейчас ты сидишь так близко, что я могла бы протянуть руку и коснуться твоей руки. Если бы это происходило на самом деле.

Официант налил тебе бокал красного вина. А я? Я пью колу. Тебе тридцать четыре. Мне почти шестнадцать.

Мне так жаль, Пол Зелл. Не думаю, что у меня получится. Но я должна это сделать. Так что давай попробуем снова. (Я все пробую, пробую, пробую...) Давай начнем издавека.

Представь себе холл отеля. В центре холла — фонтан, выложенный зеленым и желтым кафелем. Плиточный пол, кожаные кресла, корпоративное искусство, целый муравейник лифтов со стеклянными стенами, которые со свистом проносятся вверх-вниз, бар. Бар — прародитель всех мини-баров в номерах. Знакомо? Может, ты уже бывал здесь раньше?

Теперь заполним холл зубными врачами и супергероями. Мужчины и женщины, челюстно-лицевые хирурги, восьмимерные существа, мутанты, фрики, которые хотят спасти ваши зубы, мир и, если повезет, попасть на телевизионное шоу. В свое время мне доводилось видеть парочку-другую зубных врачей, Пол Зелл, но супергерои у нас на равнинах встречаются нечасто. Зато часто бывают торнадо. В отеле одновременно проходят два съезда, и участники обоих собираются вместе возле фонтана — тра-ля-ля, — попивают спиртное.

На информационных стендах в холле вывешены списки: достижения в области косметической стоматологии, эффективные стратегии по уменьшению ответственности в случае угрозы окружающим, презентации вроде «Спандекс, или Пуленепробиваемый костюм? На чем вы остановите выбор?». Это может заинтересовать дантиста или супергероя. Но я — не из их числа. Как выясняется, вряд ли я могу отнести себя хоть к какой-нибудь группе.

У регистрационной стойки стоит девушка. Это я. А где ты, Пол Зелл?

Сотрудница отеля за стойкой старше меня всего на несколько лет. (Старше той девушки, которая пришла на

встречу с Полом Зеллом. Когда я говорю о себе в третьем лице, как это выглядит: претенциозно, жалко или просто ненормально? Наверное, и то, и другое, и третье. Но мне все равно.) На бэйджике сотрудницы отеля написано «Алисса», и она напоминает мне одну деваху из нашей школы. Эрин Туми, вот кого она мне напоминает. Эрин Туми — зловредная сучка. Но забудем о ней.

Алисса, служащая отеля, что-то говорит. «Я не могу ничего найти». Сейчас одиннадцать часов, утро пятницы, и в данный момент девушка в холле прогуливает биологию, которую поставили третьим уроком. Ее свиной эмбрион недоумеваает, куда же она подевалась.

Давай дадим девушке в холле отеля имя. Имена есть у всех, даже у свиных эмбрионов. (Я своего зову Альфредом.) Конечно, это не как в «Far Away». Я не могу выбрать себе имя. Если бы могла, меня бы звали не Билли Фэггарт. Знакомое имя? Нет, я и не думала, что оно покажется тебе знакомым. В четвертом классе, катаясь с горки на школьной площадке, я пукнула, и с тех пор все в школе стали называть меня Вонючка Фэггарт. Билли Фэггарт — смешное имя, правда? Только вот у девчонок вроде Билли Фэггарт в общем-то нет чувства юмора.

В моей школе есть девочка по имени Дженнифер Гроундаик. Над нами обеими все смеются*. Говорят, нам нужно переехать в Калифорнию и пожениться. Казалось бы, мы должны дружить, разве нет? Но мы не друзья. Я не умею дружить. Я, как птенец, который выпал из гнезда, а потом какой-нибудь добрый человек поднял его и положил обратно. Только теперь от птенца неправильно пахнет. Мне кажется, от меня тоже неправильно пахнет.

* Английские слова «fag» — фэг и «dyke» — даик обозначают людей с нетрадиционной ориентацией.

Если тебе интересно, кто же тогда такая Мелинда Боулс, тридцатидвухлетняя женщина, с которой ты познакомился в «Far Away», то могу сказать: ты вообще с ней не знаком. Мелинда Боулс никогда не отправляла Полу Зеллу электронные письма поздно ночью, никогда-никогда. Мелинда Боулс никогда бы не села в автобус до Нью-Йорка, чтобы встретиться с Полом Зеллом, — она даже не знает о его существовании.

Мелинда Боулс никогда не была в «Far Away».

Мелинда Боулс понятия не имеет, кто такая Чародейка Шар Судьбы. Она никогда не общалась в Сети с Изумительным Мастером Вором. Вряд ли она знает, что такое MMORPG.

Мелинда Боулс никогда не играла в живые шахматы в Зале Бесконечных Пещер короля Нермала под Злобной скалой. Мелинда Боулс не отличит ворона от письменного столика. Пешку от *rwn*^{*}.

Ну кое-что из того, что тебе известно о Мелинде Боулс, все-таки правда. Она действительно разведена. Живет в доме родителей. Преподает в старшей школе. Я взяла ее имя, когда создавала аккаунт в «Far Away». Подробнее про мою сестру, Мелинду, позже.

Так на чем мы остановились? Девушка-лгунья Билли говорит администратору Алиссе:

— Для меня нет сообщений? Конверта? Мистер Зелл, Пол Зелл? — (Это ты — на случай, если ты забыл.) — Он гость вашего отеля. Сказал, что оставит мне что-то на стойке администратора.

* *Р а w n* (англ.) — «пешка»; «*rwn*» (искаженное «*own*») на интернет-сленге означает «одержать верх», «побить соперника» (например, в компьютерной игре).

— Если хотите, я поищу еще, — говорит Алисса.

Но ничего не делает. Просто стоит и злобно смотрит сквозь Билли, словно ненавидя весь мир и всех его обитателей.

Билли оборачивается, чтобы посмотреть, на кого это Алисса уставилась с такой ненавистью. Позади Билли стоит более-менее обычного вида парень, а вот уже за ним, в холле, множество потенциальных объектов для ненависти. Разве есть такие, кто не испытывает ненависти к стоматологам? А может, Алиссе не нравятся супергерои? Или она рассматривает нечто, похожее на кровавый пузырь. Если бы ты был здесь, Пол Зелл, возможно, ты тоже таращился бы на кровавый пузырь. Внутри него с трудом можно различить силуэт кого-то или чего-то.

Билли практически не следит за супергероями, но ей кажется, что она видела этот пузырь в новостях. Может, он однажды спас мир. Он парит футах в трех над мраморным полом атриума, роняя капли крови, словно кран в аду. Может, Алисса боится, что кто-нибудь поскользнется на полу в холле, сломает лодыжку и подаст на отель в суд? А может, пузырь задолжал ей десять баксов? Кровавый пузырь подплывает к выложенному кафелем фонтану. Едва миновав бортик, он останавливается футах в двух над поверхностью воды. Теперь он будто часть художественной инсталляции — довольно мерзкой на вид. Но, возможно, он нашел для себя героическое занятие: отпугивать детей, которые любят воровать монетки из фонтанов. Пусть будущие преступные гении направят свою энергию в более продуктивное русло. Может быть, некоторые из них станут зубными врачами.

Ты в детстве не воровал монетки из фонтанов, Пол Зелл?

Ну вот, наша история совсем не продвигается. Может, потому, что некоторые ее части очень трудно рассказывать, Пол Зелл? Поэтому я и топчусь на одном месте, уже не в начале, но и не в середине. Все так запуталось.

Даже Алисса за стойкой устала ждать, когда я наконец продолжу свой рассказ. Она уже не смотрит с такой злобой и теперь стучит по клавиатуре непомерно длинными ногтями. У нее на лице заметны следы блеска, а на правой руке — полустертый клубный штамп.

— Вы гостя отеля? — спрашивает она Билли. — Напомните еще раз ваше имя.

— Мелинда Боулс, — отвечает Билли. — Я не гостя. У вас в отеле остановился Пол Зелл? Он сказал, что оставит для меня что-то у администратора.

— Вы пришли на прослушивание? — спрашивает Алисса. — Потому что тогда вам, наверное, лучше спросить на стойке регистрации.

— Прослушивание? — переспрашивает Билли. Она понятия не имеет, о чем говорит Алисса. В голове у нее уже складывается запасной план: вернуться в портовое управление и сесть на следующий автобус до Кеокука, штат Айова. Теперь-то я понимаю, что куда проще было бы написать: «Дорогой Пол Зелл! Извини. Я испугалась и передумала».

— Алисса, любовь моя! Лучше избавься от пирсинга. — Парень, что стоял позади Билли, теперь подошел к стойке и стоит рядом. У него на руке такой же штамп, как у Алиссы. Вокруг глаз — смазанная черная подводка. — Ты же не хочешь получить от менеджера сообщение о том, что он с тобой прощается?

— Ох, черт! — Алисса касается рукой носа и ныряет за стойку. — Конрад, козел ты этакий! Куда ты делся вчера ночью?

— Без понятия, — отвечает Конрад. — Я был пьян. А ты куда подевалась?

— Я пошла домой. — Слова Алиссы — как удар тупым оружием. Она все еще не вынырнула из-за стойки. — Чего тебе? Комнату убрать? Дарин работал в ночную смену, так вот он сказал, что видел тебя в лифте часа в три ночи. С *девушкой*. — Слово «девушка» режет, как нож.

— Вполне возможно, — говорит Конрад. — Говорю же, я был пьян. Тебе чем-нибудь помочь? Вытащить пирсинг? Или помочь девчонке? Потому что я хочу извиниться за прошлую ночь. Прости меня, ладно?

Он говорит правильные вещи, но только Билли кажется, что парень не то чтобы раскаивается. Скорее, пытается подавить зевоту.

— Это *так любезно с твоей стороны*, но со мной все в *порядке*. — Алисса резко выпрямляется. Серьги в носу больше нет, а глаза сверкают то ли от слез, то ли от желания совершить убийство. — Это, наверное, для вас, — говорит она Билли бодрым роботоподобным голосом гостиничного администратора. Не намного лучше интонаций, похожих на удар ножом. — Прошу прощения за путаницу. — В руке она держит конверт.

Билли берет конверт и садится на диван рядом с каким-то зубным врачом. На груди у него бейджик, на котором указано его имя и название места, откуда он прибыл, так что сразу ясно, что он не супергерой и не Пол Зелл.

Она вскрывает конверт. Внутри — карточка-ключ и записка с номером комнаты. Больше ничего. Это что, «Far Away»? Билли начинает дико хохотать. Зубной врач уставился на нее.

Простите меня. Я провела в автобусе больше двадцати часов. От одежды до сих пор пахнет автобусом — кок-

тейлем из химических чистящих средств и дыхания других людей. Отправляясь в этот квест, Пол Зелл, я никак не ожидала, что окажусь в отеле, полном супергероев и зубных врачей.

У нас в Кеокуке, штат Айова, супергерои — явление нечастое. Порой кто-нибудь пролетит мимо или все смотрят очередной тур шоу «Супергерои на льду», а иногда кто-нибудь из жителей Кеокука вдруг обнаружит, что обладает силой двух человек или может предсказать срок годности консервированного тунца в супермаркете с точностью до 98,2 процента, но даже игроки младшей лиги убираются из города довольно быстро. Они отправляются в Голливуд, пытаются пробиться на реалити-шоу в Нью-Йорк, Чикаго или даже Балтимор, чтобы создать оригинальную рок-группу, или бороться с преступностью.

Но вот что любопытно: при других обстоятельствах у Билли не нашлось бы занятия поинтереснее, чем наблюдать за тем, как женщина с вороньей головой пробирается сквозь толпу, окружившую бар, к фонтану и тому убойному пузырю с кровью. Женщина держит в руке бокал с розовым напитком. Она приподнимается на цыпочках, и из кровавого пузыря выдвигается гладкая четырехпалая рука и забирает у нее бокал. Это история любви? Как женщина с вороньим клювом может поцеловать пузырь крови? Пол Зелл, разве наша с тобой история необычнее этой?

А может, это просто двое старых друзей пьют вместе. Четырехпалая рука устанавливает соломинку в мембрану, или силовое поле, или что там ее окружает, и бокал пустеет, словно по волшебству. Пузырь дрожит.

Но — Пол Зелл. Билли не может думать ни о чем, кроме тебя, Пол Зелл. У нее есть ключ от гостиничного

номера Пола Зелла... До встречи с тобой, давным-давно в «Far Away» Билли всегда была готова к выполнению очередного квеста. Почему бы и нет? Ей больше нечем было заняться. Квесты же всегда проходили следующим образом: ты оказываешься в незнакомом месте, встречаешь хранителя, которого нужно перехитрить, или убить, или убедить его отдать тебе то, что он охраняет. Оружие, или заклинание, или конверт с ключом от номера 1584.

Да только ключ в руке Билли — настоящий, а я больше не выполняю таких заданий. Перестала, когда познакомилась с тобой, Пол Зелл. Когда Чародейка Шар Судьбы встретила Изумительного Мастера Вора в Зале короля Нермала и вызвала его на шахматный поединок.

Раз уж мы говорим обо всем начистоту, вот еще одно маленькое признание. Почему бы и нет? Какое тебе дело до того, что, помимо Чародейки Шар Судьбы, у меня в «Far Away» было еще два аватара? Например, Константин Блисс, эльфийская целительница и, честно говоря, та еще стерва, и Бэрхэнд, который, как выяснилось, стоил достаточно дорого благодаря накопленным очкам, особенно по классу оружия. Видишь ли, в моей жизни был период, когда в школе все складывалось ужасно, а дома — еще хуже, и я не очень хочу это обсуждать, но так или иначе, когда все было плохо, мне нравилось бегать и убивать всех подряд. Ничего особенного. В прошлом месяце, когда мы с тобой планировали нашу встречу, я продала Бэрхэнда, чтобы оплатить билет на автобус. Это было несложно. Я, в общем-то, уже перестала быть Бэрхэндом, кроме тех редких моментов, когда тебя не было в Сети, а мне было одиноко или грустно, и в школе случался уж слишком паршивый день.

Я вот думаю, что Константин Блисс тоже, наверное, стоит продать, если кто-нибудь захочет ее купить. Если нет, придется продать Шар Судьбы. А может, избавлюсь от обеих. Но до этой части рассказа я еще не добралась.

Ну да, я много времени провожу в Сети. В «Far Away». Как я уже говорила, у меня не то чтобы куча друзей, но не надо меня жалеть, Пол Зелл, не надо, потому что я не для того (!) тебе все это рассказываю.

Моя сестра? Мелинда? Она говорит: подожди пару лет и, вот увидишь, станет лучше. Конечно, если посмотреть на ее жизнь, может быть, и станет лучше. А потом опять станет хуже, а потом придется вернуться домой и работать училкой в школе. Так чем же именно это лучше?

Кстати, если тебе интересно, моя сестра, Мелинда Боулс, шикарно выглядит, и все мальчишки в моей школе, которые меня презирают, в нее влюблены, даже если она заваливает их на контрольных. Если ты все еще будешь со мной разговаривать после того, как прочтешь это письмо, я с радостью составлю для тебя электронную таблицу с чертами характера и биографическими деталями. В одной колонке будут данные Мелинды Боулс, в другой — Билли Фэггарт. В каждой колонке будут галочки в соответствующих местах — иногда в обеих колонках, в зависимости от обстоятельств. История о том, как я в детстве сбрила себе брови? Вот это правда. То есть это вправду была я. И то, что мне нравятся рептилии. Мелинда? Она не очень любит рептилий. Впрочем, вполне возможно, что на самом деле и у тебя нет никакого хамелеона по кличке Мо и геккона токи по кличке Кусака. Может, ты тоже что-нибудь выдумал, хотя... Ну да, с чего бы тебе выдумывать каких-то ящериц? Мне приходится напоминать себе: Билли, то, что ты лгунья, вовсе не озна-

чает, что и все вокруг тоже лжецы. Но ты-то действительно солгал, так? Ты был в отеле. Ты оставил мне ключ от своего номера в конверте, адресованном Мелинде Боулс. Потому что если это был не ты, то кто же?

Извини. Это должна быть просто я. А не та я, которая раскрывает великие тайны вселенной и тому подобное. Только вот тебе кое-что про Мелинду, на случай, если ты думаешь, что женщина, в которую ты влюбился, существует на самом деле. Кое-что *важное*. У Мелинды есть парень. А еще она суперрелигиозна, прямо Рожденная Свыше. А ты нет. Так что даже если бойфренд Мелинды погибнет или что-нибудь в этом роде — я знаю, она этого боится, — у вас с ней все равно ничего не получится.

И еще кое-что о Мелинде, а может быть, на самом деле о тебе. Я должна сказать тебе спасибо. Мне кажется, что *благодаря тебе*, Пол Зелл, мы с Мелиндой стали друзьями. Потому что я весь год интересуюсь ее жизнью. Спрашиваю, как прошел день, и действительно слушаю, когда она начинает рассказывать. А как иначе я могла бы убедить тебя, что я тридцатидвухлетняя разведенная учительница алгебры в старшей школе? И выяснилось, что у нас с Мелиндой много общего и я как будто даже *понимаю*, о чем она думает. Потому что у нее есть парень, который очень далеко (в Афганистане), и она по нему скучает, и они пишут друг другу электронные письма, и она боится, вдруг он лишится ноги или что-нибудь такое, и беспокоится, будут ли они все так же любить друг друга, когда он вернется?

А у меня есть ты. У нас с тобой было почти то же самое, но я не могла рассказать ей о тебе. Наверное, и сейчас тоже не смогу.

Билли заходит в лифт с супергероем и парнем, который продинамил Алиссу. От супергероя воняет. Потом и чем-то похуже, вроде протухшего мяса. На седьмом этаже он выходит, и Билли резко выдыхает. Она думает о самых разных вещах. Например, выяснилось, что она не боится высоты, и это очень хорошо, раз уж приходится ездить в стеклянном лифте. Она думает о том, что могла бы найти интернет-кафе, выйти в сеть и потусоваться в «Far Away», разве что Пола Зелла там не будет. Гадает, начал ли парень, купивший Бэрхэнда, испытывать его. Вот это было бы странно: встретиться с тем, кто когда-то был тобой. Что она ему скажет? Она думает о том, как ей не терпится принять душ и что от нее, может быть, пахнет так же мерзко, как от супергероя. Она думает об этом и еще о куче самых разных вещей.

— Отличный способ борьбы с преступностью, — говорит оставшийся в лифте парень. (Конрад Линтор, хотя Билли пока не знает его фамилии. Может, ты уже знаешь?) — От такой вони любой задохнется и умрет. Хотя надо сказать, справедливости ради: чтобы нарастить такую мускулатуру, нужно потреблять много протеина, и вот от этого начинаешь вонять. Поэтому я вегетарианец. — Он дарит Билли обаятельную улыбку — обаяния в ней столько же, сколько вони в лифте.

Билли гордится своей устойчивостью к обаянию. (Это как отсутствие чувства юмора. Чувство юмора — это слабость. Я знаю, нужно уметь смеяться над собой, но это довольно хреновый совет, когда над тобой и так уже смеются все кому не лень.) Она смотрит на Конрада Линтора без всякого выражения. Если не реагировать, тебя скорее всего оставят в покое.

Конраду Линтору лет восемнадцать-девятнадцать, или он хорошо сохранился для своих двадцати двух. У него

правильные черты лица и белые зубы. Он был бы ей симпатичен, если бы не был слишком уж красивым, думает Билли, а потом удивляется: что она хотела этим сказать? По нему видно, что он богат, хотя она опять же не знает, почему так решила. Может, потому, что, войдя в лифт, он нажал кнопку пентхауса.

— Дай угадаю, — говорит Конрад Линтор таким тоном, словно они с Билли продолжают давний разговор. — Ты пришла на прослушивание. — Билли продолжает смотреть на него без всякого выражения, но на сей раз потому, что действительно не знает, о чем он, а не только из желания притвориться тупой. Он поясняет: — Хочешь стать помощницей героя. Тот парень, который только что вышел, Синий Кулак. Я слышал, его помощники почему-то все время увольняются.

— Я пришла на встречу с другом, — говорит Билли. — И почему меня все об этом спрашивают? А сам-то ты кто? Тоже чей-то помощник?

— Я? — с удивлением говорит Конрад Линтор. — Очень смешно!

Дверь лифта со звоном открывается на пятнадцатом этаже, и Билли выходит.

— Ну до встречи, — говорит ей Конрад Линтор, скорее насмешливо, чем с надеждой.

Знаешь, что, Пол Зелл? Я никогда не думала, что ты окажешься каким-нибудь потрясающим красавцем или кем-то в этом роде. Мне всегда было наплевать, как ты выглядишь. Я знаю, что у тебя каштановые волосы и карие глаза, что ты худощавый и с большим носом. Знаю, потому что ты говорил, что похож на своего аватара, Изумительного Мастера Вора. Сама я всегда боялась, что ты попросишь мою фотографию, ведь на самом деле

это была бы ложь, очень большая ложь, потому что я бы послала тебе фотографию Мелинды.

Папа говорит, я так похожа на Мелинду в детстве, что даже страшно. Мы могли бы быть практически близнецами. Но я видела фотографии Мелинды в моем возрасте, и я на нее совсем не похожа. В моем возрасте Мелинда вообще-то выглядела довольно жутковато. Я думаю, она потому теперь такая милая и совсем не тщеславная, что для нее тоже оказалось сюрпризом, что она вдруг стала выглядеть потрясающе. Я не красавица, но и не уродина, так что превращение из гадкого утенка в роскошного лебедя, через которое прошла Мелинда, со мной вряд ли произойдет.

Но ты ведь меня видел, правда? Ты знаешь, как я выгляжу.

Билли стучит в дверь номера, в котором остановился Пол Зелл. На всякий случай. Хотя тебя там нет. Будь ты там, она бы умерла на месте от разрыва сердца, хотя именно за этим она и приехала. Ну чтобы увидеться с тобой.

Может, тебе интересно, зачем она проделала такой путь, если встреча с тобой всегда обещала быть огромной проблемой? Да она и сама не знает. До сих пор не знает. Просто ты же сказал: не хочешь встретиться? Проверить, по-настоящему у нас или нет?

И что ей оставалось? Отказаться? Рассказать правду?

В номере 1584 две двойные кровати, на багажной полке стоит черный чемодан. Пола Зелла нет — ты весь день будешь на совещании. Мы собирались встретиться в шесть в «Золотом лотосе».

Прошлой ночью, Пол Зелл, ты спал на одной из этих кроватей. Билли присаживается на кровать, которая сто-

ит ближе к окну. Очень жаль, что в комнате уже убрали, иначе Билли могла бы лечь именно на ту кровать, в которой ты вчера спал, и положить голову на твою подушку.

Она подходит к чемодану, и с этого момента все становится ужасно, Пол Зелл. Поэтому мне и приходится писать о себе в третьем лице, ведь тогда я, может быть, смогу сделать вид, что на самом деле это был кто-то другой...

Твой чемодан открыт. Ты аккуратно складываешь вещи, Пол Зелл. Грязная одежда лежит на полу в шкафу в свернутом виде. Билли приподнимает сложенные рубашки и брюки. Даже белье сложено. У тебя тридцать второй размер брюк, Пол Зелл. Обычные носки. На дне чемодана лежит бархатная коробочка, ювелирная коробочка, и Билли ее открывает. Затем она кладет ее обратно на дно чемодана. Я не могу тебе точно сказать, о чем она тогда думала, хотя я там была.

Я не могу рассказать тебе все, Пол Зелл.

Билли не собирала чемодан, потому что отца и Мелинду это удивило бы. (Но почему-то никто никогда не удивляется, если ты идешь в школу с набитым чем-то рюкзаком.) Билли вынимает юбку, которую собирается надеть на ужин, и вешает в шкаф. Она чистит зубы, а потом кладет свою зубную щетку на полочку рядом с твоей. Задергивает шторы, закрывая вид на очередное сооружение со стеклянным, как стены лифта, фасадом. Как будто никто ничего не может делать, если за ним не наблюдает весь мир, или... Если весь мир имеет возможность понаблюдать за тобой, значит, то, чем ты занимаешься, должно быть важно, ценно и честно. Улица далеко внизу, так далеко, что окно в номере Пола Зелла не открывает-

ся — наверное, потому, что люди вроде Билли не могут не воображать, каково было бы упасть с такой высоты.

Внизу копошатся крошечные люди-муравьишки, которые даже не предполагают, что кто-то стоит у окна и смотрит на них. Билли взирает на них свысока.

Она задергивает непроницаемую штору. Снимает с кровати, что ближе к окну, покрывало. Раздевается. Снимает джинсы, рубашку и лифчик и облачается в футболку с логотипом «Металлики», которую нашла в чемодане Пола Зелла.

Она ложится на чистую белую простыню и засыпает в желтоватой темноте. Ей снишься ты.

Когда она просыпается, чувствует, как от непривычной формы подушки у нее слегка онемела шея. Челюсть немного свело — она забыла назубник. Во сне она скрипит зубами. Вот зубы — это только мое. Мелинда так не делает.

На часах 4.30, поздний день. Билли принимает душ. Использует травяной кондиционер для волос, который принадлежит Полу Зеллу.

Отель, где она остановилась, показывают по «Си-Эн-Эн». Это из-за супергероев.

В последние три недели Билли изо всех сил старалась не думать о том, что произойдет за ужином, когда она встретится с Полом Зеллом. Но как она ни старалась гнать от себя эти мысли, все равно ей пришлось подумать о том, что надеть. Юбка и блузка, которые она привезла с собой, — это вещи Мелинды. Билли надеется, что в одежде сестры будет выглядеть старше, хотя нельзя сказать, что она специально *пытается* выглядеть старше. В «Таргете» она купила помаду, но когда накрасила губы, стала выглядеть так, будто идет на занятия в цирковое училище, поэтому она стирает ее и вместе этого наносит гигиеническую помаду. Она уверена, что губы у нее все равно краснее, чем должны быть.

Внизу в холле, куда она спускается, чтобы спросить про интернет-кафе, за стойкой администрации — Алисса.

— Постояльцы могут воспользоваться ключом от номера, чтобы пройти в бизнес-центр, — сообщает она.

У Билли есть еще вопрос.

— А кто этот парень — Конрад? — спрашивает она. — Чем занимается?

Глаза Алисы становятся узкими, как щелочки.

— Он занимается тем, что спит со всеми подряд. Но тебя это вряд ли касается, — говорит она. — И не думай, что он может как-то повлиять на своего папочку, маленькая мисс Будущая Помощница. Что бы он там тебе ни наплел. Будешь к нему подкатывать, я тебе задницу надеру.

Можно подумать, мне нужна эта работа.

— У меня есть парень, — говорит Билли. — К тому же Конрад для меня слишком стар.

Если подумать, в ее устах это звучит довольно странно.

Дело вот в чем, Пол Зелл. Тебе тридцать четыре, а мне пятнадцать. Нас разделяют девятнадцать лет. Значительная разница в возрасте, да? Даже если оставить в стороне вопрос о законности подобных отношений — а его важность я не пытаюсь преуменьшить, — я могла бы быть вдвое старше, чем сейчас, но ты все равно был бы старше меня. И знаешь что? У нас в школе есть учительница, миссис Кристи. Мелинда как-то несколько месяцев назад говорила, что миссис Кристи только что исполнилось тридцать, а ее мужу шестьдесят три. И тем не менее они любят друг друга, и Мелинда говорит, все считают, что это мерзко, но это любовь, и никто все равно никогда не поймет, что она такое. Просто возникает между людьми — и все. Или вот, к примеру, история Мелинды. Она вышла замуж за парня, который был ее ровесником. И что? Он пристрастился к героину, и, даже если закрыть

глаза на это, в нем все равно не было ничего хорошего. О чем это я? Что такое девятнадцать лет по сравнению с тридцатью тремя годами разницы между мистером и миссис Кристи? Да почти ничего.

Настоящая проблема — это время. Ну и разумеется, то, что я тебе солгала. Но если забыть о вранье, почему у нас не может все получиться через несколько лет? Зачем вообще ждать? Вряд ли я еще кого-нибудь люблю.

Билли проходит в бизнес-центр с помощью ключа от номера Пола Зелла. За одним из компьютеров сидит супергероиня. У нее курчавые рыжие волосы и рост не меньше восьми футов. Сразу видно, что она супергероиня, а не просто очень высокий стоматолог, потому что по ее фигуре то и дело идут электрические вспышки, словно ее проецируют в это кресло (которое слишком мало для нее) из другого измерения. Она бросает взгляд на Билли, та приветственно кивает. Супергероиня вздыхает и начинает изучать свои ноги. Билли это устраивает. Спасать ее не надо, и она пришла не на прослушивание. Неважно, что думают все остальные.

Почему-то Билли выбирает Констант Блисс, когда заходит в «Far Away». Двойное инкогнито. Пола Зелла нет в Сети; в Зале короля Нермала тоже нет никого, кроме живых шахматных фигур. Они всегда там, и на самом деле они не живые. По крайней мере не те, которые терпеливо стоят или сидят у себя на клетках, ждут, пока ими станут играть, вяжут, или ковыряют в носу, или флиртуют — в зависимости от того, как они запрограммированы проводить время вне поединка. Больше всего Билли нравится Королевская Ладья, потому что она всегда смеется, выходя на бой, даже когда знает, что проигрывает.

Тебе никогда не казалось, что они наблюдают за тобой, Пол Зелл? Иногда я думаю, знают ли они, что это просто игра внутри игры? Когда я впервые попала в Залу короля Нермала, то прошлась по всей доске и посмотрела, кто чем занимается. Белая Королева играла в шахматы со своей пешкой. Они всегда этим занимаются. Я сидела и смотрела, как они играют. Через некоторое время Белая Королева спросила, не хочу ли я сыграть, и когда я согласилась, ее маленькая доска стала расти и расти, и вот я уже стояла на клетке внутри такой же залы, в которой только что была, и там была другая Белая Королева, которая тоже играла в шахматы с пешкой, и, наверное, я могла бы идти все дальше и дальше, но только я психанула и вышла из «Far Away», не сохранив игру.

Бэрхэнда сейчас нет в «Far Away». Чародейки Шар Судьбы, конечно, тоже нет.

У Констант Блисс кончается запас целебных трав, но неподалеку раскинулись Кровавые луга, поэтому я надеваю ее плащ-невидимку и выхожу на поле боя. Там, где кровь человека и зверя все еще впитывается в землю, прорастают редкие и странные растения. Я также прикрываюсь Защитной рукой, потому что некоторым травам не нравится, когда их выдергивают из земли. Наполнив сундучок, Констант Блисс покидает Кровавые луга. Я покидаю Кровавые луга. Билли покидает Кровавые луга. Билли еще толком не решила, что ей делать дальше или куда идти. Уже почти шесть часов. Поэтому она сохраняет игру и выходит.

Супергероиня смотрит что-то на YouTube. Видео, в котором два корейских парня танцуют брейк-данс под «Канон в ре мажор» Пахельбеля. Билли встает, собираясь уходить.

— Девочка, — говорит супергероиня.

— Кто я? — спрашивает Билли.

— Да, да, ты, — кивает супергероиня. — Ты приехала с Чудом?

Билли понимает, что допустила ошибку.

— Я не помощница, — говорит она.

— А кто же ты? — спрашивает супергероиня.

— Никто, — отвечает Билли. Потом, вспомнив, что есть герой по имени Никто, быстро добавляет: — То есть, я хотела сказать, я вообще никто. — И, прежде чем супергероиня успевает сказать что-нибудь еще, убегает из бизнес-центра.

Билли рассматривает свои волосы в женском туалете в холле. Мелинда все время пытается убедить Билли носить что-нибудь еще, кроме футболки и джинсов, и, действительно, сейчас Билли выглядит совсем иначе, но, рассматривая себя в зеркале, она вдруг начинает жалеть, что так не похожа на себя, забывая, что сейчас ей меньше всего нужно походить на себя. Как можно меньше походить на чокнутую пятнадцатилетнюю врунью.

Хотя, судя по всему, она похожа на помощницу супергероя.

Метрдотель в «Золотом лотосе» спрашивает, заказан ли у нее столик. На часах без пяти шесть.

— На шесть часов, — отвечает Билли. — На двоих. На имя Пола Зелла...

— Прекрасно, — говорит метрдотель. — Ваш спутник еще не пришел, но вы можете садиться.

Метрдотель провожает ее к столику. Билли усаживается и пытается не чувствовать себя в ловушке. Вокруг много других людей, они ужинают. Зубные врачи, супергерои, возможно, и обычные люди тоже. Те, кто в костюмах, явно супергерои, а остальные — без костю-

мов — совсем не обязательно дантисты. Хотя некоторые явно дантисты.

Билли не ела с утра. В портовом управлении она позавтракала бейглом. Ее первый нью-йоркский бейгл. С корицей, изюмом и черничным крем-сыром. У нее урчит в животе.

Люди, среди которых нет Пола Зелла, сидят за столиками или занимают места у барной стойки. Билли рассматривает меню. Она никогда раньше не ела суши. Официант наливает ей стакан воды. Спрашивает, не желает ли она пока заказать аперитив. Билли отказывается. Люди за соседним столиком оплачивают счет и уходят. Она смотрит на часы — уже 6.18.

Опаздываешь, Пол Зелл.

Билли думает: может, стоит вернуться в номер и проверить, нет ли сообщений?

— Я сейчас вернусь, — говорит она метрдотелю.

Тому все равно. В холле отеля — супергерои, в лифте — зубные врачи, а на телефоне в номере 1584 есть огонек, который мигает, если на автоответчике оставлены сообщения. Сейчас он не мигает. Билли на всякий случай набирает номер автоответчика. Сообщений нет.

В «Золотом лотосе» столик, заказанный Полом Зеллом на двоих на шесть часов, так и остается пустым. Билли все равно садится обратно. Ждет до 7.30, а потом уходит, пока метрдотель провожает к какому-то столу группу супергероев. Пока что Билли никого из них не узнала, но это вовсе не значит, что у них никчемные суперспособности. Просто супергероев очень много, а Билли никогда ими особенно не увлекалась.

В стеклянном лифте она поднимается наверх и открывает дверь в номер Пола Зелла не постучавшись, но это

нормально, потому что там все равно никого нет. Она заказывает еду в номер. Наверное, должно быть волнующе, ведь она еще ни разу в жизни так не делала. Но волнения нет. Она заказывает гамбургер. Пьет сок из мини-бара и смотрит канал «Картун Нетуорк». Напряженно ждет, когда раздастся стук в дверь. Стучат... Но это оказывается всего лишь посыльный с ее гамбургером.

К девяти часам Билли уже дважды сходила в бизнес-центр. Она проверяет почту, проверяет «Far Away», проверяет все чаты. Изумительного Мастера Вора нигде нет. Нет Пола Зелла. Только шахматные фигуры, но сейчас не ее ход. Она пишет письмо Полу Зеллу, но не отправляет.

Когда она последний раз поднимается наверх, в номере по-прежнему никого нет. Только чемодан. Она уже никого и не ждет. Коробочка из ювелирного магазина лежит на дне чемодана.

В окне офиса напротив все еще горит свет. Может быть, свет горит всю ночь, даже когда офис пустует. Билли думает, что никогда не видела ничего более одинокого, чем этот свет. Он кажется еще более одиноким, чем свет далеких звезд, которые уже мертвы к тому времени, как он достигает нас. Далеко внизу люди-муравьи занимаются своими муравьиными делами.

Билли снова открывает мини-бар. Находит там маленькие бутылочки джина, бурбона, текилы и рома, которые никто не выпьет, если только их не выпьет Билли. «Как бы поступила Алиса?» — думает Билли. Она всегда любила Льюиса Кэрролла, и не только из-за шахмат.

Еще там есть две банки пива и баночка с арахисом. Билли выпивает все маленькие бутылочки и обе банки пива. Может быть, ты заметил, что их включили в твой счет?

На этом месте некоторые детали начинают ускользать от меня, Пол Зелл. Наверное, ты лучше представляешь себе, что я описываю, о чем умалчиваю. А может, и нет.

Билли впервые в жизни напивается, и у нее это получается плохо. Ничего не происходит, но она держится. Ей становится хорошо, как будто все будет о'кей. Это чувство разрастается, делается сильнее, пока, наконец, не проглатывает ее целиком. Так продолжается некоторое время, а потом все вокруг то темнеет, то вновь осветляется, — она как будто делает скачки вперед во времени, и всякий раз, когда она оказывается в новой точке, у нее немного кружится голова. Вот она скачет по телеканалам и никак не наберется храбрости посмотреть платную эротику, хотя мысль такая есть. Вот она опять через какое-то время красит губы. На этот раз ей даже нравится, как она выглядит. А вот она вытаскивает всю одежду из чемодана Пола Зелла. Достает из коробочки кольцо, надевает его на большой палец ноги. Потом — провал в памяти. Потом: вот Билли, она опять здесь, наклоняется над унитазом. Ее тошнит. Снова и снова. Кто-то придерживает ее волосы. Чья-то рука протягивает ей холодную влажную салфетку для лица. А теперь она в постели. В комнате темно, и Билли кажется, что кто-то сидит на соседней кровати. Просто сидит.

Чуть позже ей кажется, что она слышит, как кто-то ходит по комнате и что-то делает. Почему-то она представляет себе Чародейку Шар Судьбы — она роется в комнате в поисках важных, могущественных, волшебных вещей. Билли думает, что должна встать и помочь ей. Но не может пошевелиться.

Намного позже, когда Билли встает и идет в ванную, потому что ее снова тошнит, она замечает, что чемодан Пола Зелла исчез.

Повсюду следы рвоты: в раковине, на полу в ванной и на свитере сестры. Билли чувствует что-то холодное и мокрое в паху и понимает, что описалась в постели. Она стаскивает с себя свитер, юбку, колготки и трусы. Лифчик оставляет, потому что не может сообразить, как его расстегнуть. Потом выпивает четыре стакана воды и ложится в другую — сухую — кровать.

Она просыпается в час дня. На двери номера 1584 кто-то повесил табличку «Не беспокоить». Может, Билли сама это сделала, а может, и нет. Сегодня она уже не успеет на автобус в Кеокук, он ушел в 7.32. Чемодан Пола Зелла исчез, исчезла даже грязная одежда. Не осталось ни одного носка. Ни волоска на подушке. Только травяной кондиционер для волос. Видимо, ты забыл проверить ванную.

Не то чтобы Билли сразу все это заметила. Какое-то время она даже думать об этом не может. Почти радуется, что у нее так сильно болит голова. Она еще и не такого заслуживает. Билли хватает одно из полотенец и начинает возить им по раковине и полочке, пытаясь подтереть следы засохшей рвоты. Потом пускает в душе горячую воду — в ванной начинает пахнуть рвотой. Она стаскивает с кровати, в которую написала, простыни и закидывает их под раковину вместе с испорченным свитером и юбкой Мелинды и всеми грязными полотенцами. Когда она принимает душ, вода едва теплая. Лучше, чем она заслуживает. Билли отводит кран направо до упора, вскрикивает и возвращает его на прежнее место. То, чего ты заслуживаешь, и то, что ты можешь вынести, — не обязательно одно и то же.

Она наносит на волосы кондиционер и горько плачет. Потом спускается на лифте в холл и заходит в «Старбакс». Раньше она никогда не бывала в «Старбаксе». Ей

очень хочется карамельно-ванильного латте со льдом, но вместо него она заказывает двойной эспрессо. Она продолжает себя наказывать.

Билли высыпает в свой двойной эспрессо сахар из маленьких пакетиков, и тут кто-то садится рядом с ней. Это, конечно же, не ты, Пол Зелл. Это тот парень, Конрад. Собственно говоря, я уже рассказала ту часть истории, за которую должна была перед тобой извиниться, но все-таки я думаю, мне стоит продолжать, потому что история еще не закончилась. Помнишь, как Билли думала, что ключ от номера и автобус — это квест, как в «Far Away»? Теперь начинается часть, в которой все делается похожим на игру в шахматы, когда ты уже проиграл и знаешь об этом, но отказываешься сдаваться. Просто продолжаешь терять фигуру за фигурой, пока не превратишься в самого большого неудачника на свете. Наверное, этим жизнь похожа на шахматы, если играешь с кем-то, кто играет гораздо лучше, чем ты когда-либо сможешь. Потому что все равно в конце концов ты никогда не победишь, так?

Как бы там ни было: часть вторая. В которой я продолжаю писать о себе в третьем лице. И продолжаю совершать глупости. Если хочешь, можешь дальше не читать.

Конрад Линтор садится без приглашения. Он пьет что-то ледяное.

— Помощница. Выглядишь ужасно.

Пока он говорит, представь себе самых разных супергероев. Они бесцельно прогуливаются или целенаправленно шагают мимо столика Билли. Кивают парню, который сидит напротив нее. Билли все это видит, но у нее

не хватает силы воли, чтобы удивиться и подумать, что происходит. Каждая молекула ее организма занята тем, что страдает и ненавидит саму себя, мучается от стыда, тошноты, волны которой сметают все на своем пути, и боли.

Билли говорит:

— И вот мы снова встретились. — Она не удержалась. Именно так нужно разговаривать в отеле, полном супергероев. — Я не помощница. Меня зовут Билли.

— Неважно, — говорит Конрад Линтор. — Конрад Линтор. Так что же с тобой случилось?

Билли глотает свой эспрессо. Волосы падают ей на лицо. Птенец, думает она. Оставьте меня в покое. Неправильный запах.

Но Конрад Линтор не уходит.

— Ладно, — говорит он, — сначала я. Давай обменяемся историями из жизни. Та девушка за стойкой администратора — Алисса. Я спал с ней пару раз. Когда никого лучше не подворачивалось. Я ей очень нравлюсь. Но я козел, понятно? Никаких оправданий. Однако каждый раз, как я причиняю ей боль, потом, при встрече, начинаю вести себя мило, прошу у нее прощения и опять ее завоевываю. Зачем я это делаю? Сам не знаю. Наверное, хочу посмотреть, купится ли она на мои извинения опять. Наверное, хочу понять, когда она, наконец, не выдержит, сорвется и побьет меня. Некоторые люди разводят муравьев. Меня больше увлекают забавы с людьми. Ну вот, теперь ты в курсе, что происходило вчера. Да, я знаю, со мной что-то не так.

Билли откидывает волосы с лица.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — спрашивает она.

Он пожимает плечами.

— Не знаю. На тебя в это время хочу посмотреть, так тебе чертовски плохо... Мне вообще-то все равно. Просто стало скучно. А ты выглядишь и впрямь паршиво, и я подумал, что скорее всего за этим скрывается какая-нибудь интересная история. Кроме того, Алисса видит нас со своей стойки, и это сведет ее с ума.

— Со мной все в порядке, — говорит Билли. — Никто меня не обидел. Злодей в этой истории — я сама.

— Это неожиданно. И интересно. Продолжай, — говорит Конрад Линтор. — Расскажи мне все до конца.

Билли рассказывает. Все, кроме того, что она описалась в кровати.

Когда она закончила, Конрад Линтор встает и говорит:

— Пошли. Познакомлю с моим приятелем. Тебе нужно лекарство.

— От любви? — Неуклюжая попытка пошутить. Билли думала, что, может быть, если рассказать кому-то, что она натворила, ей станет лучше. Не стало.

— От любви лекарства нет, — говорит Конрад Линтор. — А вот с похмельем что-нибудь сделать можно.

Когда они идут по холлу, Билли замечает там новые постеры, рекламирующие бесплатное отбеливание зубов для квалифицированных супергероев в номере 412. Билли смотрит на стойку администрации и встречается взглядом с Алиссой. Та проводит пальцем по горлу. Если бы взглядом можно было убить, ты бы сейчас не читал это письмо.

Конрад Линтор заходит в дверь, в которую посторонним вход воспрещен. Билли все равно следует за ним, и вот они в коридоре. В лабиринте коридоров. Будь это MMORPG, в любой момент могли бы выскочить зомби, или гигантские крыланы, или гноллы с замысловато сплетенными смертоносными веревками. Но вместо чу-

довищ мимо них то и дело пробегают люди из обслуживающего персонала. Посыльные таскают сигареты. Все кивают Конраду Линтору, как те супергерои в «Старбаксе» в холле отеля.

Билли не хочет задавать никаких вопросов, но не выдерживает и все-таки спрашивает:

— Кто ты такой?

— Зови меня Элоиза, — отвечает Конрад Линтор.

— Что, прости?

Билли представляет, что они уже не в отеле. Коридор, по которому они сейчас идут, мягко кренится вниз. Может быть, он выведет их на берег подземного озера, или в подземелье, или в Нарнию, или в Зал короля Нермала, или даже в Кеоук, штат Айова. Ведь мир так мал. Изнутри он кажется больше.

— Ну, знаешь, Элоиза. Девочка, которая живет в отеле «Плаза»? У нее еще есть домашний кит по кличке Моби Дик.

Он вопросительно смотрит на Билли, как будто она должна понимать, о чем он говорит. Билли молчит. Он говорит:

— Ладно, забей. Просто есть такая книжка — вообще-то классика современной детской литературы — про девочку, которая живет в «Плазе». Это отель. Немного лучше, чем этот, наверное, но неважно. Я здесь живу.

Он продолжает говорить. Они идут дальше.

Похмелье Билли — это спецэффект. Конрад Линтор все говорит и говорит про супергероев. Его отец — агент. Очевидно, у супергероев есть агенты. Его отец представляет самых знаменитых героев. И страдает агорафобией. Никогда не покидает отель. Все приходят к нему. Завтра вечером состоится большой банкет в честь его самого ценного клиента. Тираннозавра Хекса. Тот выходит на

пенсию. Будет жить в горах и разводить дорожных ос. Отец Конрада Линтора устраивает вечеринку в честь Хекса. Там будут все.

Ноги у Билли, как лапша. Кончики волос — отравленные иглы. Язык — ворсистая губка, а глаза — мешки с известью.

Из-за угла с грохотом вылетают, словно кометы, два столика на колесах, за ними — на расстоянии вытянутой руки — помощники официантов. Они бегут по коридору на предельной скорости. Конрад Линтор и Билли прижимаются к стене.

— Нужно двигаться очень быстро, — объясняет Конрад. — Иначе еда остынет. Клиенты будут жаловаться.

За углом все еще вращаются огромные двери. Они такие гигантские, что могут пропустить автобус «Грейхаунд», направляющийся в Кеокук. Или белого кита. Билли выходит через двери и оказывается на дальних берегах отельной кухни. Разумеется. Далеко-далеко, в милях от нее, как ей кажется, поднимаются облака пара, и в них угадываются смутные силуэты. Что-то лязгает, кричат люди, над всем этим — густой, сладкий запах карамелизованного лука, лука, от которого никто никогда не заплачет, и другие приятные ароматы.

Конрад Линтор подводит Билли к столу с мраморной столешницей. С крюков свисают медные венчики для взбивания яиц, миски, покрытые вмятинами горшки.

Билли чувствует, что должна что-нибудь сказать.

— Наверное, у тебя много денег, — говорит она. — Чтобы жить в отеле.

— Да неужели, Шерлок? — усмехается Конрад Линтор. — Садись. Я сейчас вернусь.

Билли медленно, осторожно взбирается на табурет и кладет свою несчастную голову на покрытую прахом

могильную плиту. (Вообще-то здесь готовят выпечку, а прах — мука, но сейчас Билли очень плохо...) Пол Зелл, Пол Зелл. Она впивается взглядом в покрытую плиткой стену. В сердце Билли трещина. Голова облучена радиацией. Эспрессо из «Старбакса», который она насильно заставила себя выпить, прожжет тысячу дырочек в ее проклятом желудке.

Конрад Линтор возвращается слишком скоро. Он говорит:

— Вот она.

С ним еще какой-то парень. Тощий, с безобразными следами от фурункулов на лице. Широкие плечи. В смешной бумажной шапочке и покрытом жирными пятнами фартуке.

— Эрнесто, Билли, — представляет их друг другу Конрад. — Билли, Эрнесто.

— Сколько, говоришь, ей лет? — спрашивает Эрнесто. Он складывает руки на груди и смотрит так, словно Билли — плохой кусок мяса, который Конрад Линтор пытается выдать за первоклассную вырезку.

— Шестнадцать, правильно?

Билли подтверждает.

— И она приехала в город из-за какого-то извращенца, с которым познакомилась в Сети?

— В MMORPG, — поясняет Конрад.

— Он не извращенец, — говорит Билли. — Он думал, что я — это моя сестра. Я притворялась своей сестрой. Ей за тридцать.

— Ну, что думаешь? — обращается Конрад к Эрнесто. — Супергерой или стоматолог?

— Еще раз объясняю, — говорит Билли. — Я не на прослушивание пришла. И разве я похожа на дантиста?

— Ты похожа на проблему, — говорит Эрнесто. — На, выпей. — Он протягивает ей стакан чего-то склизкого и зеленого.

— А что там? — спрашивает Билли.

— Пырей, — говорит Эрнесто. — И еще кое-что. Тайный рецепт. Заткни нос и пей.

— Фу, — говорит Билли. (Я даже не стану пытаться описать вкус лекарства от похмелья, которое дал мне Эрнесто. Скажу лишь, что больше никогда в жизни не буду напиваться.) — Фу, гадость, гадость.

— Продолжай задерживать дыхание, — советует Эрнесто и говорит Конраду: — Так они познакомились в Сети?

— Да, — отвечает Билли. — В «Far Away».

— Ага, знаю эту игру. Дантист, — говорит Эрнесто. — Верняк.

— Только, — говорит Конрад, — дальше еще интереснее. Это была не просто игра. Внутри этой игры они играли в другую игру. Они играли в *шахматы*.

— О-о-о, — восклицает Эрнесто. Теперь у него на лице улыбка до ушей.

— Супергерой, — говорит Конрад. Они ударяют друг друга по ладони. — Вопрос только, кто.

— Какое там у него прикрытие? — спрашивает Эрнесто Билли. — Каким именем этот чувак тебе представился?

— Пол Зелл? — говорит Билли. — Подождите, вы думаете, что Пол Зелл — супергерой? Этого не может быть. Он работает в техподдержке какой-то некоммерческой организации. Что-то там с вымирающими видами.

Конрад Линтор и Эрнесто снова переглядываются.

— Да точно супергерой, — говорит Эрнесто. Потом добавляет: — Или суперзлодей. Эти психи тащатся от шахмат. Это как болезнь.

— Не может быть, — повторяет Билли.

Конрад Линтор говорит:

— Ну да, потому что Пол Зелл, конечно же, не мог тебе наврать. Вы же оба были предельно честны и откровенны друг с другом.

Билли вынуждена сидеть молча.

Конрад Линтор продолжает:

— Так и представляю себе эту картину. Супергерой идет и покупает кольцо. А тут ты. Шестнадцатилетняя девчонка. — Он смеется. Слегка толкает Билли, как будто хочет сказать: я смеюсь не над тобой, я смеюсь рядом с тобой.

— А там я, — повторяет Билли. — Вот она я.

Эрнесто едва не задыхается от смеха.

— Наверное, это и правда немного смешно, — признает Билли. — Хотя и ужасно.

— Ну так вот, — говорит Конрад. — Раз Билли любит шахматы, я подумал, что надо показать ей твой проект. Столы в банкетном зале уже накрыли?

Эрнесто перестает смеяться и поднимает руку, словно регулирует движение транспорта.

— Эй, друг. Может, попозже? У меня работа. Я сегодня на салатах. Понимаешь?

— Эрнесто — художник, — говорит Конрад. — Я все пытаюсь убедить его сходить на собеседование, собрать портфолио и показать его в центре. Отец говорит, люди могут заплатить серьезные бабки за то, что он делает.

Билли не особенно обращает внимание на их разговор. Она думает о Поле Зелле. Неужели ты — супергерой, Пол Зелл? Разве могла она не заметить нечто настолько значительное? Такой большой секрет? Конечно, думает она. Запросто.

— Я делаю скульптуры из масла, — говорит Эрнесто. — Ничего особенного. Так мне и заплатили миллион баксов за фигурки, вырезанные из масла!

— Это послание, — говорит Конрад Линтор. — Художественное видение мира, в котором мы живем.

— Мы живем в мире из масла, — говорит Эрнесто. — По-моему, так себе заявление. Ты в шахматы хорошо играешь?

— Что? — переспрашивает Билли.

— Шахматы. Ты в них хорошо играешь?

— Неплохо, — говорит Билли. — Но это так, знаете, для развлечения. Пол Зелл играет очень хорошо.

— То есть выигрывает в основном он? — уточняет Эрнесто.

— Ага, — говорит Билли. Она задумывается. — Нет, подождите. Наверное, я чаще выигрываю.

— Будешь супергероиней, когда вырастешь? Потому что все они реально тащатся от шахмат.

— Это супергеройский треугольник, — говорит Конрад Линтор. — Признаки того, что ты можешь вырасти и спасти мир. Шахматы — это показатель. Второй показатель — это странные совпадения. Например, ты всегда оказываешься в нужное время там, где тебя быть не должно. Или писаешься в постель. А еще у тебя наверняка есть какие-нибудь способности.

— У меня нет никаких способностей, — говорит Билли. — Даже совсем уж бесполезных, как, например, всегда знать точное время или предчувствовать приближение дождя.

— Способности могут развиваться позже, — убеждает ее Конрад Линтор.

— Не разовьются.

— Ладно. Но могут и развиваться, — говорит Конрад Линтор. — Поэтому я и обратил на тебя внимание. Ты выделяешься. Она выделяется, правда?

— Наверное, — говорит Эрнесто. Он опять окидывает ее взглядом, каким оценивают кусок мяса. Потом кивает. — Конечно. Она выделяется. Ты выделяешься.

— Я выделяюсь, — повторяет Билли. — Чем я выделяюсь?

— Даже Алисса это заметила, — говорит Конрад. — Она подумала, ты пришла на прослушивание, помнишь?

— О да, — говорит Эрнесто. — Алисса ведь так хорошо разбирается в людях!

— Заткнись, — говорит Конрад. — Слушай, Билли. Это не плохо, понимаешь? По некоторым людям сразу видно. Может, ты, и правда, обычная девчонка. Но может быть, ты умеешь делать что-нибудь, о чем пока даже не подозреваешь.

— Говоришь, как мой школьный психолог, — отвечает Билли. — Как моя сестра. Почему люди всегда пытаются убедить тебя, что все к лучшему? Жизнь — это как тяжелая простуда. Например, я вот здесь, а где сейчас моя сестра? Вчера она повезла отца в Пеорию. В больницу Святого Франциска, потому что у него рак поджелудочной железы. А я здесь только потому, что отец умирает и никто даже не заметит, что меня нет дома. Вот повезло-то мне, а?

Эрнесто и Конрад Линтор оба смотрят на нее.

— Я супергероиня, — говорит Билли. — Или помощница. Как скажете. Пол Зелл тоже супергерой. Все кругом герои. Мир сделан из масла. Я даже не знаю, что это означает.

— Как идут дела с похмельем? — спрашивает Конрад Линтор.

— Как по маслу, — говорит Билли. Даже не специально. Похмелье прошло. Конечно, чувствует она себя ужасно, но это не из-за похмелья. Это из-за Пола Зелла. И вообще из-за всего.

— Очень сожалею... Ну по поводу твоего отца. — Это Эрнесто.

Билли пожимает плечами. Кривится. Как будто по команде, откуда-то издалека доносится пронзительный вопль. Потом крики. Смех. Там, вдалеке, по-видимому, что-то происходит.

— Мне пора, — говорит Эрнесто.

— Эрнесто! — Это коротышка в высоком цилиндре. Он говорит: — Здрасьте, мистер Линтор. Как дела?

— Грегор, — спрашивает Конрад, — надеюсь, ничего серьезного не случилось?

— Да не, — отвечает коротышка. — Портленд отрезал себе кончик указательного пальца. Опять.

— До встречи, Конрад, — говорит Эрнесто. — Билли, рад был познакомиться. Больше не попадай в неприятности.

Эрнесто и коротышка уходят, и слышно, как коротышка говорит по пути:

— А что это за девчонка? Кого-то она мне напоминает. Чья-то помощница?

Конрад кричит им вслед:

— Может, позже увидимся, ладно?

И говорит Билли:

— Сегодня на крыше будет одно мероприятие. Приходи. А потом сходим посмотреть скульптуры, которые Эрнесто сделал для вечеринки.

— Возможно, меня здесь уже не будет, — говорит Билли. — Номер заказан на имя Пола Зелла, а не на мое. Что, если он выехал?

— Тогда у тебя перестанет работать ключ... — говорит Конрад Линтор. — Слушай, если не сможешь попасть в номер, просто позвони мне в пентхаус и скажи. Я что-нибудь придумаю. А сейчас мне пора на занятия.

— Ты студент? — спрашивает Билли.

— Просто посещаю кое-какие занятия в Новой школе, — говорит Конрад. — Рисование с натуры. Киноискусство. Я пишу роман, но эта же работа не до конца жизни, правда?

Билли даже жалко уходить из кухни. Впервые она оказалась в таком месте в Нью-Йорке, где на сто процентов уверена, что не встретит Пола Зелла. Не то чтобы это хорошо, просто ее «паучье чутье» не покалывает все время. Хотя у Билли и нет ничего похожего на «паучье чутье». И возможно, номер 1584 теперь тоже можно считать безопасным убежищем. Ключ от комнаты все еще работает. Кровать перестелили, из ванной убрали грязные полотенца и простыни. Красный свитер и юбка Мелинды висят на душевой рейке. Кто-то их постирал.

Билли заказывает еду в номер. Потом решает пойти в Брайант-парк. Она пойдет понаблюдать за шахматистами, как они с Полом Зеллом планировали, когда обсуждали, что будут делать в Нью-Йорке. Может, ты тоже там будешь, Пол Зелл?

У нее есть карта города. Она не заблудится. Она гуляет весь день. Наконец добирается до Брайант-парка, там действительно проходят шахматные поединки. Пенсионеры, студенты, может, даже парочка супергероев. Повсюду голуби, путаются под ногами. Жители Нью-Йорка выгуливают собак. Какая-то женщина кричит в телефонную трубку. Пола Зелла нет. Хотя Билли не узнала бы его, даже если бы они встретились.

Билли садится на скамейку возле урны, а через некоторое время кто-то присаживается рядом с ней. Это не Пол Зелл. Это супергероиня. Та, из бизнес-центра в отеле.

— Вот мы и встретились снова, — говорит супергероиня.

Билли спрашивает:

— Вы за мной следите?

— Нет, — говорит супергероиня. — Может быть. Я — Лайтсвитч.

— Я о вас слышала, — говорит Билли. — Вы знаменитость.

— Относительная, — говорит Лайтсвитч. — Ну то есть, конечно, я была на шоу Опри. Но я не Тираннозавр Хекс.

— Про вас есть комиксы, — говорит Билли. — Хотя... э-э... Рисованная Лайтсвитч на вас не похожа. Не очень похожа.

— Художнику нравится рисовать сиськи в натуральную величину. Только сиськи.

Какое-то время они сидят в умиротворяющей тишине.

— Вы играете в шахматы? — спрашивает Билли.

— Конечно, — отвечает Лайтсвитч. — Разве не все в них играют? Кто у тебя любимый персонаж в шахматах?

— То есть игрок? Пол Морфи, — говорит Билли. — Хотя у Конеру Хампи самое лучшее имя.

— Согласна, — отвечает Лайтсвитч. — Так ты приехала в город на междусобойчик? Что за слово дурацкое? Как будто тусуешься сама с собой. Ты с кем-нибудь работаешь?

— Хотите знать, не помощница ли я? — спрашивает Билли. — Нет, не помощница. Я Билли Фэггарт. Привет.

— Помощница. Вот еще одно словечко. Тоже мне помощь. Сплошная немоть. Только прицепится как клещ. Ладно, не обращай внимания. Я иногда отвлекаюсь.

Она протягивает Билли руку, и та пожимает ее. Билли думает, что ее слегка ударит током — как при розыгрыше с ручным шокером. Но ничего такого. Обычное рукопожатие, хотя и совершенно твердая рука Лайтсвитч все еще выглядит странно. Как будто это трансляция с помехами, а сама она находится в другом месте. Билли не помнит, откуда Лайтсвитч: из будущего или из восьмого измерения. А может, ни один из вариантов не является правильным.

К ним подходят двое детей и просят у Лайтсвитч автограф. Они смотрят на Билли, словно решая, не попросить ли автограф и у нее.

Билли встает, и Лайтсвитч говорит:

— Подожди. Возьми мою карточку.

— Зачем? — спрашивает Билли.

— На всякий случай, — говорит Лайтсвитч. — Может, еще передумаешь насчет работы помощника. Карьеру на этом не сделаешь, но какое-то время поработать можно. В основном это письма фанатов, фотосъемки, шуточки разные.

— Хм... А что случилось с вашей предыдущей помощницей? — спрашивает Билли. Увидев выражение лица Лайтсвитч, она думает, что это один из тех вопросов, которые задавать героям не следует.

— Упала с крыши. Шучу. Продала свою историю таблоидам. На полученные деньги пошла учиться на юриста. — Лайтсвитч бьет ногой жестянку. — Бум! Ну в любом случае... Вот тебе моя карточка.

Билли смотрит по сторонам, но рядом нет никого, кто мог бы объяснить ей, что это означает. Может, ты бы знал, Пол Зелл.

Билли спрашивает:

— Вы не знаете человека по имени Пол Зелл?

— Пол Зелл? Вроде знакомо. Как колокольчик. Диньдон. Пол Зелл. Но нет. Не думаю, что знаю. Это всего лишь визитка, а не назначение на должность. Просто возьми, ладно? — говорит Лайтсвитч.

Билли берет визитку.

Билли не собирается идти на тусовку Конрада Линтора. Она бесцельно шатается. Глазеет на то, на что стоит глазеть. В голове крутятся приятные мысли о подарке сестре, но она решает, что залог гармоничных семейных отношений — это осторожность. Вокруг Эмпайр-стейт-билдинг кружатся, взлетают и ныряют в воздухе супергерои в плащах. Никаких преступлений. Шоу-бизнес. Билли гуляет до тех пор, пока не стирает ноги до волдырей. Она не думает о Поле Зелле. Пол Зелл, Пол Зелл. Не думает о Лайтсвитч. Платит двенадцать баксов, чтобы посмотреть фильм, и не спрашивай меня, что за фильм, хороший ли. Я не помню. Когда она выходит из кинотеатра обратно на улицу, все переливается от яркого света. Иллюминация как четвертого июля. Очевидно, Нью-Йорк боится темноты. Билли решает пораньше лечь спать. Пусть ей позвонят и разбудят, и она пойдет в портовое управление. Сядет на автобус. Вернется домой, в Кеокук, и никогда больше не вспомнит о Нью-Йорке. Будет держаться подальше от «Far Away». Проиграет шахматный поединок. Сожжет визитку. Но Пол Зелл, Пол Зелл...

Тем временем в отеле ее соперница Алисса устроила засаду. Вообще-то она просто стоит за цветочной композицией, но неважно. Алисса атакует. Билли — легкая добыча.

— Идешь на вечеринку к своему бойфренду? — шипит Алисса. В этой фразе только одна «с», но Алиссе ее хватает с головой.

Она берет Билли за руку. Затаскивает ее в лифт.

— Какую вечеринку? — спрашивает Билли. — К какому бойфренду?

Алисса бросает на нее полный ненависти взгляд. Нажимает кнопку «Крыша», а потом аварийную остановку таким движением, словно открывает двери грузового отсека. Раз, два. Прощай, жестокий старый мир. Сейчас упадет бомба.

— Если ты имеешь в виду Конрада Линтора, — говорит Билли, — то ничего не было. В «Старбаксе». Он просто хотел поговорить о тебе. И дал мне вот это. Боялся, что потеряет. Но он собирается отдать его тебе. Завтра, я думаю.

Она достает кольцо, которое ты оставил, Пол Зелл.

Ты, конечно же, уже проверил коробочку из ювелирного магазина. Увидел, что кольца там нет. Проснувшись утром, Билли нашла его на простыне. Помнишь? Я надела его на большой палец ноги. Билли весь день носила его в кармане вместе с визиткой. Оно не подходит ей по размеру.

Я весь день то надевала, то снимала его.

Обе девушки, и Билли, и Алисса, смотрят на кольцо. Кажется, обеим трудно говорить.

Наконец:

— Это мне? — спрашивает Алисса. Она протягивает руку, словно кольцо — вовсе не кольцо, а маленькая симпатичная собачка. Словно она собирается его погладить. — В этом бриллианте два карата. Как минимум. Антикварная оправа. Объясни-ка мне вот что, пожалуйста. Почему Конрад отдал тебе мое кольцо? Думаешь, я поверю, что он позволил какой-то девчонке весь день носить мое кольцо?

— Ну, ты же знаешь Конрада, — говорит Билли.

— Да, — соглашается Алисса. Она опять замолкает на некоторое время. — Можно?

Она берет кольцо и надевает его на безымянный палец. Ей оно подходит. Горло Билли сдавливает неуместная боль.

— Ух ты! — восторгается Алисса. — Вау! Наверное, я должна отдать его обратно. О'кей. Я могу это сделать.

Она поднимает руку. Проводит бриллиантом по стеклянной стене лифта, потом трет оставшуюся после него царапину. Потом внимательно разглядывает бриллиант — словно опасается, что могла его повредить. Но бриллиант — это супергерой в мире камней. Бриллианты режут стекло. Не наоборот.

Алисса нажимает кнопку. Лифт идет вверх.

— Тебе стоит пойти на вечеринку, а мне — лечь спать, — говорит Билли. — У меня автобус утром.

— Нет, — говорит Алисса. — Подожди. Теперь я начала нервничать. Я не могу пойти туда одна. Ты должна пойти со мной. Но мы не должны выглядеть как подружки, потому что тогда Конрад что-нибудь заподозрит. Что мне все известно. Не говори ему, что мне все известно.

— Не скажу. Клянусь, — говорит Билли.

— Как тебе моя прическа? — спрашивает Алисса. — Черт! Меня же уволили! Только ты ему не говори, что меня уволили. Я не должна здесь находиться. Менеджер знал, что между мной и Конрадом что-то есть. Я не первая девушка, которую из-за него увольняют. Но сейчас я ему ничего говорить не стану. Расскажу позже.

— Дерьмово, — говорит Билли.

— Ты даже не представляешь, — говорит Алисса, — до чего же это паршивая работа. Люди такие козлы, а тебе все равно надо желать им приятного дня. И улыбаться. — Она отдает Билли кольцо. И улыбается.

Лифт открывается где-то в небе. Прямо перед ним знак — «Частная вечеринка». Как будто все небо — это частная вечеринка. Только что пробило девять. Небо оранжевое. Бассейн такого цвета, какого должно быть небо. В нем плещутся супергерои. Над ними, точно огромный пляжный мяч, парит кровавый пузырь из холла. Играет музыка в стиле танго, но никто не танцует.

В шезлонге развалился Конрад Линтор. Увидев Билли и Алиссу, он встает и подходит к ним.

— Девушки, — говорит он. Точнее, мурлычет.

— Привет, Конрад, — говорит Алисса. Ее бедро напряжено, словно взведенный курок. У нее замечательная прическа. Пирсинг вернулся на место. — Отличная вечеринка.

— Билли, — говорит Конрад, — я очень рад, что ты пришла. Здесь есть люди, с которыми тебе нужно познакомиться.

Он хватается за руку и куда-то тащит. Уж не собирается ли он швырнуть ее в бассейн?

— Эрнесто здесь? — Билли оглядывается; Алисса теперь разговаривает с каким-то человеком в униформе.

— На таких вечеринках персонал отеля, как правило, не появляется, — говорит Конрад. — Им нельзя общаться с гостями, иначе у них будут неприятности.

— Насчет Алиссы не беспокойся, — говорит Билли. — Судя по всему, ее уволили. Но ты, наверное, уже в курсе.

Конрад улыбается. Они стоят рядом с группой незнакомцев, каждый из которых кажется смутно знакомым, но немного ненастоящим. Повсюду чешуя, перья, глупые костюмы, созданные, чтобы подчеркнуть глупый внешний вид. Почему все напоминает Билли о «Far Away»? Кроме запаха. Почему от супергероев так странно пахнет? Пол Зелл...

Танго превратилось в нечто опасное. Поет женщина. Здесь нет никого, с кем Билли хотелось бы познакомиться.

Конрад Линтор пьян. Или под кайфом.

— Это Билли, — говорит он. — Моя помощница на сегодня. Билли, это все.

— Привет, все, — говорит Билли. — Извините.

Она выдергивает свою руку из цепкой хватки Конрада Линтора. Идет к лифту. Алисса убежала от отельного служащего и прячется у бассейна. Один палец в воде. Наверное, это глубокая часть бассейна. Судя по ее позе — она вся сгорбилась, — Алисса подумывает о том, чтобы утопиться. Хороший ход: может быть, кто-нибудь из присутствующих спасет ее. Когда кто-то спасает тебе жизнь, он может и влюбиться в тебя. Это очень удобно.

— Подожди, — говорит Конрад Линтор.

Не такой уж он взрослый, решает Билли. Да просто мальчишка. И пока еще не сделал ничего особенно плохого. И все же видно, как плохое накапливается вокруг него. Усиливается, как молния на громоотводе. Если Билли останется, оно накопится и в ней тоже. «Паучье чутье», которого у нее нет, дает о себе знать. Пол Зелл, Пол Зелл...

— Эрнесто будет разочарован, — говорит Конрад Линтор. Они оба идут очень быстро. Билли видит подсвеченный указатель на лестницу, решает не дожидаться лифта. Перескакивает через две ступеньки. Конрад Линтор не отстает, скачет рядом с ней. — Он очень хотел, чтобы ты посмотрела на его работу. На то, что он приготовил для банкета. Жаль, что ты не можешь остаться. Я хотел пригласить тебя на банкет. Ты бы познакомилась с Тираннозавром Хексом. Получила бы парочку автографов. Завязала бы кое-какие связи. Работа помощника и заключается в налаживании хороших связей.

— Да не помощница я! — кричит Билли. — Это была глупая шутка еще до того, как ты впервые озвучил ее. Даже будь я помощницей, то уж точно не была бы твоей. Как будто *ты* мог бы быть супергероем! Только потому, что знаешь людей. Ну и какое у тебя тайное имя, герой? Какая у тебя способность?

Она останавливается так внезапно, что Конрад Линтор врывается в нее. Не удержав равновесия, оба ударяются о стену на лестничной клетке двадцать второго этажа. Но не падают.

Конрад Линтор говорит:

— Моя суперспособность — это деньги. — Его поддерживает стена. — Это единственная суперспособность, которая имеет значение. Это лучше, чем быть невидимым. Лучше, чем уметь летать. Гораздо лучше, чем телекинез, телепортация или... эта, как ее... третья. Телепатия. Когда знаешь, о чем думают другие. Зачем тебе вообще знать, о чем думают другие люди? Например, ты знала, что каждый из них думает о том, что однажды может стать миллионером? Они и понятия не имеют, что такое большие деньги. Они не хотят быть супергероями. Они хотят быть, как я. Они хотят быть богатыми.

Билли нечего возразить.

— Знаешь, в чем разница между супергероем и суперзлодеем? — спрашивает Конрад Линтор.

Билли молчит, ждет.

— У супергероя есть очень хороший агент, — говорит Конрад Линтор. — Кто-нибудь вроде моего отца. Ты даже не представляешь, что сходит им с рук. Шестнадцатилетняя девчонка — это *ничто*.

— А как насчет Лайтсвитч? — спрашивает Билли.

— Кого? А, этой. Да она пустое место, — говорит Конрад Линтор. — Старой школы.

— Я иду спать, — говорит Билли.

— Нет, — говорит Конрад Линтор. — Подожди. Ты должна пойти со мной и посмотреть, что сделал Эрнесто. Это так круто! Все вырезано из масла.

— Если я пойду, ты дашь мне потом лечь спать?

— Конечно, — говорит Конрад Линтор.

— И будешь хорошо вести себя с Алиссой? Если она еще будет здесь, на вечеринке, когда ты вернешься.

— Постараюсь, — обещает Конрад Линтор.

— Ладно, — говорит Билли. — Давай посмотрим на масло Эрнесто. Сам-то он там?

Конрад Линтор отклеивается от стены. Хлопает по ней ладонью.

— Эрнесто? Я не знаю, где он. И откуда мне это знать?

Они заходят в тайный лабиринт. Опять в кухню, проходят через нее. Сейчас здесь пусто и темно, чем-то напоминает морг. Мавзолей.

— Эрнесто работал в холодильнике, — говорит Конрад Линтор. — Этих его парней надо держать в холоде. Подожди-ка. Дай открою. Клевый инструмент, правда? Позаимствовал его у Пустой Банки. Это один из отцовских клиентов. Про него снимают фильм. Я видел сценарий. Полный отстой.

Замок открывается. Включается свет. Прежде чем рассказать тебе о том, что Билли увидела в холодильнике, Пол Зелл, позволь рассказать о его размерах. Это поможет тебе лучше представить всю картину. Холодильник — огромный. Больше, чем многие квартиры в Нью-Йорке. Так думает Билли, хотя откуда ей знать? Она ведь никогда не была в нью-йоркской квартире.

Что в этом огромном холодильнике? Суперзлодеи. Теплое Ружье, Нин-джу, Леди Кошка, Хеллалуйя, Шиб-

болет, Разрушитель, Мандроид, Человек-Растение, Мэнтикл, Пэтти Кейкс. Куча прочих. Назови знаменитого суперзлодея, и он или она там, в холодильнике. В полный рост. Конечно, они не настоящие, но у Билли от ужаса едва не останавливается сердце. Она думает: кто их всех поймал? Почему они такие неподвижные? Может, Конрад Линтор все-таки супергерой?

Конрад Линтор касается пальцем красного, выпуклого бицепса Хеллалуйи. Легонько нажимает. Красный цвет размазывается. Под ним — что-то бело-желтое, сальное.

Суперзлодеи сделаны из масла.

— Раскрашены вручную, — говорит Конрад.

— Это Эрнесто сделал? — спрашивает Билли.

Она тоже хочет потрогать. Подходит к Пэтти Кейкс. Дышит на холодные протянутые ладони. Видна линия жизни Пэтти Кейкс. Линия любви. Билли вдруг приходит в голову, что все статуи из масла выглядят как шахматные фигуры. Их костюмы раскрашены в красный и черный. На голове Леди Кошки — корона из масла.

Конрад Линтор кладет руку на плечо Хеллалуйи. Подносит руку к шее Хеллалуйи. Затем сжимает — резко. Рука проходит сквозь шею Хеллалуйи. Словно сквозь масло. Голова отваливается.

— Осторожно! — восклицает Билли.

— Поверить не могу, что это масло, — говорит Конрад. Хихикает. — А ты можешь в это поверить? Он сделал целую шахматную доску из масла. И зачем? Для какого-то банкета в честь какого-то парня, который раньше боролся с преступностью? Какая чепуха. Так лучше. Мы с тобой повеселимся... Разве ты никогда не хотела подраться со злодеем и победить? Вот твой шанс.

— Но их сделал Эрнесто! — Билли сжимает кулаки.

— Ты же слышала, что он сказал, — говорит Конрад. — Ничего особенного. Это не искусство. Здесь нет никакого послания. Это всего лишь масло.

Он держит в руках печальную голову Хеллалуйи.

— Тяжелая, — говорит он. — Лови! Сражение едой. — Он бросает голову Билли. Голова ударяет ей в грудь, и Билли падает.

Она лежит на холодном полу и смотрит на голову Хеллалуйи. Одна сторона сплющилась. Половина широкого носа Хеллалуйи прилипла, словно слизняк, к груди Билли. Ее правая рука покрыта скользким цветным маслом.

Билли садится. Берет в руки голову Хеллалуйи и запускает ею в Конрада. Промахивается. Голова Хелалуйи врезается в блестящий живот Мандроида. Повисает там, наполовину впечатанная в масло.

— Смешно, — говорит Конрад Линтор.

Билли пронзительно кричит. Кидается на него. Ее руки — словно смертоносные когтистые лапы. Вместе с Конрадом Линтором они падают на Разрушителя. Билли ставит колено между ногами Конрада Линтора, колено утопает в масле. Она хватается Конрада Линтора за волосы и бьет его головой о голову Разрушителя.

— Ой! — пищит Конрад Линтор. — Ой, ой, ой!

Он извивается под ней. Хватает ее за руки и тянет, а она еще крепче вцепляется ему в волосы. Руки скользят по жирным от масла волосам, и она не может их удержать. Отпускает. Конрад Линтор откидывает голову назад.

— Слезь, — говорит он. — Слезь с меня!

Билли бьет его локтем в живот. Когда она встает, ноги немного скользят. Чтобы не упасть, она хватается за ружье Теплого Ружья, и оно, отломившись, остается у нее в руке.

— Извините, — говорит она. Она просит прощения у масла. — Извините. Мне очень жаль.

Конрад Линтор пытается сесть. В уголках его губ поблескивает слюна. А может быть, масло.

Билли бежит к двери. Когда добегают, до Конрада Линтора наконец доходит, что она задумала.

— Подожди! — кричит он. — Не смей! Сучка!

Слишком поздно. Она уже захлопнула дверь. Стоит, прислонившись к двери, размазывая по ней масло.

Конрад Линтор стучит кулаками по двери с другой стороны.

— Билли! — Слабый крик. Едва слышный. — Выпусти меня отсюда! Хорошо? Мы же просто немного повеселились. Я просто развлекался. Ведь было весело?

И знаешь, что, Пол Зелл? Мне и вправду было весело. Когда я бросила в него голову Хеллалуйи... Это было здорово. Это было так увлекательно, что я заплатила бы миллион баксов, чтобы сделать это снова. Теперь я могу это признать. Но мне *не нравится*, что это было так приятно. Не нравится, что мне было весело. Зато теперь, наверное, я могу понять, почему суперзлодеи это делают. Почему они все разрушают. Потому что это очень здорово. Когда-нибудь я куплю много масла, построю из него что-нибудь и снова разнесу все к чертям.

Билли могла бы оставить Конрада Линтора в холодильнике. Уйти. Кто-нибудь, наверное, нашел бы его. Правда?

Но потом она думает о том, что он станет там делать. Поломает всех остальных масляных злодеев, растопчет все, что уцелеет. Она уверена, что он поступит именно так, потому что на его месте сделала бы то же самое.

Поэтому через некоторое время она его выпускает.

— Не смешно, — говорит Конрад Линтор. Но выглядит он очень смешно.

Представь себе, что он весь украшен черно-красным маслом. Губы приобрели пурпурно-голубоватый цвет. Он дрожит от холода. Билли тоже.

— Совсем не смешно, — соглашается Билли. — Что это было, черт возьми? Эрнесто твой друг. Как ты мог так с ним поступить?

— Да он вообще-то не такой уж и друг, — говорит Конрад Линтор. — Не как мы с тобой. Он просто парень, с которым я иногда тусуюсь. Друзья — это скучно. Мне становится скучно.

— Мы не друзья, — возражает Билли.

— Конечно, — говорит Конрад Линтор. — Я это знаю. Но я думал, что, если скажу, что мы друзья, ты на это клюнешь. Ты не представляешь, какими тупыми иногда бывают люди. К тому же я все это делал только ради тебя. Нет, честно. Ради тебя. Иногда супергерой попадает в очень скверную ситуацию, и вот тогда у него наконец-то открываются некие способности. То, что он действительно в состоянии делать. Иногда это зависит от амулета или кольца, но чаще всего дело в том, в какой среде он окажется. Включается адреналин. Отец все время проводит на мне всякие испытания на случай, если мы что-то не заметили.

Может, что-то из этого правда, может, все это — правда, а может, Конрад Линтор просто снова испытывает Билли. Насколько она глупа? Он наблюдает за ней, чтобы посмотреть, поверит ли она во что-нибудь из сказанного.

— Я ухожу, — говорит Билли. Проверяет карман, чтобы убедиться, что кольцо Пола Зелла еще там. Она делала это весь день.

— Подожди, — говорит Конрад Линтор. — Ты не знаешь, как отсюда выбраться. Тебе нужна помощь.

— Не волнуйся, я найду дорогу, — говорит Билли. На этот раз на протяжении всего пути по коридорам она прижимала бриллиант к стене. Оставила тонкую, едва заметную царапину. Никто даже не додумается искать ее.

— Ладно, — говорит Конрад Линтор. — Я останусь здесь и приготовлю омлет. Уверена, что не хочешь поесть?

— Я не голодна, — говорит Билли.

Она уходит, а Конрад Линтор все продолжает рассказывать, что они встретятся снова. Это начало их истории. Может, они злейшие враги, а может, им суждено объединиться и спасти мир и получить много...

Постепенно Билли перестает его слышать. Масляный след тянется за ней до самого холла. Она садится в лифт, пока никто не заметил, как она выглядит, хотя, возможно, к этому времени персонал отеля уже успел столкнуться и с более странными вещами.

Она принимает душ и ложится спать; от нее все еще пахнет маслом. Просыпается она рано.

Пузырь с кровью снова дрейфует над фонтаном в холле.

Билли подумывает подойти к нему и попросить автограф. Притвориться фанаткой. Можно ли ткнуть этот пузырь шариковой ручкой так, чтобы он лопнул? Она уверена, что подобные мысли приходят в голову Конраду Линтору.

Билли садится в автобус. На этом история заканчивается, Пол Зелл. Дорогой Пол Зелл.

Осталось рассказать про кольцо. С ним вот что случилось. Билли завернула кольцо в салфетку, положила вместе с запиской в фирменный конверт отеля и запечатала. На конверте написала: «Для Эрнесто на кухне». В записке говорилось: «Кольцо принадлежит Полу Зеллу. Если он станет его искать, то отдай ему кольцо за вознаграждение.

Думаю, за пару сотен баксов — это, по-моему, справедливо. Скажи ему, что я верну ему деньги. Но если он не объявится, оставь кольцо себе. Или продай его. Прости за испорченных Хеллалуйю, Мандроида и Разрушителя. Я не знала, что Конрад Линтор собирался сделать».

В общем, Пол Зелл, вот и вся история. Не считая той ее части, в которой я вернулась домой и обнаружила в электронной почте твое письмо с объяснением, что с тобой случилось. Ну, что тебе срочно нужно было удалять аппендикс, и ты вообще не доехал до Нью-Йорка. А что было со мной? Приезжала ли я в отель? Наверное, никак не могла понять, куда ты подевался? Ты пишешь, что даже представить себе не можешь, как меня обеспокоило и/или разозлило твое отсутствие. И т. п.

Буду с тобой честна, Пол Зелл. Я прочла твое письмо, и часть меня обрадовалась: я спасена. Мы оба притворимся, что ничего не произошло. Я и дальше буду Мелиндой, Мелинда так и будет Чародейкой Шар Судьбы, а Пол Зелл — кем бы он ни был — останется Изумительным Мастером Вором.

Но это было бы безумием. Я так и осталась бы пятнадцатилетней вруньей, а ты был бы каким-то странным типом, который настолько жалок и одинок, что готов довольствоваться мной. Нет, даже не мной. Довольствоваться женщиной, за которую я себя выдаю. Но ты выше этого, Пол Зелл. Ты должен быть выше этого. Поэтому я и написала тебе это письмо.

Если ты дочитал мое письмо до конца, то теперь знаешь, что случилось с твоим кольцом, как и еще много чего. Твой кондиционер для волос все еще у меня. Если

ты дашь Эрнесто вознаграждение, напиши мне, и я продам Констант Блосс и Чародейку Шар Судьбы. Чтобы вернуть тебе деньги. Ничего страшного. Я могу стать кем-то другим, правда?

Ну или ты можешь сделать вид, что вообще не получал никакого письма. Мы можем притвориться, что я никогда его не отправляла. Что я никогда не приезжала в Нью-Йорк, чтобы встретиться с Полом Зеллом. Что Пол Зелл не собирался дарить мне кольцо.

Можно притвориться, что ты так и не узнал мою тайну, не узнал, кто я на самом деле. Мы могли бы пару раз в неделю встречаться в «Far Away» и играть в шахматы. Могли бы выполнить какой-нибудь квест. Спасти мир. Болтать. Флиртовать. Я бы рассказывала тебе о том, как прошла неделя Мелинды, и мы бы притворялись, что, может быть, когда-нибудь наберемся храбрости и сумеем встретиться лично.

Но знаешь что, Пол Зелл... Однажды я стану старше. Возможно, я никогда не обрету суперспособности. Не думаю, что хочу быть помощницей. Даже твоей, Пол Зелл. Хотя, может быть, так было бы проще. Если бы я была честна. И если ты тот, за кого я тебя принимаю. И наверное, я даже сейчас недостаточно честна. Может, я согласилась бы стать помощницей. Твоей помощницей. Даже если бы ты предлагал только это.

Конрад Линтор — сумасшедший, опасный и дурной человек, но я думаю, кое в чем он прав. Прав в том, что иногда люди встречаются снова. И, несмотря на то, что мы по-настоящему так и не встретились, я хочу верить, что мы с тобой встретимся снова. Я хочу, чтобы ты знал: чтобы купить билет на автобус и приехать в Нью-Йорк, у меня была серьезная причина. И причина эта заключа-

ется в том, что я тебя люблю. Это правда. Как и то, что меня и в самом деле однажды вырвало на Санта-Клауса. Я действительно могу сделать колесо двенадцать раз подряд. Третьего мая день рождения у меня, а не у Мелинды. У меня аллергия на кошек. Я люблю тебя. Не все, что я говорила, было враньем.

Когда мне исполнится восемнадцать, я снова поеду в Нью-Йорк. Прогуляюсь до Брайант-парка. И возьму с собой шахматы. Я сделаю это в свой день рождения. Я буду там целый день.

Твой ход, Пол Зелл.

Урок

Тханх и Харпер ссорятся за два дня до поездки на свадьбу, которая должна состояться на маленьком частном острове где-то у побережья Южной Каролины. Или Алабамы. Невеста — их старый друг. Причин для ссоры накопилось немало. Тханх уже давно обижался из-за кошмарного рабочего расписания Харпера, а Харпер обнаружил, что когда Тханх, одержимый хозяйственным усердием, мыл холодильник, он заодно выбросил застарелые куски сыра, которые Харпер собирался есть.

Еще они ругаются из-за денег. Харпер слишком много работает. Тханх — заместитель директора в управлении школьного образования Бруклина. Вот уже три года он не получал прибавку к зарплате. Они ругаются из-за отношений Тханха с женщиной на седьмом месяце беременности. Она вынашивает ребенка Тханха и Харпера, ребенка, о котором они давно мечтали. Тханх в который раз пытается все объяснить Харперу. Наоми ему даже не особенно нравится. Хотя, конечно, он ей благодарен. Да за что ее благодарить, возмущается Харпер. Мы платим ей деньги! Она делает это за деньги. А вовсе не потому, что оказывает нам дружескую услугу. Не потому, что хочет с нами дружить. Или с тобой. Тханх молчит о том, что при других обстоятельствах Наоми могла бы ему понравиться. Скажем, если бы они оказались рядом во время очень долгого полета. Если бы им больше никогда

не пришлось встречаться. Если бы она не вынашивала ребенка Харпера и Тханха. Если бы она больше заботилась об их будущем ребенке, пол которого они решили не выяснять заранее.

Да какая разница, нравится им Наоми или нет. Главное, чтобы они нравились ей. Чтобы она даже могла полюбить Тханха и, разумеется (разумеется!), Харпера. Чтобы она увидела, что они заслуживают любви. Конечно же, они заслуживают любви. Благосклонность Наоми, ее дружба, ее *симпатии* — это страховка. И Тханх, и Харпер боятся, что, когда ребенок родится, Наоми передумает и оставит его себе. И тогда у них не будет ни ребенка, ни законных прав на него, ни денег, чтобы предпринять еще одну попытку.

А сыр все равно уже был несъедобный. Харпер растолстел. Борода, которую он отпустил — Тханх терпеть ее не может, — никого не обманет. Харпер злится, что Тханх потратил на свадебный подарок целую кучу денег. Билеты на самолет тоже недешевые.

Наоми, суррогатная мать, соблюдает постельный режим. Две недели назад хирург зашил ей шейку матки. Это называется серкляж — звучит почти красиво. Как могло случиться, что нам досталась суррогатная мать со слабой шейкой матки, говорит Харпер. Ведь ей всего двадцать семь лет!

Большую часть времени Наоми теперь проводит в постели, встает только в туалет, и еще раз в несколько дней ей разрешается принять душ. Ее навещают товарищи по учебе — интересно, о чем они говорят, когда не гово-

рят о лингвистике? О Тханхе и Харпере, наверное, и о том, как сильно Наоми страдает. Она делится с друзьями своими тайнами? Уж не говорит ли им, что подумывает оставить ребенка себе? Все-таки это ее яйцеклетка. Наверное, вся эта затея с суррогатным материнством изначально была глупой.

Тханх держит в квартире Наоми свою зубную щетку. Это проще, чем каждый раз бегать к себе наверх. В доме полно старых русских, которые платят фиксированную арендную плату. Женщины упражняются на беговой дорожке в туфлях на высоком каблуке. Сплетничают по-русски. Никогда не улыбаются Тханху, когда он приходит в спортзал на тренировку. Они видят, как он ходит к Наоми. Наверное, сгорают от любопытства. Иногда Тханх работает за кухонным столом в квартире Наоми. Как-то вечером он засыпает рядом с ней на кровати, пока она рассказывает ему какие-то истории из своего детства. Работает телевизор. Наоми смотрит «CSI», серию за серией. Там столько крови! Вряд ли это полезно для ребенка. Когда Тханх просыпается, она смотрит на него. Ты пукнул во сне, говорит она. И смеется. Сколько времени? Он проверяет телефон и видит, что пропущенных звонков нет. Харпер, наверное, все еще на работе. Я ему не особенно нравлюсь, замечает Наоми. Ну что ты, конечно, нравишься, говорит Тханх. (Он сразу догадывается, о ком она говорит.) То есть... я хочу сказать, ему вообще никто особо не нравится. Он не любит людей. Но ты ему нравишься. Гм, бурчит Наоми. Ему понравится ребенок, говорит Тханх. Ты бы послушала, как он говорит о подготовительной школе, уроках рисования, уже думает, каких мы заведем для него домашних животных. Может, для начала песчанку? Или хамелеона. Он уже начал откладывать деньги на колледж. М-м, снова бормочет Наоми.

Он симпатичный, говорит она. Что верно, то верно. Видела бы ты его, когда ему было двадцать пять, говорит Тханх. С тех пор все пошло под откос. Есть хочешь? Он разогревает фо га, который приготовил у себя наверху. Рецепт его матери. После еды он моет посуду.

Недавно он случайно увидел эсэмэску на телефоне Наоми, отправленную кому-то из ее друзей. Она короткая. Я ВСЕ ВРЕМЯ ХОЧУ СЕКСА. Все-таки надо было воспользоваться донорской яйцеклеткой. Но это обошлось бы дороже... Сколько в мире вообще денег? Но где бы они ни были, все эти деньги, они явно не на банковском счету Харпера и Тханха. В свое время они посмотрели каталоги. IQ, хобби, генетика. Все казалось таким близким. Как будто заказываешь еду по онлайн-меню. Закажем цыпленка или креветки? У Наоми и Харпера густые курчавые светлые волосы, одинаковые подбородки, рты, атлетическое телосложение. Поэтому они решили использовать сперму Тханха. Как-то поздно ночью Харпер признается: ему кажется, что любить собственного ребенка ему было бы труднее.

Тханху хочется рассказать Харперу про эсэмэску. Может, его это позабавит. Но не рассказывает. Будет не смешно.

Потом они ссорятся и по поводу свадьбы. Может, следовало бы отменить поездку? Тханх думает, что если они сейчас уедут из города, непременно случится что-нибудь ужасное. Родится ребенок. Он не говорит Харперу, как плохо для ребенка появиться на свет раньше положенного срока.

На этой стадии беременности у плода еще недостаточно развиты легкие. Если у Наоми сейчас начнутся роды, ребенок, конечно, может выжить, но может и погибнуть. Пятьдесят на пятьдесят. Если ребенок выживет, то шансы один к пяти, что у него будет тяжелая степень инвалидности. Харпер хочет ехать на свадьбу. Он там никого не знает, кроме Тханха и Флер — невесты, но Харпер любит знакомиться с новыми людьми, особенно когда уверен, что больше никогда с ними не встретится. Харперу нравятся только новые люди. Харпер и Тханх вместе уже шестнадцать лет. Шесть из них — женаты. В любом случае, когда еще им представится возможность отправиться на поиски приключений? Следующий этап жизни уже на горизонте.

Наоми советует ехать. Сдать билеты нельзя. Все будет хорошо. Мать Тханха, Хан, соглашается приехать из Чикаго и присмотреть за Наоми. Хан и Наоми подружились на Facebook. Хан ничего не понимает в жизни Тханха, он давно это понял, но она все равно его любит. Наоми она тоже любит, потому что та вынашивает ее внука. Матери Наоми здесь нет. Родители Харпера — козлы.

Тханх и Харпер все-таки едут на свадьбу Флер.

Флер всегда славилась умением организовывать самые разные приемы и вечеринки. Она устраивала такие вечеринки, о которых люди, давно уже переселившиеся в более богатые пригородные районы — Ньютон, Садбери, Линкольн, — вспоминают до сих пор, вечеринки, после которых надо было несколько дней приходить в себя в темной комнате. В двадцать с небольшим Флер была

экономной, безжалостной, предприимчивой. Из любого сборища могла выжать максимум веселья. А теперь в распоряжении Флер не только ее грязная неутомонная хитрость импровизатора, но и деньги. Кто все это оплатит? Семье жениха Флер, Дэвида, принадлежит весь остров. Непонятно, чем он занимается — Флер говорит об этом весьма туманно. Ну... Он путешествует. У семьи есть деньги. Его семья занимается закусками. За Харпером и Тханхом, еще двумя парами и двумя женщинами из Чула-Виста приезжает машина. Это все друзья Флер. Несколько лет назад Флер перебралась в Пойнт-Лома, где встретила Дэвида, который занимался тем, чем он и теперь занимается, что бы это ни было. Женщин зовут Марианна и Лора. Они находят Дэвида приятным. Говорят, что он хорошо работает руками. Правда, немного пугает... В общем-то, они его почти не знают. С Флер познакомились на занятиях бикрам-йогой. В машине не работает кондиционер. Машина забирает гостей, приглашенных на свадьбу, из крошечного регионального аэропорта, куда все они прилетели на маленьких, почти игрушечных самолетиках, и отвозит к такому же крошечному пирсу. Здесь все на один укус. У кораблика, который идет на остров Бэд-Кло, стеклянное дно. Как мило, говорит Марианна. Рулевой, черный парень с самыми зелеными глазами, какие Тханху когда-либо доводилось видеть, гей. Вне всякого сомнения. Атлантический океан здесь мягче. Кажется, даже больше. Но может быть, так кажется лишь потому, что все остальное здесь просто миниатюрное. На корабле есть мини-бар, а в нем — отдельные прозрачные термосы, наполненные каким-то алкогольным напитком с цитрусовым вкусом. В корзинке — заранее упакованные закуски, крекеры и печенье. Флер провела свой третий десяток, работая барменом в различных

заведениях Бостона. Они с Тханхом познакомились в «МанРэй». «МанРэй» давно уже закрыт. Тысячу лет.

Хан прислала Тханху СМС-сообщение. Все в порядке? О'кей? Прекрасно! Отлично! Они с Наоми смотрят болливудские мюзиклы. Едят картофель фри. Наоми хочет знать все о Тханхе и Харпере, когда те были молодыми и глупыми. (Хан формулирует это не совсем так. Но тем не менее.) Ничего ей не рассказывай, пишет в ответ Тханх. Я серьезно.

У Харпера прекрасное настроение. В последнее время это большая редкость. Он выглядит на сто лет моложе. Выпытывает информацию у двух парочек. С какой они стороны — жениха или невесты? Откуда они? Чем занимаются? Все здесь друзья Флер, но ни у кого нет на нее столь давних и почетных прав, как у Харпера с Тханхом. Потом Харпер жалуется на боли в спине и ложится на стеклянное дно корабля. Всем приходится сдвинуть ноги. Никто не возражает. Он рассказывает о том, как Флер, выпив и разозлившись непонятно на что, долбанула ногой по музыкальному автомату в одном из баров Олстона. В «Силуэте». Там собирались альт-рокеры начала девяностых, все в грязных черных джинсах. Ноги, как спички, джинсы настолько узкие, что, усаживаясь, рокеры с трудом могли согнуть ноги в коленях. Тханх все разглядывал их задницы, которых, собственно, почти не было. Олстонская рок-задница. Музыкальный автомат играл песню U2, когда Флер треснула по нему ногой. Харпер, мастер рассказывать всякие небылицы, тут же сочиняет историю: как-то раз Боно мастурбировал, глядя на младшую сестру Флер, которая заснула за кулисами после концерта. После этого каждый раз, как они приходили в «Силуэт», им предлагали напитки за счет заведения. Сестра Флер даже проработала там несколько месяцев.

Стоит ли рассказывать такую историю незнакомцам на свадьбе? Тханх полагает, что это, наверное, все же лучше, чем история про альбатроса. Самое интересное в истории Харпера то, что самого его тем вечером вообще не было в «Силуэте». Там были только Тханх и Флер. Байку про Боно выдумал Тханх. Но нет такой истории, которую Харпер не приукрасил бы дополнительно, не перекроил бы на свой лад. Интересно, стала ли эта история всеобщим достоянием? И слышал ли о ней сам Боно? Может, стоит порыться в Интернете? Примерно в полумиле от них вырисовываются бугристые очертания острова Бэд-Кло. Наверное, это тот самый остров. Отлив, говорит рулевой. Отсюда можно и пешком дойти. Глубина, наверное, фута три. Можно добраться вплавь! Если хотите. Харпер вскакивает с места. Спина как новенькая. Непременно, говорит он. Кто со мной? Он снимает ботинки, джинсы, рубашку. На волосатом животе видны складки жира. Остается в одних трусах. Идет к борту и спускается по лесенке в воду. Компанию ему составляют двое мужчин и женщина по имени Наташа. Все в нижнем белье.

Тханх остается сидеть под белым навесом на корабле. Легкие волны нежно ударяют о корпус. Дует ласковый ветерок. Так приятно смотреть на воду сквозь стеклянное дно. В этом есть что-то волшебное. Зачем портить себе удовольствие? К тому же перед отъездом он забыл вытащить белье из сушилки. На нем нет белья. Корабль достигает берега раньше гостей, пустившихся вплавь, но прежде, чем Тханх сходит на пристань, Харпер заплывает под стекло. Прижимается к нему губами. Затем соблазнительно прижимает к нему изгибающиеся бедра. Смотри, Тханх, я занимаюсь любовью с кораблем. Видишь, Тханх? Я же говорил, что нам будет весело!

Флер встречает их на пристани, целует всех своих друзей. Рулевого тоже. Почему бы и нет? Он очень симпатичный. Одета она в белое бикини, на голове — цилиндр. Тханх никогда не видел ее с такими длинными волосами. Она перестала краситься, вернулась к своему натуральному цвету. Свадебная вечеринка — это я, говорит Флер, продолжая раздавать направо и налево полные любви поцелуи. Неудержимые поцелуи! От нее пахнет франжипани и бурбоном. Я представляю невесту, то есть себя, и жениха, Дэвида. Потому что он еще не приехал. Задерживается. Тханх! Дай-ка я на тебя посмотрю! На вас обоих! Неужели прошло уже два года? Боже мой! Идемте в дом. Всем остальным придется спать в палатках на пляже. Ну... то есть всем, кроме пожилых людей, которые остановились на материке. Но для вас с Харпером приготовлена кровать. Кровать в настоящей комнате, где даже есть дверь. Помните квартиру в Сомервиле? Девушку, которая приехала из Ирландии, чтобы навестить подружку, а та решила ее бросить еще до того, как приземлился самолет? Мы положили матрас за диваном, и она провела у нас все лето. Вы давно видели Барб? Она еще в Праге? Вы уже знаете, кто у вас будет, мальчик или девочка? А эта суррогатная мать, что она из себя представляет?

Флер болтает без умолку. Поцелуи, разговоры — ей нравится и то и другое. Остальные гости отправляются в свои похожие на юрты палатки. Их провожает Ленни, сестра Флер. Тханху никогда не нравилась Ленни. Он не видел ее больше десяти лет, но от этого она не стала нравиться ему больше. Харпер надевает брюки, и они идут по пляжу вслед за Флер. Ты когда-нибудь спал с ней? — как-то спросил Харпер Тханха. Нет, конечно, ответил Тханх.

Бэд-Кло Лодж — это уродливая деревянная коробка, украшенная белой отделкой под пряничный домик. Два этажа. Покосившееся крыльцо, стучит разболтанная фанерная дверь. Маленькие чердачные окошки под осыпающимся, словно картонным, скатом крыши. Остров стоит, наверное, миллиона три, говорит Флер. Дом? Когда-нибудь его вынесет в открытое море, и я буду благодарить Бога на коленях. Какого размера остров? — спрашивает Харпер. Две мили. Где-то около того. Его можно обойти за полчаса. После каждого шторма он увеличивается. Зато материк уменьшается.

Разрисованный пол дома уставлен ведрами и кастрюлями. Столы тоже. Диван и камин в пятнах плесени. Всю ночь шел дождь, говорит Флер. И все утро. Я думала, дождь будет продолжаться весь день. Крыша как решето. Флер ведет их наверх и дальше по коридору. Потолок здесь такой низкий, что Харперу приходится нагибаться. Вот, говорит Флер. Ванная за соседней дверью. Вода вся дождевая, поэтому если хотите горячий душ, принимайте его днем. Бак на крыше. В комнате, где им предстоит спать, достаточно места для двойной кровати, приставленной к окну. Есть столик на трех ножках. На кровати стоит таз, на дне которого дюйм дождевой воды. Флер говорит: это я заберу. На столике стоит чучело. Нечто похожее на кошку, но со странным плоским, кожистым хвостом. У него злая морда. Морщинистый нос с усами. Это что? — спрашивает Харпер. Бобер? Флер говорит: эта тварь? Такие тут раньше водились. У них были ядовитые когти, или они откладывали яйца, точно не знаю. Теперь все вымерли. Стоят целое состояние. Они доставляли столько хлопот, что все кому не лень их просто истребляли. Отстреливали, ставили капканы, резали и делали из них приманку. Это было очень давно, тогда никому до

таких вещей не было дела. Но неважно! Название этим существам так никто и не придумал, но когда их не стало, в честь них назвали остров. Что-то я такое слышала. Бэд-Кло, Дурной Коготь. Эта штука уж точно стоит дороже, чем весь этот дом. Тханх снова проверяет телефон. Тут не ловит, говорит Флер. Для звонков нужно вернуться на материк. Харпер и Тханх переглядываются. А в доме есть телефон?

Нет.

Тханх и Харпер спорят о том, стоит ли Тханху вернуться на материк, чтобы проверить, нет ли каких сообщений, позвонить Хан и Наоми. Может, им вообще лучше остановиться на материке. У нас была бы настоящая кровать, говорит Тханх. Флер все поймет. Но я хочу остаться здесь, говорит Харпер. Давай ничего не говорить Флер, ни слова. Это же ее свадьба! Думаешь, ей охота делать вид, что ее волнуют чужие дела, которые наверняка даже не станут серьезной проблемой? Тханх говорит: ну ладно. Тогда я съезжу на материк, когда корабль отправится за очередными гостями. Позвоню, чтобы убедиться, что все в порядке, и сразу же вернусь. Нет, говорит Харпер. Я сам съезжу. А Флер скажем, что мне нужно позвонить на работу.

Выясняется, что Харпер может сам доплыть до материка или даже дойти по воде пешком. Но потом, когда начнется прилив, обратно на остров ему придется добираться на корабле. Он кладет телефон и пару двадцатидолларовых купюр в два целлофановых пакета. Как только Харпер входит в воду, Флер отводит Тханха в сторону. Что-то случилось? — спрашивает она. Все хорошо? Все в порядке, отвечает Тханх. Правда. Все хорошо. О'кей, говорит Флер. Пойдем, поможешь мне смешать напитки и

кое-что расскажешь. Мне нужен краткий курс лекций по семейной жизни. Как дела с сексом? Ну для начала, говорит Тханх, нужно много смазки и длительная подготовка. Еще я рекомендую двух-трех акробатов. И уличный оркестр. Уличный оркестр — это обязательно. Они с Флер готовят напитки. На крыльце собирается народ. Кто-то играет на гитаре песни Леонарда Коэна. В качестве закусок — устрицы, хот-доги и охлажденные половинки томатов, фаршированные шпинатом и сыром. Еще напитки. Тханх говорит Флер: расскажи мне о Дэвиде. Он хороший человек? Как я могу ответить на такой вопрос, говорит Флер. Она немного загорела. На ее лице заметны морщинки, которых Тханх не помнит. Она делает то же, что делала раньше, давным-давно. Подбирает недопитые напитки и выпивает их. У Дэвида ужасная работа. Представляешь, когда мы с ним стали жить вместе, они меня проверили! Чтобы убедиться, что я не представляю угрозу его безопасности. Мы на разных концах политического спектра. Но он хороший. И богатый. Это не повредит. И я его люблю. Мда, говорит Тханх и забирает у нее пустой стакан.

Когда Харпер возвращается, на часах уже девять вечера. Гости играют в «Правда или действие». Или, как называет эту игру Флер, «Угроза безопасности, или Сделай что-нибудь глупое, потому что это весело». Вместе с Харпером на корабле приезжают еще какие-то люди. Слава богу, говорит Флер. Он здесь! Но это не Дэвид. На берег сходят трое мужчин и женщина, все в брюках в крупную складку и белых рубашках. Это обслуживающий персонал? — спрашивает кто-то. Флер отвечает: т-с-с! И поясняет: это друзья Дэвида. Она идет на при-

стань, чтобы их встретить. На этот раз никаких поцелуев. Тханх, говорит Харпер, пойдём поговорим.

Они на верху лестницы, когда Тханх замечает на лестничной клетке пластиковую миску с дождевой водой. Подожди-ка, говорит он Харперу, и его рвет прямо в миску. Он относит миску в ванную, выливает рвоту и дождевую воду в туалет. Спускает. Полощет рот. О'кей. С ним все хорошо. Харпер сидит на маленькой кровати в их комнате. У них все в порядке, говорит он. Они в больнице. У Наоми начались схватки. Ей дали какой-то препарат, чтобы остановить схватки. И что-то еще. Э-э... дексаметазон. Я посмотрел на телефоне, что это такое. Это стероид. Он увеличивает легочный сурфактант. Что бы это ни было. Так что если мальчик родится, у него будет больше шансов выжить. Мальчик, говорит Тханх. А, говорит Харпер. Ну да. Наоми проболталась. Извини. Нам нужно вернуться, говорит Тханх. Не получится, Тханх, говорит Харпер. Невозможно. Нет рейсов. Нет мест. По крайней мере на завтра. Я звонил. С ней Хан. Схватки прекратились. Завтра утром первым делом ты можешь сплавать на материк и поговорить с ними. Тханх ложится на кровать, не раздеваясь. Между пальцами у него песок. Он замерз. Харпер ложится рядом с ним. Харпер говорит: все будет хорошо. С ними все будет в порядке. Тханх неожиданно говорит сквозь сон: что-то мне не внушает доверия этот Дэвид. Я приехал сюда с его коллегами по работе, говорит Харпер. От таких можно ждать чего угодно. Я спросил, чем именно занимается Дэвид, и они начали говорить об уроках одиннадцатого сентября. Тханх говорит: а кто-то спросил, не обслуга ли они. Да какая обслуга, говорит Харпер. Можно подумать, кто-нибудь захочет есть то, что они подадут.

Ночью раздаются какие-то странные звуки. Тханх, говорит Харпер, ты слышишь? Что? — спрашивает Тханх. Но потом он тоже это слышит. Тихий шорох, как будто шуршат сухие листья. Будто кто-то тихонько скребется. Харпер встает с кровати, зажигает свет. Шум тотчас прекращается. Харпер выключает свет. Почти сразу же шум начинается снова. Харпер встает, опять зажигает свет, шум затихает. Когда это происходит в третий раз, Харпер больше не выключает свет. Чучело Дурного Когтя смотрит на них стеклянными глазками. На морде застыла вечная ухмылка. В комнате нет никого и ничего, кроме Харпера с Тханхом и Дурного Когтя, стола, кровати и их чемоданов. Тханх проверяет телефон. Сообщений нет, нет сигнала. Кровать слишком узкая. Харпер начинает храпеть. Раньше он никогда не храпел. Других звуков больше не слышно. Тханх засыпает только на рассвете.

Утром они просыпаются от криков. Флер и куча людей сильно шумят на крыльце. Слышны вопли, восторженные вскрики. Неужели приехал Дэвид? Они спускаются. Давайте же, говорит Флер, примерьте. Каждому по платью. Сегодня каждый из вас — невеста. Она вынимает из огромного чемодана свадебные платья. Помните это? — спрашивает она Тханха и Харпера. Помните, как я выиграла кучу денег в покер в Сомервиле? И поясняет остальным гостям: я не знала, что с ними делать. В «Файлинс бейсмент» была распродажа свадебных платьев. Это знаменитый салон, говорит она друзьям из Калифорнии. Туда все ходили. Даже если вы никогда не собирались замуж. Туда ходили, чтобы посмотреть, как взрослые женщины дерутся из-за платьев, а потом и сами что-нибудь покупали. Вот и я пошла туда, и меня, как бы это сказать, просто очаровали платья, которые никто не хотел

покупать. Все самые уродливые платья. В конце концов, тебе там чуть ли не доплачивают, чтобы ты их только взяла. Я потратила все деньги, которые выиграла в покер, на свадебные платья. И с тех пор они хранились у меня. На случай вечеринки. Или свадьбы. Чего-нибудь. Вот, говорит она Харперу, это тебе пойдет. Я берегла его специально для тебя.

Харпер снимает рубашку. Наступает в платье, подтягивает его к груди. У платья короткие цельнокроенные рукава. Оно расшито фальшивым мелким жемчугом. На спине фальшивые пуговицы. Неужели когда-то было время, когда женщины надевали подобные платья, и это никому не казалось странным, и все делали вид, что невеста очень красива, и плакали от счастья? Сколько Флер за него заплатила? На платье все еще сохранился ценник. \$3,000. Эта цена зачеркнута. Далее следуют другие цены, и все они тоже зачеркнуты. Флер видит, что Тханх смотрит на цены. Ты же *знаешь*, что я заплатила не больше пятидесяти баксов за каждое из них, говорит она. Свадьба Харпера и Тханха прошла в мэрии. Они были одеты в хорошие костюмы. Красные трусы, потому что красный цвет приносит удачу. Удача необходима. Вот совет по поводу замужества, который Тханх мог бы дать Флер. Будь удачлива.

Как там юрты? — спрашивает Тханх женщину, с которой они приехали. Кажется, ее зовут Марианна? Или Лора? Неважно. Юрты? Очень мило, отвечает женщина. Я всегда хотела пожить в юрте. Я тоже, говорит Тханх. За всю жизнь мысль о юртах ни разу не приходила ему в голову. Вы не поможете мне застегнуться? — просит женщина. Он помогает. Оно хорошо на вас смотрится, говорит он. Правда? Да. Оно вам даже идет. Но, кажется, это замечание нравится ей меньше, чем вопрос о юртах.

Может, из-за того, что платье такое ужасное. На крыльце (не)обслуга играет в карты. Харпер говорит Флер: мне опять нужно на материк. Ну, понимаешь, работа. Флер говорит: прилив. Не знаю, когда теперь корабль вернется. Он уже заходил утром, привез продукты. Может, после обеда? Но сначала мы пойдем в поход. Надевай платье. (Это Тханху.) И вы тоже. (Это обслуге.) Думайте об этом походе, как о сборе информации в полевых условиях. Каждому нужен кофе, хватайте кофе.

Все согласны. Гости, приехавшие на свадьбу и облачившиеся в свадебные платья, хватают кофе и фрукты и заранее заготовленные сэндвичи на завтрак. Наносят крем от загара или надевают шляпы и маршируют вслед за Флер. Харпер и Тханх идут с ними. Все идут. Даже обслуга.

Посреди острова — по крайней мере Тханх полагает, что это самый центр острова, — возвышается холм. Лавр и сосна. Суглинистая почва с примесью песка. По холму тянется некое подобие тропинки, покрытой ямами, из которых торчат корни деревьев. Флер просит не сходить с нее. Сумах ядовитый, объясняет она. Ямы. Сосны все наступают, и участникам процессии приходится идти по одному, друг за другом. Тханх вынужден придерживать шлейф своего ужасного свадебного платья. Тропа, усеянная старыми хвойными иголками, становится скользкой. Бриза нет, в воздухе стоит только лекарственный запах сосны и соли. Все молчат. Обслуга идет перед Тханхом, Харпер позади. Он почему-то уверен, что у обслуги есть работающий телефон. Если корабль не придет в ближайшее время, он придумает, как добраться до телефона. Почему они так поздно встали? Если у Наоми что-то пойдет не так, Хан ей не поможет. И Тханху с Харпером

она никак не поможет. Но, с другой стороны, чем смогли бы помочь Тханх и Харпер? Тем не менее сейчас они не должны быть здесь. Здесь никто никому не помогает. Гости выходят на поляну. В центре ее — углубление, полная воды впадина, насколько понимает Тханх. Пруд? Для пруда эта лужа недостаточно велика. Поверхность воды сплошь затянута ряской и яркими кувшинками, словно вымазана яичным желтком. Итак, говорит Флер. Мы пришли! Семья Дэвида приходит сюда ежегодно, чтобы каждый мог загадать желание. Правда же, Шейла, Роберт? Она обращается к пожилой паре. До этой минуты Тханх даже не замечал их присутствия, хотя это единственные из гостей, на ком нет свадебных платьев. Казалось бы, они должны выделяться на общем фоне, думает он. Но это не так. Даже если они себя подожгут, никто, наверное, все равно не обратит на них внимания. Возле пруда — россыпи камушков, ракушек и осколков керамики. Флер берет камушек и говорит: загадываете желание и бросаете что-нибудь в воду. Подходите, каждому по одному желанию. Давайте, давайте! Она кидает свой камень. Гости собираются вокруг грязной дыры. Там очень глубоко? — спрашивает кто-то. Флер пожимает плечами. Может быть. Наверное, нет. Я не знаю. Кто-то берет ракушку и бросает ее в дыру. Люди загадывают желания. Харпер смотрит на Тханха и закатывает глаза. Берет камушек. Все загадывают самые разные желания. Мужчина в муаровом платье с китайским воротником — это, пожалуй, лучшее из ужасных платьев — желает для себя новую работу. Справедливо. Обслуга загадывает желания, тайные желания. Марианна думает: пусть умрет моя мать. Пусть она поскорее умрет. А Флер? Чего она пожелала? Флер от всего сердца желает: пожалуйста, пусть он скоро приедет. Пусть он будет в безопасности.

Пожалуйста, пусть он полюбит меня. Пожалуйста, пусть это сработает. Тханх не хочет загадывать желание. Он не доверяет желаниям. Давай же, говорит Флер. Вкладывает осколок ракушки ему в руку. И ждет. Стоит ли пожелать, чтобы ребенок Наоми остался в ее утробе чуть подольше? Какова будет цена такого желания? Стоит ли пожелать, чтобы ребенок выжил? А если выживет, то пусть будет здоровым, сильным и счастливым? Он мог бы пожелать, чтобы Наоми не пришлось в голову оставить ребенка себе. Он мог бы пожелать себе быть хорошим отцом. Чтобы Харпер был хорошим отцом. Это было бы правильное желание? Безопасное? Тханху кажется, что опасно требовать что-либо от Бога, от вселенной, от этой грязной дыры. Разве можно предвидеть, чем обернется исполненное желание? Флер ждет. И Тханх бросает ракушку, изо всех сил пытаясь вообще ничего не желать. Но, несмотря на все свои старания, он вдруг чувствует, как что-то — это желание? что это, что это? — поднимается из желудка, из легких, из сердца и выплескивается наружу. Слишком поздно! Осколок ракушки Тханха падает вниз вместе с другими камушками и осколками, вместе с другими желаниями. Харпер смотрит на Тханха. Ему хочется стереть с его лица это выражение. Что можно сделать? Хорошо бы поскорее вернуться на пристань и проверить, не подошел ли корабль. Если, конечно, Тханх ему позволит. Харпер не верит в исполнение желаний, но все равно бросает свой камушек в дыру. Он думает: интересно, что вчера ночью издавало эти странные звуки? На обратном пути он все время держит Тханха за руку. Платья — это так глупо. Развлекаться так, как они делали это раньше, им уже не весело. Теперь это больше напоминает работу. Родители Дэвида идут прямо перед Харпером и Тханхом. Они не загадывали желаний, но,

наверное, у них уже есть все, чего они хотят. Тханх думает: что они желали для своего сына? Харпер решает, что если корабль не вернулся, он поплывет на материк в этом дурацком платье. Отличная получится история. Он не думает о Наоми и ребенке. Он прилагает невероятные усилия, чтобы вообще о них не думать. Если сейчас что-то пойдет не так, это будет настоящая катастрофа. И напрасная трата денег. Захочет ли Тханх предпринять еще одну попытку? Они не смогут себе этого позволить. Каким-то образом во всем, разумеется, окажется виноват Харпер. Не стоило им ехать на свадьбу.

Ребенок, родившийся на двадцать пятой неделе, может весить чуть больше фунта. Корабль стоит у пристани. Дэвид на нем не приехал. Тханх говорит: на этот раз должен ехать я. Нет, говорит Харпер. Оставайся. Я поеду. Тебе лучше остаться. Пообедай. Поспи. На самом деле должен ехать Тханх, но вместо него едет Харпер. Платье он снял. Прежде чем тебя допустят в неонатальное отделение интенсивной терапии, нужно вымыть руки до локтей. Каждый раз мыть их нужно не менее двух минут. Там стоят часы, и ты следишь за минутной стрелкой. Это делается для того, чтобы не передать ребенку инфекцию. Флер предлагает различные игры. Фрисби, «Захватить флаг», «Марко Поло» в воде. Обслуга играет в каждую игру так, словно вообще никогда не играла в игры. Твое обручальное кольцо можно надеть на запястье младенца, родившегося на двадцать пятой неделе. Все свадебные платья свалены в кучу на пляже возле плавниковых бревен. Сегодня будет костер. Корабль доставил обед. Тханх не хочет есть. У младенца мужского пола, родившегося на двадцать пятой неделе, мошонка и головка пениса еще не сформировались. Кожа не может удерживать тепло и влагу. У таких младенцев нет жира. В них тыкают иголками.

ми, трубками, проводами, подключают к монитору. Они, как маленькие астронавты — в самых маленьких подгузниках, которые вы когда-либо видели. Их уши еще даже не похожи на человеческие уши. Их помещают в гнезда из искусственной овечьей шерсти. Розовой, как сахарная вата. Тханх не хочет играть в «Захватить флаг». Флер приготовила огромное количество кувшинов ледяного чая с алкоголем Бэд-Кло-Айленд, и Тханх пьет стакан за стаканом, стакан за стаканом. Сидит на песке и пьет. Какое-то время Флер сидит рядом с ним, и они говорят о вещах, которые ни для кого из них не имеют значения. Флер пьет, хотя не так много, как Тханх. Наверное, ей интересно. Интересно ли ей, почему он столько пьет? Она не спрашивает. Рядом с ними присаживается мать Дэвида. Она говорит: я всегда хотела написать книгу об этом месте. Детскую книжку. Это должна была быть история о Дурных Когтях, которая случилась задолго до того, как здесь поселились люди. Но я не смогла придумать конец. Ведь в детских книжках всегда должна быть мораль, вы так не думаете? Когда читаешь сказку, всегда нужно чему-нибудь научиться, извлечь из нее какой-нибудь урок. Это очень важно. У недоношенных девочек шансы лучше, чем у недоношенных мальчиков. Хуже всего приходится европеоидным мальчикам. Медсестры называют их «слабенькими белыми мальчиками». Флер говорит: завтра я выхожу замуж. Если Дэвид не объявится, выйду замуж за Дурного Когтя. Того, который стоит у вас в комнате. Надену кольцо на его маленький ядовитый палец. Будет смешно, не правда ли? Вот увидишь. Так я и сделаю. Потом Тханх остается один, а чуть позже понимает, что кто-то стоит рядом с ним. Харпер. Привет, говорит Харпер. Привет, дружище. Тханх! Что? — спрашивает Тханх. Ему кажется, он сказал именно это. Он о чем-то спрашивает,

но плохо соотносит, о чем именно. Харпер рассказывает ему о ком-то по имени Уильям. Глаза ребенка, родившегося на двадцать пятой неделе, все еще будут закрыты. Ему можно давать около пяти граммов грудного молока в день через гастроназальный зонд. Каждый подгузник необходимо взвешивать. Следить за выделением мочи. За частотой сердечного ритма. Набором веса. Ростом кровяных сосудов в сетчатке глаза. Легкие полностью формируются только на тридцать седьмой неделе. Нужно отслеживать насыщение крови кислородом. Все это записывается в тетрадку. Родители могут ее посмотреть. Могут задать вопросы. Иногда требуется высокочастотная вентиляция легких. Иногда требуется трахеотомия. Дополнительный кислород. Переливания крови. Все эти вмешательства в организм имеют свою цену. И свои последствия. Может возникнуть риск церебрального паралича. Мозговое кровоизлияние. Рубцы в легких. Потеря зрения. Некротический энтероколит. Остаться в живых — тяжелый труд. Медсестры говорят: он такой упорный. Настоящий боец. Это хорошо. Харпер уходит. Через некоторое время он возвращается вместе с Флер. Разожгли костер. Темно. Тебе нужно что-нибудь съесть, говорит Флер. Тханх? Держи. Она открывает пачку крекеров. Тханх покорно ест крекер за крекером. Пьет воду. Крекеры чуть сладковатые на вкус. Сухие. Медсестрам не обязательно называть недоношенных младенцев по именам. Почему нет? Может, так проще. Они называют младенцев зайчиками, котиками. Какой очаровательный котик! Какой маленький зайка! Родители в любой момент могут прийти в неонатальное отделение интенсивной терапии, будь то днем или ночью. Некоторым тяжело приходить. Их присутствие не обязательно. Это нежизненно важная обязанность. Их ребенок может умереть. Здесь

нет никакой уединенности. Каждое утро и каждый вечер врачи совершают обход. Родители могут задать вопросы. Но они не всегда получают ответы. Повсюду мотивационные плакаты. Социальные работники. Финансовые консультанты. Ребенок, родившийся на двадцать пятой неделе, дорого обходится! Кто знал, что ребенок может так дорого стоить? Флер и Харпер помогают Тханху подняться по лестнице и лечь в кровать. Харпер говорит: Утром купим билет на ближайший рейс. Переверни его на бок. На случай, если стошнит. Вот так. Первые двадцать четыре часа — самые критические.

Харпер храпит Тханху прямо в ухо. От этого он проснулся? В комнате слышен еще какой-то звук. Опять этот шорох. Будто кто-то шуршит целлофановым пакетом. Слышишь? — спрашивает Тханх. Язык у него распух и еле ворочается во рту. Харпер! Харпер произносит: х-р-р. Звук между тем усиливается. Харпер говорит: что за черт, Тханх? Тханх сидит на кровати. Он все еще пьян, но ему кое-как удается осмыслить то, о чем несколько часов назад ему пытался рассказать Харпер. Наоми родила. Харпер, говорит он. Харпер встает и включает свет. В комнате заметно какое-то движение, будто течет какая-то черная жидкость. Из чучела Дурного Когтя густым потоком выползают жуки — на стол и вниз по стене, по полу и в сторону кровати и окна. В их движении наблюдается некая поспешность, будто они торопятся совершить какое-то важное, ограниченное по времени дело. Их подвижная, объемная масса — это всего лишь тень чего-то незримого, передвигающегося по комнате. Бегущая ночь. Будет еще ночь в неонатальном отделении интенсивной терапии, гораздо позднее, когда Тханх посмотрит на другую ячейку инкубатора и увидит, как внутри, по стен-

ке, в фиолетовом свете ползет паук. Да такое случается каждый год, говорит медсестра, когда он ее подзывает. Они тут каждую весну мигрируют... или как это называется... Повсюду пауки. Она подбирает паука в чашку. «Господи боже! — восклицает Харпер, увидев наконец чудовищную вереницу, ползущую из Дурного Когтя. — Какого хрена?» Они с Тханхом выбегают из комнаты так быстро, как только могут. Вниз по лестнице, прочь из этого дома. Спотыкаясь, бегут по жесткому песку пляжа к пристани. На пляже стоят бугристые юрты, черные, тихие. В небе — целая россыпь звезд. Бог испытывает необузданную нежность к звездам, а также к жукам. Ко всему, что маленькое и находится очень далеко. Харпер взял чемодан. Тханх вынес обувь. Они уверены, что непременно что-нибудь забыли.

Они сидят на пристани. Ты помнишь, что я тебе говорил вчера вечером? — спрашивает Харпер. Тханх говорит: скажи еще раз. У нас есть сын, говорит Харпер. Его зовут Уильям. Имя выбрала твоя мать. Уильям. Она хотела, чтобы у него было имя. На всякий случай. Позвоним им, когда доберемся до материка. Вылетим первым же рейсом. Если рейсов не будет, возьмем машину напрокат. До материка можно вплавь, говорит Тханх. «Это ужасная идея», — говорит Харпер. Он обнимает Тханха. Вдыхает запах его волос. Все будет хорошо, успокаивает его Харпер. Может, и не будет, говорит Тханх. Не знаю, смогу ли я это выдержать. Почему мы этого хотели? Харпер говорит: смотри. Указывает вдаль. Там, вдалеке, горят огни материка. Ближе: по воде движется свет. Он приобретает очертания корабля, и корабль подходит так близко, что рулевой может бросить Харперу трос. Он подтягивает лодку. Из лодки на берег выбирается какой-то человек. Переводит несколько озадаченный взгляд с Харпера на

Тханха. Это жених. Он говорит: «Вы меня ждете?» Тханх хохочет, но Харпер широко раскрывает руки и обнимает Дэвида. Поздравляет его. Затем Дэвид идет по пляжу к дому. За ним тащится его тень, цепляясь за траву в песке и мелкие камушки. Что он за человек? Не очень хороший, но Флер его любит, да и какая Тханху и Харперу вообще разница? Даже обслуга женится. Законом это не запрещается. Они садятся на корабль и возвращаются на материк. Под стеклянное дно, привлеченная светом, подплывает рыба. Харпер платит рулевому, которого зовут Ричард, сто баксов, чтобы тот доставил их в аэропорт. К тому времени, как они садятся в игрушечный самолетик, который доставит их в Шарлотт, откуда она смогут вылететь в Бостон, у Тханха начинается чудовищное похмелье. Из-за похмелья он не в состоянии думать. Может, это и хорошо. Милосердно. Пока они ждут рейса, Харпер разговаривает с Хан и еще раз с Наоми. В такси, которое везет их в детскую больницу, Тханх и Харпер держатся за руки. Хан встречает их в главном вестибюле. «Идемте, — говорит она. — Идемте, познакомьтесь со своим сыном».

На острове Флер и Дэвид женятся. Разрезают торт. Открывают свадебный подарок, который стоил слишком дорого. Проходят дни. Проходят месяцы. Годы. Иногда Тханх вспоминает Бэд-Кло, процессию свадебных платьев, обслугу, приближающийся к острову корабль. Место, где он подобрал камушек. Иногда Тханх гадает: этого ли он пожелал в тот момент, когда пытался не загадывать вообще никаких желаний? Попросил ли он именно об этом моменте? Или о чем-то другом? Быстротечные радости. Тень долины теней. Даже здесь, даже здесь он гадал: может, это оно?

Наступает день, когда они могут забрать мальчика, своего сына, из неонатального отделения интенсивной терапии и привезти его домой. Они подготовили ему комнату. В конце концов, у них было время, даже слишком много времени, чтобы обставить комнату обычными вещами. Колыбелькой. Плюшевыми животными. Ковриком. Стулом. Лампой.

Однажды в колыбельке ребенку становится слишком тесно. Мальчик учится ходить. Наоми заканчивает колледж. Иногда она водит мальчика в зоопарк или по музеям. Как-то раз она говорит Тханху: иногда я забываю, что он не умер. Так долго длился весь этот ужас. Временами я думаю, что на самом деле он умер, а это совсем другой мальчик. Я люблю его всем сердцем, но иногда не могу перестать плакать о другом ребенке. У тебя когда-нибудь так бывает? Харпер по-прежнему слишком много работает. Иногда он рассказывает мальчику историю о том, как тот родился, об острове и о свадьбе. О том, как Харпер в свадебном платье приехал на кораблике со стеклянным дном, и ему сообщили, что у него родился сын. Хан стареет. Она говорит: иногда я думаю, что когда умру и стану призраком, я вернусь в эту больницу. Я провела там так много времени. Я буду призраком, который постоянно моет руки и ждет. Я не знаю, кому еще являться. Мальчик растет. Это тот же ребенок, хоть иногда и трудно поверить, что это правда. Тханх и Харпер по-прежнему женаты. Мальчика любят. Тот, кого любят, страдает. Все любимые страдают. И чтобы избавить их от этих страданий, одной любви недостаточно. Любовь, и только любовь. Вот чего ты желал. Но разве этого ты хотел?

На сем кончается урок.

Долина Девчонок

Однажды я решил пару месяцев пожить другой жизнью. Нарастить мускулатуру. Поменьше думать. Пусть мое тело станет храмом, а не забегаловкой. На кухне для меня начали готовить коктейли, сырые яйца, взбитые в блендере вместе с листовой капустой, ростками пшеницы и пчелиной пылью. И тому подобное. Я бросил пить, смыл все товары Дариуса в унитаз. Я был вежлив с Лицом. Я бегал. Читал книги, выполнял домашние задания, которые давал мне учитель. Я был образцовым сыном, хорошим братом. Старики не знали, что и думать.

Геро, конечно, знала, что что-то со мной не так. **Геро** всегда все знала. Может, она видела, как я следил за ее Лицом во время разных мероприятий, когда мы все должны были появляться на публике.

Между тем я видел, как Лицо **Геро** смотрело на мое Лицо. Ничем хорошим это не могло закончиться. Поэтому я забросил сырые яйца, и добродетель, и любовь. И с головой окунулся в прежнюю жизнь, в светскую жизнь, в добрую, сладкую, кислую, прогнившую старую жизнь. Хорошая ли это жизнь? Ну, у нее, несомненно, были свои плюсы.

— О черт! — говорит **Геро**. — Кажется, я совершила ужасную ошибку. Помоги мне, . Пожалуйста, помоги мне!

Она бросает змею. Я с силой наступаю змее на голову. Ночка выдалась кошмарная для всех.

— Ты должна сказать мне шифр, — говорю я. — Скажи мне код, и я приведу кого-нибудь на помощь.

Она наклоняется, и ее тошнит испорченным шампанским прямо мне на ботинки. На руке у нее выступают две капельки крови.

— Больно, — говорит она. — Очень больно!

— Скажи мне шифр, Геро!

Некоторое время она плачет, потом замолкает. Ничего не говорит. Просто сидит и раскачивается из стороны в сторону. Я глажу ее по волосам и снова прошу сообщить мне шифр. Она молчит, и я пытаюсь подобрать цифры. Пробую набрать дату ее рождения, потом свою. Пробую самые разные комбинации цифр. Ничего не получается.

В течение того месяца я каждый день мотался по одной и той же дороге. Через лес позади главного гостевого дома в Долину Девчонок, как только всходило солнце. Вот когда надо смотреть на пирамиды! Когда восходит солнце. Мне нравилось писать у подножия пирамиды Алисии. Позднее я сказал Алисии, что писал на ее пирамиду.

— Территорию метил ? — спросила она и провела пальцами по моим волосам.

Я не люблю Алисию. Я не ненавижу Алисию. У ее Лица такой кукольный, алый рот. Однажды я приложил палец к ее губам, чтобы проверить, каковы будут ощущения. Нельзя играть с чужими Лицами, но все, кого я знаю, это делают. Что Лицо-то может сделать? Уволиться?

Но ноги у [Алисии] лучше. Длинные, крепкие, такие ноги, между которыми хочется умереть. Жаль, ее прямо сейчас здесь нет. Солнце взошло, но оно еще долго не будет озарять меня своим светом. Мы внизу, здесь холодно, а Геро со мной не разговаривает.

Что вообще такое с богатыми девчонками и пирамидами?

Когда пишешь иероглифами, надо заключать имена важных людей — царей, цариц и богов — в картуш. Вот так.

[Стиви]

[Преети]

[Ниши]

[Геро]

[Алисия]

[Либерти]

[Вивьен]

[Юмико]

[]

— Ты, правда, собирался это сделать? — интересуется Геро. Это еще до змеи, до того, как я узнал, что она задумала.

— Ага, — говорю я.

— Почему?

— А почему нет? — спрашиваю я. — По многим причинам. «Почему» — это, честно говоря, глупый вопрос, ты так не думаешь? Это как: почему Бог сотворил меня таким красивым? Почему джинсы четвертого размера?

В гробнице есть гардероб. Я осмотрел его в поисках чего-нибудь полезного. Чего угодно. Шелковые шали, платья из мягкого бархата, черные джинсы неподходящего размера. Стереосистема с музыкой, которую слушают богатые девочки-готки. Дополнительные подушки. Стерлинговое серебро. Духи, косметика. Мумифицированный кот. Нудлс. Я помню время, когда Нудлс умер. Нам было восемь. Тогда уже закладывали основание пирамиды Геро. Старики вызвали бальзамировщика.

Мы помогали с окисью натрия. Потом мне целую неделю снились кошмары.

— Это для загробной жизни, понятно? — говорит Геро.

— А ты что, в загробной жизни не будешь толстой? — На данном этапе я все еще не знаю, что задумала Геро, но уже начинаю нервничать. Геро склонна все драматизировать. Наверное, это семейное.

— У меня худая Ба*, — говорит Геро. — В отличие от тебя, . Может, внешне ты и тощий, зато сердце у тебя толстенное. Анубис тебя осудит. Ама^т тебя поглотит.

* Ба — в древнеегипетской религии — сущность человека, совокупность его чувств и эмоций.

** А м а т — чудовище на суде Осириса, пожирающее души грешников.

Она говорит это так серьезно. Можно было бы пошутить, но сами попробуйте смеяться, когда сидите в темноте в тайной погребальной камере своей сестры (не в дубликате, где все развлекаются и пьют и где как-то раз — о боже, до сих пор приятно вспоминать — вы занялись этим с Лицом сестры на мемориальном камне) под тремястами тысяч известковых блоков, на дне шахты за дверью в коридор, куда, может быть, через пару сотен лет кто-нибудь случайно зайдет.

Какая загробная жизнь может быть у мумии? Наверное, если вы — Геро, то верите, что ваши Ба и Ка* объединятся в загробной жизни. Геро думает, что она станет душой — Ах, бессмертной. Она и все остальные собирают все, что, по их представлению, пригодится им, чтобы вести прекрасную загробную жизнь. Старики им потакают. Девчонки планируют жизнь после смерти. Парни занимаются спортом, собирают гоночные машины или космические корабли двадцатого века, придумывают, как бы заняться сексом. Я специализируюсь на последнем.

Девчонки заказывают ушебти — фигурки в виде самих себя, дарят их друг другу на церемониях освящения пирамид, на празднованиях в честь шестнадцатилетия. Они собирают шабти любимых певцов, актеров и тому подобных. Они читают «Книгу мертвых». А мы тем временем ходим к ним в пирамиды, чтобы оторваться. Когда я заказал себе ушебти, я попросил скульптора сделать два варианта. Одна фигурка — для тех, кого я не очень хорошо знаю. Вторая — для девчонок, с которыми я спал. Для этой я позировал обнаженным. Если я буду общать-

* Ка — в религии древних египтян божественный дух человека. После смерти Ка продолжала свое существование внутри гробницы.

ся с этими девчонками в загробной жизни, то пусть уж у меня будут все важные части тела.

Сам я тоже кое-что почитал. Например, что бывает, когда становишься мумией? Тебя откапывают расхитители гробниц. Иногда они перемалывают тебя и продают порошок в качестве лекарства, удобрения, пигмента. Раньше люди устраивали праздник с мумиями. Приглашали друзей. Разворачивали мумию. Смотрели, что внутри.

А может, никто тебя не найдет. Может, ты станешь экспонатом в музее. Может, твое проклятие убьет кучу народу. Я точно знаю, на какой исход я надеюсь.

— — сказала Юмико. — Я не хочу, чтобы это было скучно. Фейерверки и Лица, звезды, рекламирующие новую продукцию.

Это было раньше. Мы с Юмико как-то занялись этим в пирамиде Анджелы, прямо перед фальшивой дверью. А в другой раз она отвесила мне оплеуху, потому что застала меня в постели с Преети. Изуродовала мне ушную раковину.

Пирамида Юмико не такая большая, как у Стиви или даже у Преети. Но она располагается выше. С вершины даже океан виден.

— Так что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил я ее.

— Просто сделай что-нибудь, — сказала Юмико.

И у меня сразу же появилась идея.

— Выпусти меня, Геро.

Мы пришли сюда с бутылкой шампанского. Геро попросила меня открыть ее. Пока я возился с пробкой, она захлопнула дверь. Ручки нет. Только панель с клавишами.

— Когда-нибудь тебе придется меня выпустить, Геро.

— Помнишь игру в арбузы? — говорит Геро.

Она лежит на тахте. Мы вспоминаем старые добрые времена. Кажется, мы собирались серьезно поговорить. Только вот оказалось, что речь не о том, о чем я подумал. Речь не о фильме, который я снял. Не об эротическом фильме. Речь о другом.

— Тут очень холодно, — говорю я. — Я заболею.

— Что поделаешь, — отвечает Геро.

Я хожу из стороны в сторону.

— Игра в арбузы? С единорогом Вивьен?

Мать Вивьен вдвое богаче Господа Бога. Пирамида Вивьен втрое больше пирамиды Геро. Вивьен целуется, как рыба, трахается, как демон, а ее хобби — разведение химер. Во многих имениях сейчас большие проблемы с единорогами, все по вине Вивьен. Единороги ревностно оберегают свою территорию. В сезон спаривания их вообще лучше не трогать.

Короче, я придумал вариацию французского боя быков, *Taureau Piscine*, только с единорогами. Получаешь очко каждый раз, когда оказываешься в бассейне вместе с единорогом. Мы и в *Licorne Pastiche* играли. Вынесли столик и пару стульев и поставили их на газон. Разрезали арбуз и играли по очереди. Есть арбуз можно только за столом. А единорог тем временем все больше бесится, потому что ты вторгся на его территорию.

Было невероятно круто до тех пор, пока тупой единорог не сломал ногу, запрыгивая в бассейн, и тогда кому-то пришлось выйти и пристрелить его. К тому же Старики разозлились из-за стула. Оказалось, что стулья антикварные. Бесценные. Единорог раздолбал спинку одного из них так, что она годилась только на дрова.

— Помнишь, как **Вивьен** все ревела и ревела? — говорит Геро.

Для Геро даже это — часть приятного воспоминания. Она ненавидит **Вивьен**. Почему? Да по какой-то дурацкой причине. Я забыл подробности. Если вкратце, то: Геро толстая. **Вивьен** — сука.

— Мне было больше жаль того, кому пришлось чистить бассейн, — говорю я.

— Врешь ты все, — говорит **Геро**. — Да ты никогда в жизни ни к кому жалости не испытывал. Ты типичный социопат. И собирался убить всех наших друзей. Я оказываю миру огромную услугу.

— Они тебе не друзья, — говорю я. — Ты никому из них даже не нравишься. Не знаю, почему ты хочешь спасти хотя бы одного из них.

Геро молчит.

Я говорю:

— Рано или поздно нас найдут.

Конечно же, у нас обоих есть импланты. Импланты, не позволяющие девчонкам забеременеть, вызывающие у нас рвоту при попытке принять наркотик или напиток. Но это можно обойти. Дариус всегда находит новые решения. А еще имплант — Антураж — дает возможность охранникам наших родителей следить за нами. На случай, если нас похитят. На случай, если мы пойдем туда, куда ходить запрещено, или сбежим из дома. Богатые люди не любят терять свои вещи.

— В этой камере довольно интересная изоляция, — говорит **Геро**. — Я сама установила аппаратуру. Высокотехнологичное шпионское оборудование. Ну, знаешь, на всякий случай.

— На какой именно? — спрашиваю я.

Она пропускает вопрос мимо ушей.

— А еще я заплатила за триста тысяч микротрекеров. Сто пятьдесят тысяч с твоим профилем, сто пятьдесят тысяч — с моим. Они запрограммированы так, что в течение трех месяцев будут включаться и выключаться в случайных кластерах через нерегулярные интервалы. Минут десять назад это уже начало работать. Думаешь, в целом мире ты единственный, кто страдает? Кто несчастлив? Ты меня даже не видишь. Ты так помешан на Таре и Филиппе, что больше ничего вокруг не замечаешь.

— На ком? — спрашиваю я.

— На наших с тобой Лицах, — говорит Геро. — Псих. — У нее на глазах слезы, но голос по-прежнему спокоен. — Короче. Сегодня вечером трекары расходятся среди гостей на рейвах по всему миру. Они приклеены к буклету в коробке с CD-диском одной из моих любимых групп. Ты ее все равно не знаешь. О-о, и все гости на вечеринке Юмиго получили по диску, а еще я оставила диск у каждой фальшивой двери во все пирамиды в качестве подношения. Все они сейчас активны.

Я всегда был красивым. Популярным. Иногда я забываю, что весь ум достался Геро.

— Я люблю тебя, .

Либерти вечно в кого-нибудь влюбляется. Но мне стало любопытно. Я спросил:

— Любишь? За что ты меня любишь?

Она на минуту задумалась.

— Ты псих, — сказала она. — Тебе ни до чего нет дела.

— И поэтому ты меня любишь? — спросил я.

Это было на каком-то приеме или вроде того. Мы только что вышли из мужского туалета, где все пробовали новый наркотик Дариуса.

Мое Лицо тусовалось перед камерами с моими родителями. Старики обожают мое Лицо. Это сын, о котором они мечтали. Мимо прошел кто-то с подносом, и Лицо **Геро** взяло бокал шампанского. Она стояла возле буфетного стола. Другого буфетного стола — для Лиц, и Стариков, и знаменитостей, и журналистов, и прочего отребья, и прихлебателей.

Моя дорогая. Моя труженица. Лицо моей сестры. Я пытался привлечь ее внимание, по-клоунски выделяясь в своих латексных легинсах, но я был для нее невидим. Каждый жест, каждое слово существовали только для них, для него. Для камер. Для моего Лица. А я? Пылинка. Даже не клякса — пустое место.

Она сказала, что мы больше не можем встречаться. Сказала, что боится, что ее поймают на нарушении контракта. Как будто такого никогда не случалось. Да постоянно! Возьмем, к примеру, мистера Амандита. Отца **Преети** и **Ниши**. Он бросил жену. Он бросил ее ради Лица **Либерти**. Лица лучшей подружки своих дочерей. По-моему, они сейчас в Исландии, мистер Амандит и девушка-никто, которая раньше была Лицом.

Ну или вот, скажем, **Стиви**. Все знают, что она влюблена в собственное Лицо. На это неловко смотреть.

В любом случае, про нас никто не знал. Я всегда был осторожен. Даже если бы **Геро** сунула свой нос в это дело, что бы она сказала? Что бы она сделала?

— Я люблю тебя, потому что ты — это ты **□**, — сказала **Либерти**. — Ты единственный из всех знакомых мне людей, кто симпатичнее собственного Лица.

Я держал в руке шпажку с кусочками дывленка. И едва не воткнул ее в руку **Либерти**, прежде чем понял, что делаю. Рот у меня был забит наполовину переже-

ванным цыпленком. Я выплюнул его, целясь в Либерти. Он попал ей на щеку.

— Какого хрена, [] ! — воскликнула [Либерти].

Кусок курицы шлепнулся на пол. Все тарасились на нас. Никто не фотографировал. Меня не существовало. Никто не сделал ничего дурного.

Во всем прочем мы тогда неплохо провели время. Даже [Либерти] так считает. В тот раз мы все пришли в прикидах, которые я нашел в Интернете. Красный винил, куча острых элементов, цепи и кожа, искусственные члены и гильфики, вампирские зубы и пластинированные внутренности. У меня на плечах подрагивали, словно эполеты, очень симпатичные латексные сиськи, расписанные вручную. А в моей высокой прическе сидел не очень хорошо усыпленный крылан. Так как она могла не смотреть на меня?

Современные дети, вздыхают Старики. Что делаешь?

Может быть, я проведу здесь какое-то время. Постараюсь взглянуть на это с их точки зрения. Глазами Стариков.

Ты — Старик. И вот ты думаешь: разве не проще было бы жить, если бы твои дети поступали только так, как им велят? Как твои подчиненные... Ну хотя бы когда ты на публике с семьей? Старики богаты. Они привыкли, что все делают так, как они им велят.

Когда ты так богат, как Старики, ты не что иное, как свой собственный бренд. Так им всегда говорят их люди. Ваши дети — продолжение вашего бренда. Они могут поднять ваш Q-рейтинг, а могут и испортить его. В ос-

новном они его портят. Поэтому нам, детям, имплантируют аппарат, который делает нас невидимыми для камер. Антураж.

Есть также Лицо. Это никто, настоящий человек, который приходит и занимает твое место за столом. Лица получают образование, самое лучшее здравоохранение, зарплату, красивую одежду и все те же игрушки, что получаешь ты. Они получают твоих родителей, когда команда Стариков решает, что в этом есть необходимость или возможность. Если выходишь в Интернет или включаешь телевизор, они там, притворяются тобой. Они играют тебя лучше, чем ты сам когда-либо сможешь это сделать. Когда смотришь на себя в зеркало, нужно быть осторожным, а не то почувствуешь себя не в своей тарелке. Неужели это и вправду ты?

У большинства политиков тоже есть Лица. Из соображений безопасности. Потому что не должно быть важно, как тот или иной человек выглядит либо насколько хорошо у него получается произносить речь, но на самом деле это, конечно же, важно. Различие в том, что политики заводят себе Лица добровольно. У них есть выбор.

Старики любят говорить: все это потому, что мы дети. Мы поймем, когда повзрослеем, когда войдем во взрослую жизнь без единого пятнышка, без онлайн-улик, свидетельствующих о наших ошибках, о наших опрометчивых поступках. Никаких секс-видео. Никаких компрометирующих фотографий, на которых мы запечатлены в нацистской форме или топлес в Ницце. Никаких записей до хирургической коррекции носа или груди, до того как пройдут прыщи.

Старики отправляют нас в хорошие колледжи, а потом мир резко меняется. Лица уходят на покой. Нам отпущено всего несколько лет на то, чтобы совершить

собственные ошибки в открытую, а затем мы успокаиваемся и получаем свои миллионы или миллиарды и тому подобное. Мы наследуем землю, как говорится в том выражении. Богатые унаследуют землю.

Мы женимся, наши деньги сливаются с другими деньгами, улучшаем наш Q-рейтинг, становимся Стариками, заводим детей — и можете руку дать на отсечение: у наших детей тоже будут Лица, как были у нас.

В отличие от девчонок меня никогда не привлекала вся эта египетская фигня. Мне всегда больше нравились скандинавские боги. Ну вы знаете. Локи. Убийство Бальдра. Рагнарёк.

Никто из парней не пришел на вечеринку Юмико. Пришли только их Лица. Все парни около недели назад свалили на Луну. Они там всю неделю отрываются. Космические путешествия меня тоже никогда не привлекали. Существует множество способов повеселиться, не покидая планету.

Достать то, что я искал, было не сложно. Дариус не мог мне помочь, но он знал парня, который знал другого парня, который точно знал, что я имею в виду. Мы встретились в Лас-Вегасе. Почему бы и нет? Вместе посмотрели шоу, а потом зашли в Интернет и посмотрели видео, снятое в его лаборатории. Он сказал, это где-то в Молдавии. Сказал, его зовут Николай.

Я показал ему свое видео. То, которое снял для вечеринки по поводу освящения пирамиды Юмико.

Мы оба были сильно пьяны. Я принял блокатор Дариуса, и Николая это заинтересовало. Я объяснил ему про Антураж, как нужно его обманывать, если хочешь повеселиться. Он проявил сочувствие.

Видео ему очень понравилось.

— Это я, — сказал я ему. — Это [] .

— Не может быть, — изумился он. — Ты шутишь. У тебя это устройство, Антураж. Но девчонка... Она очень милая. Очень секси.

— Это моя сестра, — сказал я. — Ей семнадцать.

— Опять шутишь, — сказал Николай. — Но будь это моя сестра, я бы все равно ее трахнул.

— Как ты мог так поступить со мной? — спрашивает

Геро .

— К тебе это не имеет никакого отношения. — Я хлопываю ее по спине, когда она начинает плакать. Не знаю, что она имеет в виду: секс-видео или нечто другое.

— Плохо уже то, что ты с ней переспал, — рыдая, говорит она. — Ведь это практически инцест. Но я видела запись. — Значит, все-таки речь о видео. — Ту, что ты дал [Юмико] . Ту, что она собирается залить в Интернет. Разве ты не понимаешь? Она — это я. Он — это ты. Это мы на той записи, это мы занимаемся сексом.

— Египтян это вполне устраивало, — говорю я, пытаясь ее успокоить. — К тому же это не мы. Помнишь? Они — не мы.

Я пытаюсь вспомнить, как все было, когда мы были только вдвоем. Старики говорят, мы спали в одной колыбели. Я был младенцем, и она ко мне забиралась. [Геро] плакала, когда я падал... [Геро] всегда плачет.

— Откуда ты узнала, что я задумал?

— Ой, [], я тебя умоляю, — говорит [Геро] . — Я всегда вижу, когда ты готов слететь с катушек. В такие моменты всюду ходишь с такой улыбочкой на лице, как будто весь мир тебе отсасывает. К тому же Дариус рассказал мне, что ты спрашивал о каком-то очень сильном

дерьме. Знаешь, я ему нравлюсь. Я нравлюсь ему гораздо больше, чем ты.

— Он один такой, — говорю я.

— Да пошел ты! — говорит Геро. — В общем, не у тебя одного планы на сегодняшнюю ночь. Меня достало это место. Меня достали эти люди.

На каменной полке стоят, выстроившись в ряд, воинственные шабти. Наши друзья. Люди, которые хотели бы быть нашими друзьями. Рок-звезды, с которыми тусовались Старики, кинозвезды. Арабские принцы, которые любят толстых, мрачных, богатых девочек. Она берет фигурку принца — и разбивает ее о стену.

— К черту Вивьен и всех ее единорогов, — говорит Геро.

Она берет другую шабти.

— К черту Юмико.

Я забираю у нее Юмико.

— Я с ней спал, — говорю я. — Ставлю ей три балла из пяти. За энтузиазм. — Роняю шабти на пол.

— Какой же ты мерзкий тип, [], — говорит Геро. — Ты когда-нибудь влюблялся? Хоть раз?

Она выуживает информацию. Она знает. Конечно, она знает.

Почему ты с ним спала? Ты в него влюблена. Он — это я. Почему я — не он? Да идите вы оба.

— К черту наших родителей, — говорю я. Беру масляную лампу и кидаю ее в шабти на полке.

Комната на мгновение озаряется ярким светом, и снова становится темно.

— Смешно, — говорит Геро. — Когда-то мы все делали вместе. А потом перестали. А прямо сейчас — странно. Ты планируешь сделать то, что собираешься сделать. И я — то, что запланировала. Как будто мы снова читаем мысли друг друга.

Она затихает, словно боится, что я буду над ней смеяться.

Я жду. Рано или поздно она расскажет мне то, что должна рассказать, и тогда я отдам ей маленький металлический контейнер, который дал мне Николай, и она отперет дверь в погребальную камеру. Затем мы вернемся в мир, и это видео не станет концом света. Это будет просто что-то, о чем люди будут говорить. Что-то, что сведет Стариков с ума.

— Я собиралась покончить с собой, — говорит Геро. — Понимаешь, здесь. Я собиралась прийти сюда после фейерверков, а потом решила, что не хочу делать это в одиночестве.

Это так похоже на Геро. Начинает купаться в жалости к себе, потом вдруг понимает, что забыла разослать приглашения на это мероприятие.

— А потом я узнала, что ты задумал, — говорит Геро. — Я подумала, что должна тебя остановить. Тогда мне не придется быть одной. И я, наконец, буду соответствовать своему героическому имени. Я всех спасу. Даже если они никогда об этом не узнают.

— Ты собиралась покончить с собой? — переспрашиваю я. — Что, серьезно? Типа из пистолета?

— Типа вот так, — говорит Геро.

Она что-то вытаскивает из украшенной драгоценными камнями шкатулки, прикрепленной к ее поясу. Это маленькое, свернувшееся кольцом существо, похожее на эмалированное звено цепи, черное с бронзой. Оно разворачивается у нее на ладони и превращается в маленькую змею.

Алисия первая получила Лицо. Я получил свое, когда мне было восемь. Я толком не знал, что происходит. Меня познакомили со всеми этими мальчиками моего

возраста, а потом Старики сели и поговорили со мной. Они объяснили, в чем дело, сказали, что я могу выбрать мальчика сам. Я выбрал того, который выглядел приятнее всех, того, который выглядел так, словно с ним может быть весело. Вот каким идиотом я тогда был.

Геро не могла выбрать, поэтому я сделал это за нее. Выбери ее, сказал я. Вот какая странная жизнь.

Юмико сказала, что уже все обсудила со своим Лицом. (Мы общаемся со своими Лицами как можно меньше, хотя иногда спим с Лицами друг друга. Запретный плод всегда привлекательнее. Может, поэтому я так поступил? Не знаю. Откуда мне знать?) **Юмико** сказала, ее Лицо согласилось подписать новый контракт, когда **Юмико** исполнится восемнадцать. Она не понимает, с чего бы ей отказываться от Лица.

Ниши — младшая сестра **Преети**. На участке, где строится пирамида **Ниши**, прошлым летом еще только раскопали землю. Руководители высшего звена из компании ее отца заложили первые камни. Упражнение по тим-билдингу. Обычно этим занимаются заключенные из колонии строгого режима «Пеликан-Бе», осужденные на пожизненный срок. На начальной стадии работ все они по большей части выглядят одинаково — что заключенные, что менеджеры. Это тяжелая работа. Нам нравится приходить туда и наблюдать за ними.

То и дело к нам подходят археолог-консультант или архитектор и затевают какие-нибудь разговоры. Они думают, нас интересует контекст.

Они говорят о вещах из могил, о том, как однажды будущие археологи узнают, какой была жизнь в наше

время, потому что какие-то богатые девчонки решили, что хотят построить собственные пирамиды.

Нам это кажется смешным.

Они любят жаловаться по поводу климата. Видимо, он не идеален.

— Конечно, через пару сотен лет тут, может быть, ничего и не останется. Если принимать в расчет геологические события. Землетрясения. Геополитическую картину. А еще ведь расхитители гробниц...

Они все говорят и говорят о том, какими хитрыми бывают расхитители гробниц.

Мы устраиваем так, чтобы они напились. Заводим разговор о проклятиях мумий, просто чтобы посмотреть, как они будут нервничать. Мы спрашиваем их, не волнуются ли они о Стариках. Мы спрашиваем о том, что случилось с теми, кто строил пирамиды в Египте. Разве они не исчезали неожиданно для всех? Чтобы хозяева гробниц были уверены, что никто не узнает, где похоронены сокровища... Мы рассказываем, что у нас была пара друзей среди консультантов, которые работали над пирамидой [Алисии]. Говорим, что уже давненько их никто не видел, с тех самых пор, как закончилось строительство пирамиды.

Они были на незаконченной внешней стене пирамиды [Ниши]. Наверное, они были там всю ночь. Разговаривали. Занимались любовью. Строили планы.

Они меня не видели. Ведь я же невидимый. У меня при себе был телефон. Я снимал их, пока на телефоне не закончилась память. По лугу возле пирамиды бродил единорог. У пирамиды [Алисии]. Две невозможные вещи. Три вещи, которых не должно быть. Четыре.

Вот тогда-то я и отказался от идеи стать новым человеком, от бега, от листовой капусты, от всей этой чепухи. Вот тогда-то я и отказался от идеи стать новым собой. Кое-кто уже выполнял за меня эту работу. И у него уже было то единственное, чего я хотел.

— Скажи мне шифр.

Я повторяю это снова и снова. Я не знаю, сколько прошло времени. Рука [Геро] стала черной с зеленцой и раздулась, как праздничный воздушный шарик. Я пытался высосать яд. Может, это помогло. Может, я не сразу до этого додумался. Губы немного покалывает. Они слегка онемели.

— []? — говорит [Геро]. — Я не хочу умирать.

— Ты не умрешь, — говорю я. — Скажи мне шифр. Дай мне тебя спасти.

— Я не хочу, чтобы они погибли, — говорит [Геро]. — Если я дам тебе шифр, ты это сделаешь. А я умру здесь совсем одна.

— Да не умрешь ты, — говорю я. Глажу ее по щеке. — Я не собираюсь никого убивать.

Через некоторое время она говорит:

— О'кей.

И сообщает мне шифр. Может, эта последовательность цифр имеет для нее какое-либо значение. Но скорее всего, это случайные числа. Я уже говорил — она умнее меня.

Я повторяю шифр вслух, и она кивает. Я накрыл ее шалью, потому что она так холодна. Кладу ее голову на подушку, откидываю назад ее волосы.

Она говорит:

— Ты любил ее больше, чем меня. Это несправедливо. Меня никто никогда не любил больше всех.

— С чего ты взяла, что я ее любил? — говорю я. — Думаешь, все дело в любви? Правда, **Геро**? Просто я опять фигней страдал. А ты всех спасла.

Она закрывает глаза. Улыбается ужасной, бессмысленной улыбкой.

Я подхожу к двери и ввожу шифр.

Дверь не открывается. Пробую еще раз, но она все равно не открывается.

— **Геро**! Скажи мне шифр еще раз!

Она ничего не говорит. Я подхожу и легонько встряхиваю ее.

— Скажи мне шифр еще раз. Давай же. Еще раз.

Ее глаза по-прежнему закрыты. Рот открывается. Вываливается язык.

— **Геро**...

Я щиплю ее за руку. Снова и снова повторяю ее имя. Потом я схожу с ума. Устраиваю кругом страшный бардак. Хорошо, что **Геро** этого не видит.

Сейчас уже прошло некоторое время, и **Геро** все еще мертва, а я все еще в ловушке в обществе мертвой героини, и мертвого кота, и кучки разбитых шабти. Еды у меня нет. Хорошей музыки тоже. Только маленький флакончик какой-то гадости, приготовленной моим добрым другом Николаем, коллекция джинсов четвертого размера покруче, чем в универмаге, и бутылка с остатками очень дорогого шампанского.

Египтяне верили, что каждую ночь душа человека, погребенного в пирамиде, выходит в мир через фальшивые двери. Ба. Душу-Ба нельзя заточить в маленькой темной комнатке на дне глубокой шахты, скрытой под какой-то кучей камней. Может, однажды ночью и я вылечу. Какая-то часть меня. Самая лучшая часть. Та часть меня, что была хо-

рошей. Я пробую разные комбинации, но я не знаю, сколько цифр использовала [Геро]. Это сизифов труд. Ну хоть есть чем заняться. У меня почти не осталось масла, чтобы зажечь лампы. Целые лампы. Большую часть их я разбил.

Из-под двери просачивается кое-какой воздух, но его мало. Здесь плохо пахнет. Я завернул Геро в шаль и спрятал ее в гардеробе. Она там с [Нудлсом]. Я положил [Нудлса] ей в руки. То и дело я засыпаю, а проснувшись, понимаю, что не знаю, какие цифры я уже набирал, а какие — нет.

Старики, наверное, гадают, что произошло. Они решат, что это имеет какое-то отношение к видео. Их люди будут пытаться сгладить негативные последствия. Интересно, что будет с моим Лицом. Что будет с ней. Может быть, однажды ночью я вылечу. Моя душа-Ба полетит прямиком к ней, словно птица.

Однажды кто-то откроет дверь, которую не могу открыть я. Я буду жив или нет. Я могу открыть флакончик, а могу оставить его закрытым. Что бы вы сделали? Я говорю об этом с [Геро], здесь, во мраке. Иногда я принимаю одно решение, иногда другое.

Умирать от жажды тяжело.

Я не очень хочу пить собственную мочу.

Если я открою флакончик, то умру быстрее. Это будет мое проклятие тому, кто откроет гробницу. Почему ты должен жить дальше, когда мы с ней мертвы? Когда никто не помнит наших имен?

[Геро].

Тара .

Я не хочу, чтобы ты узнал мое имя. На самом деле это было его имя.

История происхождения

— Дороти Гейл, — произнесла она.

— Ну, наверное, — сказал он враждебным тоном. Может, он сожалел, что первым не додумался до этого. А может, он не думал, что возвращение домой — такой уж геройский поступок.

Они сидели на склоне горы. Когда-то давно в небе над их головами, над Дорогой из желтого кирпича, медленно проплывали воздушные шары, в литых пластмассовых корзинах которых сидели посетители парка аттракционов «Страна Оз». Кое-какие опорные столбы покосились и прислонились к тощим, маленьким, предприимчивым соснам. Теперь, когда их работа закончилась, в этих столбах было нечто величественное. Падшие великаны. Потрескавшиеся желтые кирпичи заросли изъеденным насекомыми синим папоротником.

Домик дяди и тети Дороти Гейл был хитро спланирован. Поднявшись по тропе, вы заходили в прихожую и осматривались. Вас проводили через кухню. В кухонных шкафчиках стояла посуда. В вазе — маргаритки. На стенах — картины. Следуйте за своей Дороти в подвал вместе с остальными членами группы, посмотрите, как торнадо из фильма кружится по темной, грязной стене, а когда все потопают наверх по другим, но точно таким же с виду ступеням и заходят в другую, но такую же подвальную дверь, перед ними открывается тот же дом, те же комнаты, но накренившиеся из-за торнадо. Пол в

гостиной теперь под косым углом, а когда выходишь через (заднюю) переднюю дверь, из-под дома торчит пара гипсовых ног в чулках. Пара рубиновых башмачков. Дорога из желтого кирпича. Ты уже больше не в Северной Каролине.

Теперь весь дом лежал в руинах. Ни одна из картин не висела ровно. По стенам ползали саламандры, а в раковине на кухне рос ядовитый плющ. В подвале — грибы и старый матрас, который кто-то стащил вниз по лестнице. Хотелось верить, что Дороти Гейл переехала.

Было четыре часа утра, и они оба были слегка пьяны. Ее звали Баннатин Паудерфингер. Его она называла Бисквит.

Она сказала:

— Да брось, конечно же, это так. Рубиновые башмачки — это типа ее суперсила. Эта история — о том, как все это время она была супергероиней, только сама этого не знала. И она прибывает в Страну Оз из другого мира. Как Супермен, только наоборот. И у нее много помощников.

Она представила, как они рука об руку скачут по дороге. Борются со злом. Бросают на него дома, выливают ведра воды. Поют глупые песенки и не заботятся, слушают их или нет.

Он фыркнул. Она отлично знала, о чем он думает. Помощники нужны людям, которым лень написать объявление о поиске сексуального партнера.

— Волшебник Страны Оз. У него даже есть тайная личность. И он хочет, чтобы все было зеленое, все его вещи — как у Зеленого Фонаря.

Замечание по поводу зеленого было справедливым, но оно настолько не имело никакого отношения к ее мысли, что она едва сдерживалась. Волшебник Страны Оз был мошенником. Она сказала:

— Но он не великий и ужасный. Он только притворяется великим и ужасным. Злая Ведьма Запада куда более великая и ужасная. У нее есть летучие обезьяны. Она словно безумный ученый. У нее даже есть тайное уязвимое место. Вода для нее, как криптонит.

Она всегда думала, что актриса Маргарет Гамильтон — чертовски сексуальная. То, как она ехала на велосипеде, а ветер поднимал ее и уносил, будто невидимый любовник; этот забавный, насмешливый, пронзительный музыкальный фрагмент, появляющийся из ниоткуда. Этот нос.

Обернувшись, она увидела, что он снова нацепил свой дурацкий костюм задом наперед. Как часто такое случалось? У нее в нижнем белье обнаружился муравей. Она решила считать это эротичным, а потом подумала: а вдруг это клещ? Но нет, это был муравей.

— Маргарет Гамильтон, детка, — сказала она. — Я бы с ней переспала.

Он, конечно, смотрел, как она дергалась. В данный момент он был слишком пьян, чтобы что-либо сделать. Ее это устраивало. Сама она была слишком пьяна, чтобы чувствовать неловкость оттого, что у нее в трусах муравьи. Прямо как в той песне Эллы Фицджеральд. *Finis, finis**.

Этот болван, ее старый приятель, сказал:

— Я б на это посмотрел. Но она превращается в большую лужу, если ей в лицо что-нибудь выплеснуть. Это плохо. Когда идет дождь, она что, скажет: ой-ой, извините, сегодня я не могу бороться с преступностью? Кстати, тут интересный сексуальный подтекст. Очень лесбийский. Девушка встречает противницу, делает так, чтобы та намокла и растаяла. При этом она еще и верещит, словно у нее оргазм.

* Конец (англ.).

Как он мог так говорить, будучи пьяным? Она нашла на себе еще муравьев. Она что, лежала на муравейнике, пока они этим занимались? Бедные муравьи. Бедная Баннатин. Она встала, сняла платье и нижнее белье — хватит с нее дурацких прикидов — и тщательно вытрясла их. Задирайте свои маленькие ножки и убирайтесь, чертовы муравьи! Она сделала вид, что вбивает в него немного здравого смысла. А может, она хотела вытрясти немного здравого смысла из него. Кто знает? Она не знала.

Она сказала:

— Маргарет Гамильтон не стала бы бороться с преступностью, милый. Она бы захватила мир. Ей просто нужен гидрокостюм. Сексуальный гидрокостюм.

Она снова оделась. Может, вот что ей нужно. Гидрокостюм. Он бы защитил ее от таяния. Алкоголь совсем не помогал. Как его называли? Социальная смазка. И он помогал ей меньше волноваться. Как анестезия. Потом, когда он снова уедет из города, это поможет ей держаться. Как суперклей.

Под рукой не было ведра с водой. Она могла выплеснуть на него остаток пива, но тогда бы он только посмотрел на нее и сказал: зачем ты это сделала, Баннатин? Его бы это обидело. Увалень.

— Почему ты на меня так смотришь, Баннатин? — спросил он.

— Вот. Выпей еще, — сказала она, протягивая ему пивную банку. Да, она сидела на муравейнике. Это точно был муравейник. Крошечные муравьи-супергерои высыпали, чтобы защитить свой муравейник и прогнать огромный, злой, хотя и бесконечно желанный рок в виде задницы Баннатин. — От этого у тебя на груди вырастут волосы, а потом снова выпадут.

— Тебе понравился парад?

Каждый год одно и то же. Шарик, устремляющийся вверх с такой скоростью, словно им не терпится вырваться из города, толпа людей с лицами, похожими на пудинг, на пикапах, а на тротуарах — девочки-подростки с плакатами. **МЫ ТЕБЯ ЛЮБИМ. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ БОЛЬШЕ ВСЕХ. Я ХОЧУ ОТ ТЕБЯ СУПЕРДЕТЕЙ.** Девочки-подростки без лифчиков. Бедные маленькие шлюшки. Увлень всего этого никогда даже не замечал, а если замечал — тем хуже было для них. Она могла бы такого им порассказать.

— Ага, — сказал он. — Было здорово. Лучший парад всех времен.

Любой другой человек решил бы, что он говорит совершенно искренне. Никто не знал его так, как знала она. Он выглядел таким милым и обходительным, но даже когда пытался быть нежным, все равно оставлял синяки.

Она сказала:

— Мне понравилось, когда они стихи читали. «Парень большущий, подпрыгнул легко, / В небо взвился высоко-высоко».

— Ага. Так чья это была идея?

Она сказала:

— Парад спонсировала «Дейли Катастрофи». Миссис Дули из старшей школы заставила всех своих учеников написать стихи. Я сохранила один экземпляр. Подумала, ты захочешь его для коллекции.

— Самое лучшее в спасении мира — это стихи. Вот зачем я это делаю.

Он бросал камни в сову, которая почему-то сидела на ветке дерева. Наверное, больная. Обычно совы так не делают. Камень сбил немного листьев. Бум! Оторвал немного коры. Паф! Сова продолжала сидеть на месте.

Она сказала:

— Не будь козлом.

— Извини.

Она сказала:

— Выглядишь усталым.

— Ага.

— Все еще плохо спишь?

— Так себе.

— Красная Шапочка.

— Никоим образом. — Его голос звучал пренебрежительно. *Вот еще*, Баннатин, глупая коза. — Конечно, у нее есть костюм, но ее же съедают. У нее нет никаких сверхспособностей. Пирожки не в счет.

— Спящая Красавица? — Она подумала о девушке, которая сто лет проспала в старой заплесневелой башне. По ней ползали муравьи. Шныряли мыши. Губы какого-то парня. У этой девицы, наверное, был самый ужасный в мире запах изо рта. Даже удивительно, что ее кто-то поцеловал. И вообще — целовать людей, пока они спят? Баннатин этого не одобряла. — Или она не считается, потому что какому-то парню пришлось прийти и спасти ее?

У него отсутствующий взгляд. Как будто он думает о ком-то, о какой-то девушке, за которой он наблюдал, пока та спала. Она знала, что он спит со многими. С благодарными женщинами, спасенными от злодеев или неприятных парней на свиданиях вслепую. С моделями, и кинозвездами, и транспортными служащими, и, наверное, с акробатками. Она читала об этом в таблоидах. А может, он думал о возможности проспать сто лет? Даже когда они были детьми, он был слишком беспокойным и не мог

проспать всю ночь. Всегда приходил к ее дому и бросал ей в окно камешки. Его лицо возле ее окна. Проснись, Баннатин. Проснись. Идем бороться с преступностью.

— Ее суперсила, — сказал он, — заключается в способности проспать что угодно. История происхождения: она трагически прокалывает палец иглой прялки. Что за приколы с этими сказками и детскими книжками, Баннатин? У Рапунцель, например, куча волос, которые она может превратить в волосатую лестницу. Не очень круто. Кто там еще? Девушка в сказке про Румпельштильцхена. Она прядет из соломы золото.

Баннатин скучала по этим разговорам, когда его не было. Больше никто в городе так не разговаривал. Мутанты были милые, но они больше увлекались музыкой. Они вообще мало разговаривали. Это совсем не так, как говорить с ним. У него на все находился ответ, остроты, какое-нибудь двусмысленное замечание, какая-нибудь эффектная, пошловатая фразочка, которая сместила ее и на которую она каждый раз не могла не купиться. Наверное, причиной всему были все эти остроумные разговорчики во время крупных сражений. Сама она бы наверняка запуталась. Болтала бы, когда надо было ПАФ! И ПАФ! — когда надо было болтать.

— Ты перепутал, — сказала она. — Это Румпельштильцхен прядет из соломы золото. Она просто использует бедного фрика, а потом нанимает кого-то, чтобы тот за ним шпионил и вызнал его имя.

— Клево.

Она сказала:

— Ничего не клево. Она жульничает.

— Ну и что? Она что, должна была отдать своего ребенка какому-то карлику, который умеет прясть золото?

— А почему бы и нет? Я хочу сказать, что она вряд ли оказалась лучшей родительницей на свете. Ее ребенок, когда вырос, ничем не прославился. Про этого ребенка нет никаких сказок.

— Твоя мама.

— Что? — не поняла она.

— Твоя мама! Ну же, Баннатин. Она была супергероиней.

— Моя мама? Ха-ха.

Он сказал:

— Я не шучу. Я думаю об этом уже несколько лет. Работа официантки? Это просто прикрытие.

Она скривилась, потом стерла гримасу с лица. Так она и думала: он неровно дышал к ее матери.

— Ну и какая у нее сверхспособность?

Он погрыз ноготь своими большими квадратными зубами.

— Не знаю. Я не знаю ее тайную личность. Это тайна, так что не вздумай выпрашивать. Даже у заклятых врагов это считается дурным тоном. Но я как-то был в ресторане — мы тогда еще учились в школе, — и видел, как она несла одновременно восемь тарелок. В одной из них, кажется, был суп. По три на каждой руке, одна между зубами и одна на голове. Потому что кто-то в ресторане поспорил, что она не сможет это сделать.

— Да, я это помню. Она все уронила. И сломала себе зуб.

— Только потому, что этот моральный урод Роберт Поттер поставил ей подножку, — заметил он.

— Это была случайность.

Он взял ее за руку. Он что, теперь собирался грызть ее ноготь? Нет, он рассматривал ладонь. Как будто собирался гадать по ней или что-то подобное. Узнать судьбу

официантки несложно. Ты проведешь остаток жизни, опуская руки в горячую воду. Он тихо сказал:

— Ничего подобного. Я все видел. Он знал, что делает.

Ее смутило то, какой маленькой казалась ее рука по сравнению с его. Как будто он вырос, а ей расти было лень. Она еще помнила то время, когда была выше его ростом.

— Правда?

— Правда. Роберт Поттер — заклятый враг твоей матери.

Она вырвала у него свою руку. Сунула ему пиво.

— Прекрати насмехаться над моей мамой. Нет у нее никаких заклятых врагов. И почему это всегда звучит, как какой-нибудь диагноз? Роберт Поттер — просто моральный урод.

— Однажды Поттер сказал, что заплатит мне десять долларов, если я принесу ему мамины трусики. Мы с мамой тогда не ладили. Мне было лет четырнадцать. Мы стояли в магазине, и она почему-то меня ударила. Наверное, поэтому он решил, что я соглашусь. Все видели, как она меня ударила. Я думаю, из-за того, что я сказала ей, что в «Воздушном рисе» полно сахара и ей пора прекратить травить меня. Вот он потом и подошел ко мне на парковке.

От пива всегда слишком много болтаешь. Надо добавить это в список. Это ей в пиве нравилось меньше всего. Еще не хватало, чтобы она начала реветь из-за какой-нибудь глупости или умолять его остаться.

Он улыбался.

— И ты это сделала?

— Нет. Сказала, что сделаю за двадцать баксов. Он дал мне двадцать баксов, и я просто оставила их себе. Он же все равно никому не мог об этом рассказать.

— Круто.

— Ага. Потом я заставила его дать мне еще двадцать долларов. Сказала, что если не даст, я все расскажу маме.

Хотя это, конечно, тоже была еще не полная история. Она не думала, что когда-нибудь расскажет ему все до конца. Тогда у нее накопилось достаточно денег на пиво и немного травки. Она заплатила какому-то парню, чтобы тот купил за нее пиво. В ту ночь она привела сюда Бисквита.

Они занимались этим на матрасе в подвале заброшенной фермы, а потом в театре на убогой маленькой сцене, где девушки в синих платьях и легко воспламеняющихся париках когда-то пели и танцевали чечетку. Повсюду листья. Запах дыма, кто-то выше, на горе, проверял свой перегонный аппарат и, может быть, курил сигарету за сигаретой. Читал девчачьи журналы. Бисквит спрашивал: я не сделал тебе больно? Так хорошо? Хочешь еще пива? Ей хотелось ударить его, чтобы он перестал о ней беспокоиться, а еще — продолжать целовать его. Она всегда так себя чувствовала рядом с Бисквитом. А может быть, это ее обычное состояние и она вообще всегда себя так чувствовала, а Бисквит не имел к этому никакого отношения.

Он спросил:

— Так ты ей когда-нибудь об этом рассказывала?

— Нет. Я боялась, что она бросится на него с молотком и окажется в тюрьме.

Той ночью, когда она вернулась домой, мать смотрела на Баннатин так, словно ей все известно, но она ничего не знала, просто не могла знать. Тем не менее сказала:

— Я знаю, чем ты занималась, Баннатин. Твое тело — храм, а ты обращаешься с ним, как с грязью.

В ответ Баннатин сказала:

— Мне все равно.

Так и было на самом деле.

— Мне всегда нравилась твоя мама.

— Ты ей тоже всегда нравился.

Бисквит нравился ей больше, чем Баннатин. Собственно, им обоим он нравился больше, чем они друг другу. Слава богу, ее мать никогда не спала с Бисквитом. Баннатин представила себе параллельную вселенную, в которой ее мать влюбилась в Бисквита. И они вместе отправились бороться с преступностью. Пригласили Баннатин в свое тайное убежище/любовное гнездышко на День благодарения. Она пришла и разнесла все к чертям. Их пригласили на шоу Опры. Пока они были в студии, какой-нибудь суперзлодей — ладно, хорошо, тот урод, Роберт Поттер — привел в действие свой ужасный, неудержимый, кошмарный план. Он мог спокойно грабить и разрушать ту параллельную вселенную, а потом бросить ее, как недоеденный грейпфрут, и все это — ее вина.

Дело в том, что параллельные вселенные *существуют*. Она представила себе несчастную параллельную Баннатин и послала предупреждение через мистическую завесу, отделяющую вселенные друг от друга. Идти на шоу Опры или спасать мир? Делай то, что должна, детка.

В этой вселенной Бисквит спросил:

— Она сегодня в ресторане?

— У нее выходной, — сказала Баннатин. — Она играет в покер с друзьями. Придет домой, принесет больше денег, чем ей дают чаевых, и будет читать мне лекции о вреде азартных игр.

— Так или иначе, я выдохся, — сказал он. — Меня утомили все эти стишки.

— Так где ты остановился?

Он промолчал. Она терпеть не могла, когда он так делал. Она сказала:

— Дорогой, ты мне не доверишь?

- Помнишь Волана Кроу?
- Кого? Парня из школы?
- Ага. Помнишь его комиксы про супергероев?
- Он рисовал комиксы?
- Он придумал Человека-Манна. Супергероя со всеми способностями Томаса Манна.
- «Домой возврата нет».
- Это другой Томас. Томас Вулф.
- Томас Вулфмен. Волосатый супергерой, который при полной луне теряет дорогу домой.
- Женщина — Томас — Томас — Вирджиния — Вулфмен.
- Теперь с дополнительными сверхспособностями?
- А что с ним случилось?
- Разве он не умер от туберкулеза?
- Да не он! Я про парня.
- Разве у него не обнаружились сверхспособности?
- Ага. Он мог повесить любую картину на любую стену совершенно ровно. Всегда обходился без линейки.
- По-моему, он пытался уничтожить мир.
- Ну да, точно. Он называл себя каким-то странным именем. Быстрый Парень с Тайным Запасом Денег. Что-то вроде этого.

- А у тебя как дела?
- У меня? — переспросила она.
- Ага.
- Присматриваю за этим местом. Платят немного, но работа легкая. У меня была другая работа, но там как-то не сложилось. Местечко возле I-40. У них была сцена, где устраивались шоу. Ничего из ряда вон выходящего. Ну и вот, мы с Кэт — помнишь, как она умела заставить свое тело светиться, — две ночи в неделю зарабатывали

дополнительные деньги. Выключали свет, и она выходила на сцену без одежды и светилась внутренним светом. Было очень красиво. А потом наступала моя очередь, и парни за плату могли подойти и полежать на сцене. Помнишь ту шапку, мою любимую шапку? Ну такую, цвета овса, с помпончиками и вязаными ушами?

— Ага.

— Так вот, там было холодно. Думаю, это делалось для того, чтобы, когда мы выйдем на сцену, у нас были твердые соски. Чтобы мы двигались поактивнее, с большим энтузиазмом. Но я надевала шапку. Я убедила менеджера позволить мне надевать шапку, потому что я не очень хорошо левитирую, когда у меня мерзнут уши.

— Это я подарил тебе ту шапку, — сказал он.

— Она мне очень нравилась. В общем, я надевала шапку и платье — что-нибудь скромное, в стиле «соседская девчонка», — выходила на сцену и зависала где-то в футе над их лицами. Чтобы они видели, что на мне нет нижнего белья.

Он улыбался.

— Спасает мир, снимая нижнее белье, Баннатин?

— Заткнись. Я смотрела вниз и видела, как они неподвижно лежат на сцене, словно я их заморозила. Им нельзя было меня трогать. Они могли только смотреть. Я всегда чувствовала себя так, словно нахожусь в миллионе миль над ними. Будто я птица. *Самолет*. Все, что я должна была сделать, это скрестить ноги, подвигать ими, слегка приподнять подол юбки. Повертеться. Улыбнуться. А они только лежали и тяжело дышали, как будто это они выполняют всю работу. А когда музыка прекращалась, я снова уплывала за кулисы. Но потом Кэт уехала в Атлантик-Сити и стала петь в кабаре. А потом какой-то козел начал распускать руки. Какой-то студент. Схватил

меня за лодыжку, и я долбанула его по голове. Так что теперь я снова работаю в ресторане с мамой.

Он сказал:

— А почему ты никогда не делала этого для меня, Баннатин? — спросил он. — Не левитировала таким образом?

Она пожала плечами.

— С тобой все иначе, — сказала она, как будто так и было. На самом деле ничего подобного. Почему все должно быть иначе?

— Давай же, Баннатин, — сказал он. — Покажи мне, что ты умеешь.

Она встала, ловко покачала бедрами, чтобы трусы соскользнули на землю. Это была часть шоу.

— Закрой на секундочку глаза.

— Ни за что.

— Закрой глаза. Я скажу, когда их открывать.

Он закрыл глаза, она вздохнула и взлетела в воздух. Она могла подняться не более чем на два фута от земли, а потом ее будто хватала невидимая рука, тянула вниз и держала на привязи над землей. Когда-то она из-за этого плакала. Теперь это казалось ей смешным. Трусики повисли в воздухе, зацепившись за большой палец ноги. Она уронила их ему на лицо.

— О'кей, милый. Можешь открыть глаза.

Он открыл глаза. Не обращая на него внимания, она тихо пропела: «Почему, ну почему, ну почему я не могу?» Она придержала подол платья так, чтобы можно было посмотреть вниз через вырез, увидеть землю, увидеть, как он смотрит вверх.

— Черт возьми, Баннатин, — сказал он. — Жаль, у меня нет при себе камеры.

Она подумала обо всех тех девчонках на тротуаре.

— Не трогать, — сказала она и прикоснулась к себе.

Он схватил ее за лодыжку и дернул. С силой дернул ее вниз. Засунул голову и другую руку ей под платье. Схватил ее за грудь, а затем за плечо, чтобы она упала на него. У нее перехватило дыхание. Ее поддерживал его рот, ее колени замерли, едва касаясь земли, она ударилась щекой о его бедро. Это напоминало игру в Твистер, а в его новом костюме было что-то от «Паркер Бразерс». У костюма имелась вставка. Она догадывалась, зачем нужна эта вставка. Для того чтобы он мог сходить в туалет в процессе борьбы с преступностью. Чтобы его не схватили со спущенными штанами. Его беспокойная, беспокойная рука спустилась вниз, расстегивая липучку. Другой рукой он все еще держал ее за лодыжку. Его лицо царапало ее. Бум, паф. Она поджала пальцы на ногах.

Он сказал в ее платье:

— Баннатин, Баннатин.

— Не говори с набитым ртом, Бисквит, — сказала она.

Она сказала:

— Приходил репортер из какой-то желтой газеты, хотел послушать про тебя.

Он сказал:

— Если я когда-нибудь прочту там про нас с тобой, Баннатин, я вернусь, и ты об этом пожалеешь. Я говорю это ради твоего же блага. Сделаешь что-нибудь такое, и они придут за тобой. Они используют тебя против меня.

— А почему ты думаешь, что они ничего не знают? Кем бы они ни были.

— Мне бы уже было известно, — сказал он. — Я этих уроков за милую цену.

Она встала, ей хотелось в туалет.

— В любом случае, я бы ничего такого не сделала, — сказала она.

Баннатин подумала о его родителях, и ей стало нехорошо. Не стоило говорить ему о репортере. Пронырливый мужик. Все таращился на ее сиськи, пока она подавала ему кофе.

Не успела она присесть за деревом, как вдруг увидела двух оленят-годовиков. Они очень старались казаться невидимыми. Просто пятнистые очертания в воздухе. Они смотрели на нее так, словно никогда не видели ничего более безумного. Словно увидели конец света. Когда она встала, олениа убежали.

— Правильно сделали, — сказала она. — Убирайтесь к чертовой матери. Если кому-нибудь расскажете, Бэмби несчастные, надеру вам задницы.

— Ладно, — сказала Баннатин. — В общем, я думала насчет костюмов и тому подобного. О твоём новом прикиде. Я не собиралась тебе ничего говорить, но он сводит меня с ума. Что это за безумные полоски и вышивка?

— Тебе не нравится?

— Мне нравится молния. И башня. И лягушки. Психоделично, Бисквит. Ты не мог бы, уж не сочти за труд, объяснить мне, почему вы все носите такие дурацкие костюмы? Обещаю, что никому не расскажу.

— Они не дурацкие.

— Еще какие дурацкие! Разве не глупо обряжаться в трико? Как будто ты специально выпендриваешься: посмотрите, какой большой у меня член.

— В трико удобно. Оно не ограничивает движений. Его можно стирать в машине. — Он начал говорить что-то еще, затем замолчал. Широко улыбнулся. Сказал поч-

ти с неохотой: — Иногда рассказывают, что какой-нибудь придурок подкладывает себе в трико тряпки.

Она захихикала. От этого у нее началась икота. Он похлопал ее по спине.

Она сказала:

— Ты когда-нибудь забывал постирать кучу своих вещей? Тебе не приходилось бороться с преступностью в тот момент, когда нужно было заняться стиркой?

Он сказал:

— Это лучше, чем костюм с галстуком, Баннатин. Можно раздобыть швейную машинку и поиграть в «Сделай сам», но у кого на это есть время? Все дело в рекламе. Нужно выглядеть ярко и броско. Но не слишком по-дизайнерски. Не так, как если бы костюм тебешили «Найк» или «Адидас». Например, в прошлом году мне понадобился новый костюм. Я поспрашивал и нашел женский кооператив на отдаленном пляже в Коста-Рике. Они сотрудничают с благотворительной организацией здесь, в Штатах. В сорока крупных городах есть точки, куда можно отвезти старые купальники, леотарды и велосипедные шорты, а потом все это отправляется в Коста-Рику. У них есть домик на пляже, который им подарила какая-то крутая рок-звезда. Большая коробка из стекла и бетона. Во время приливов и отливов волны проходят прямо под стеклянным полом. Я ездил туда на персональную примерку. Эти женщины — настоящие художницы, очень талантливые, невероятно креативные. Кстати, все они — незамужние матери. Они приводят детей на работу, и те везде бегают, и все одеты в самые разные, очень крутые супергеройские костюмы. Они принимают заказы от кого угодно. Даже от профессиональных борцов. От злодеев. Главарей преступных группировок, политиков. От хороших парней и плохих. Иногда ты с

кем-нибудь сражаешься, с каким-нибудь натуральным гадом, и когда вам обоим надо перевести дух, ты начинаешь обращать внимание на его костюм, а он смотрит на твой, и вы оба гадаете, уж не в одном ли и том же месте вы заказывали пошив? И ты чувствуешь себя так, словно тебе следует остановиться и сказать что-нибудь приятное о его наряде. Или, к примеру, обсудить с ним, как круто поступают те женщины, поддерживая таким образом свои семьи.

— Мне все равно кажется, что трико выглядит глупо.

Она подумала о тех детях в супергеройских костюмах. Небось вырастут и станут наркодилерами, или горничными, или донорами органов.

— Что? Что ты смеешься?

Он сказал:

— Не могу перестать думать о Роберте Поттере и твоей маме. Он хотел чистые трусики? Или грязные?

Она сказала:

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что двадцати баксов было недостаточно.

— Да он козел!

— Так думаешь, он давно в нее влюблен?

Она сказала:

— Чего?

— Ну типа, может, у них давным-давно был роман.

— Ничего подобного! — От этой мысли ее чуть не вырвало.

— Да я серьезно! А вдруг он твой отец?

— Да пошел ты!

— Перестань. Разве тебе никогда не было интересно?

Я что хочу сказать: он вполне может оказаться твоим отцом. Всегда было понятно, что у него с твоей мамой

какие-то незаконченные дела. И он все время пытается с тобой поговорить.

— Замолчи! Сейчас же!

— А что ты сделаешь, если не замолчу? Задницу мне надерешь? Хотел бы я на это посмотреть. — Судя по тону, ему было весело.

Она обхватила себя руками. Не обращай на него внимания, Баннатин. Подожди, пока он еще выпьет. И тогда надери ему задницу.

— Ладно, брось, — сказал он. — Помню, мы были детьми, и ты дожидалась, пока твоя мама придет домой с работы и заснет. Ты говорила, что приходила к ней в комнату и, пока она спит, задавала ей вопросы. Надеюсь, вдруг во сне она тебе расскажет, кто твой отец.

— Я давно этого не делала. Однажды она проснулась и застучала меня. Она страшно разозлилась. Никогда не видела ее в такой ярости. Об этом я никогда тебе не рассказывала. Было как-то неловко.

Он промолчал.

— В общем, я продолжала умолять ее рассказать мне об отце, и она, в конце концов, выдумала какую-то байку про парня с другой планеты. Какого-то *туриста*. Какого-то туриста с крыльями и все такое. Она сказала, что когда-нибудь он обязательно вернется. Поэтому она никогда ни с кем надолго не сходилась и не вышла замуж. Она все еще ждет его возвращения.

— Не смотри на меня так. Я знаю, что все это враки. Сам подумай: если у него были крылья, почему их нет у меня? Это было бы так круто. Летать. По-настоящему летать. Даже когда я тренировалась каждый день, у меня никогда не получалось оторваться от земли больше чем на два фута. Два долбанных фута. Зачем левитировать на

два фута? Чтобы обслуживать столики. Я иногда леви-тирую, чтобы не было варикозного расширения вен, как у мамы.

— Наверное, если бы ты по-настоящему старалась, ты смогла бы подняться выше.

— Хочешь увидеть, как я стараюсь? На-ка, поддержи. О'кей. Раз, два, три. Вверх, вверх и еще чуть-чуть вверх. Видишь?

Он нахмурился, глядя на деревья. Пытался не засмеяться. Она его знала как облупленного.

— Ну как? Я произвела на тебя впечатление? Или нет?

— Честно? И да и нет. Ты могла бы поработать над своей техникой. Тебя немного шатает. И я не понимаю, почему все твои волосы поднялись вверх и начали кружиться. Ты знаешь, что происходит с твоими волосами?

— Статическое электричество? — сказала она. — Почему ты такой вредный?

— Эй, — сказал он. — Я просто пытаюсь быть честным. Мне просто интересно, почему ты никогда не рассказывала мне все эти вещи про своего отца. Я мог бы порасспрашивать, вдруг его кто-нибудь знает.

— Тебя это не касается, — сказала она. — Но... в любом случае спасибо.

— Я думал, мы с тобой близкие друзья, Баннатин.

Он выглядел обиженным.

— Ближе тебя у меня в целом свете нет друга, — сказала она. — Клянусь.

— Мне нравится это место, — сказал он.

— Да. Мне тоже.

Вот только если оно ему так уж нравилось, почему он никогда не оставался здесь надолго? Он был так занят

спасением мира, что не мог спасти Страну Оз. Ах, эти бедные манчкины. Бедняжка Баннатин. У них почти закончилось пиво.

Он сказал:

— Ну и что они задумали? Застройщики? Что они замышляют?

— Как обычно. Все снести. Построить многоквартирные дома.

— И ты не против?

— Конечно, я против! — воскликнула она.

Он сказал:

— Мне все время кажется, что сейчас это место выглядит каким-то... более настоящим, что ли. То, как оно разваливается на части. То, как исчезает Дорога из желтого кирпича. Возникает чувство, что Страна Оз существовала на самом деле. Знаешь, когда тебя покидают, ты чувствуешь себя более реальным.

Пиво превращало его в Бисквита — короля философии. Очередное интересное воздействие пива. Она выпила еще. Это помогало с философией. Он тоже выпил еще.

Она сказала:

— Иногда здесь можно встретить койотов. И медведей. Мутантов. Однажды я видела снежного человека и двух его маленьких деток.

— Да ладно тебе!

— И много-много оленей. Парни приходят сюда в сезон охоты. Когда я их ловлю, они всегда шутят, что охотятся на манчкинов. По-моему, они идиоты, раз являются сюда с ружьями. Мутанты не любят оружие.

— Кто ж его любит? — сказал он.

— Помнишь «Железную дорогу Твитси»? — спросила она. — Те расшатанные американские горки. Помнишь, как те парни, разодетые, словно индейцы из магазина игрушек, садились в поезд?

Он сказал:

— Помадка. Твоя мама покупала нам помадку. Помнишь, как мы сидели на первом ряду и там была танцовщица? Ну та, у которой торчали волосы из-под нижнего белья. Во время канкана.

Она сказала:

— Я такого не помню!

Он наклонился к ней, поцеловал ее в шею. Люди решат, что на нее напала стая осьминогов. Везде маленькие красные отметины, будто от присосок. Она зевнула.

— Ой, да ладно! — возразил он. — Все ты прекрасно помнишь! Твоя мама расхохоталась и не могла остановиться. Рядом с нами сидел парень, и он все время фотографировал.

Она сказала:

— Как ты все это запомнил? Я все школьные годы вела дневник, и то не помню всего того, что помнишь ты. Например, я помню, как ты неделю со мной не разговаривал из-за того, что я сказала, будто «Атлант расправил плечи» показался мне скучным. Еще помню, как ты рассказал мне, чем заканчивается «Империя наносит ответный удар», прежде чем я посмотрела фильм. «Слышь, прикинь? Дарт Вейдер — отец Люка!» У меня тогда был грипп, и ты пошел в кино без меня.

Он сказал:

— Ты мне не поверила.

— Не в этом дело!

— Ну да. Наверное. Извини.

— Я скучаю по той шапке. С помпончиками. Какой-то алкаш украл ее из моей машины.

— Я куплю тебе другую.

— Не парься. Просто когда я ее надевала, мне лучше леталось.

— Это не совсем полет, — сказал он. — Скорее ты зависаешь в воздухе. Паришь над землей.

— Ну да, а прыжки с шестом делают тебя особенным? Ладно, допустим, делают. Но ты все равно похож на идиота. С этими огромными ногами. В этом костюме. Тебе кто-нибудь когда-нибудь это говорил?

— Что ж ты такая заноза в заднице?

— А почему ты такой вредный? Почему тебе необходимо выигрывать каждую схватку?

— А тебе, Баннатин? Я должен выигрывать. Это моя работа. Все хотят, чтобы я был добродетельным. Но я просто добрый.

— И в чем же разница?

— Добродетельный парень не делает вот так, Баннатин. Или вот так.

— Представь, что ты застряла в квартире. Здание горит. Ты на шестом этаже. Нет, на десятом.

Она все еще чувствовала себя отупевшей после первой демонстрации. Она сказала:

— Эй! Сними меня отсюда! Ну ты, козел! Вернись! Куда ты собрался? Ты что, оставишь меня здесь?

— Держись, Баннатин. Я возвращаюсь. Я спасу тебя. Ну вот. Теперь можешь отпустить.

Она крепко вцепилась в ветку. Вид был так прекрасен, что она не могла этого вынести. Можно было почти не обращать на него внимания, притвориться, что сама сюда поднялась.

Он продолжал подпрыгивать.

— Баннатин. Отпускай.

Он схватил ее за запястье и стащил вниз. Она сделалась как можно тяжелее. Земля помчалась им навстречу, и она извернулась. Изо всех сил. Выпала из его объятий.

— Баннатин!

Она подхватила себя на расстоянии фута от бывшей дороги из желтого кирпича, в которую чуть не врезалась.

— Со мной все в порядке, — сказала она, зависнув над землей. Но все было даже лучше, чем просто в порядке. Отсюда тоже открывался прекрасный вид.

Он выглядел обеспокоенным.

— Господи, Баннатин, прости меня...

У него был такой испуганный вид, что ей захотелось рассмеяться. Она осторожно опустилась на землю. Весь мир был бокалом, а внутри этого бокала плескалось шампанское, а Баннатин, будто искристый пузырек, взлетала все выше, и выше, и выше.

Она сказала:

— Прекрати извиняться, ладно? Было здорово! Выражение у тебя на лице. Вот так зависнуть в воздухе. Давай еще раз, Бисквит! Сделай это еще раз. На этот раз я позволю тебе сделать все, что захочешь.

— Хочешь, чтобы я сделал это еще раз? — спросил он.

Она чувствовала себя маленьким ребенком.

— Давай еще раз! Давай еще раз! — сказала она.

Конечно, не следовало садиться к нему в машину. Но это был всего лишь старый извращенец Поттер, и он был в ее власти. Она объяснила, что он должен дать ей больше денег. А он просто сидел и слушал. Сказал, что надо

поехать в банк. Он провез ее через весь город, припарковался за магазином «Фуд Лайон».

Она не волновалась. Он все еще был в ее власти. Она сказала:

— Что ты хочешь делать, извращенец? Собираешься пошарить по мусорным ящикам?

Он смотрел на нее.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

Она сказала:

— Четырнадцать.

— Сойдет, — сказал он.

— Почему ты уехал после окончания школы? Почему ты всегда уезжаешь?

Он сказал:

— А почему ты порвала со мной в одиннадцатом классе?

— Не отвечай вопросом на вопрос. Никому не нравится, когда ты так делаешь.

— Вот, может быть, поэтому я и уехал. Потому что ты вечно на меня орешь.

— В школе ты не обращал на меня внимания. Как будто ты меня стеснялся. *Увидимся позже, Баннатин. Отстань, Баннатин. Я занят.* Разве ты не считал меня симпатичной? В школе было полно парней, которые считали меня красивой.

— Они все идиоты.

— Ты меня неправильно поняла. Я не то имел в виду. Просто я хотел сказать, что все они и вправду были идиотами. Признайся, ты ведь тоже так думала.

— Давай сменим тему.

— О'кей.

— Дело не в том, что я тебя стыдился, Баннатин. Ты меня отвлекала от дел. Я старался следить за успеваемостью. Пытался чему-нибудь научиться. Помнишь, как однажды мы с тобой вместе делали уроки и ты порвала все мои конспекты и съела их?

— Я так поняла, они до сих пор не нашли того парня. Того психа. Который убил твоих родителей.

— Нет. И никогда не найдут. — Он бросал камни туда, где раньше сидела сова, и сбил с ветки эту жалкую, невидимую, отсутствующую птицу.

— Нет? — спросила она. — Почему?

— Я об этом позаботился. Знаешь, он ведь хотел, чтобы я его нашел. Он просто хотел привлечь мое внимание. Поэтому тебе надо быть осторожной, Баннатин. В мире есть люди, которым я очень не нравлюсь.

— Твой отец был очень милым. Всегда давал двадцать процентов чаевых. Целый доллар, когда заказывал только кофе.

— Да. Я не хочу о нем говорить, Баннатин. Все еще больно. Понимаешь?

— Да. Извини. Как твоя сестра?

— Нормально. Все еще в Чикаго. У них теперь ребенок. Девочка.

— Ага. Я, кажется, слышала. Симпатичная?

— На меня похожа, представляешь? Но она вроде ничего. Нормальная.

— Мы что, сидим на ядовитом плюще?

— Нет. Смотри, там олень. Наблюдает за нами.

— Когда тебе на работу?

— Не раньше шести утра. Только сначала мне нужно забежать домой и принять душ.

— Отлично. А пиво еще осталось?

— Нет, извини, — сказала она. — Надо было принести побольше.

— Ничего. Сейчас принесу. Ты будешь?

— Почему бы тебе не уехать отсюда?

— Зачем мне обслуживать столики в другом месте? Мне нравится здесь. Я здесь выросла. Для ребенка это хорошее место. Мне нравятся все эти деревья. Мне нравятся здешние люди. Мне даже нравится, как туристы очень медленно ездят отсюда до Буна. Мне просто нужно найти новую работу, иначе мы с мамой друг друга убиваем.

— Я думал, вы нормально ладите.

— Ага. Пока я делаю все в точности, как она говорит.

— Я видел ее на параде. С каким-то ребенком.

— Ага. Она присматривает за дочкой подруги из ресторана. Маме это нравится. Она читает ей сказки. Мама терпеть не может диснеевские фильмы, а ребенок только их и хочет. Сейчас они читают «Волшебника Страны Оз». Кстати, я должна взять у тебя автограф. Для мелкой.

— Конечно! Ручка есть?

— Блин! Нету! Ладно, неважно. Может, в другой раз.

Сначала темнело медленно, а потом вдруг все резко погрузилось во мрак. Так было всегда, даже летом, словно дневной свет вдруг осознавал, что ему срочно нужно оказаться в другом месте. Не здесь. Она приезжала сюда по выходным и читала в машине детективные романы. В окна бились мотыльки. То и дело она выходила, чтобы пройтись и поискать детей, попавших в беду. Она знала все места, куда им нравилось ходить. Иногда мутанты

репетировали на бывшей сцене. Они создали музыкальную группу. Они все время спрашивали ее: ты точно не умеешь петь? Она совершенно точно не умела петь. Ничего страшного, всегда отвечали мутанты. Можно просто выть. Кричать. Нам это нравится. Они меняли ее самогон на сигареты. Рассказывали ей длинные, запутанные мутантские анекдоты, сопровождающиеся множеством жестов и имеющие непонятный конец. Ночь была ее любимым временем суток. Ночью она могла вообразить, что это действительно Страна Оз, что, когда солнце больше не сможет оставаться в стороне, когда солнце наконец взойдет, она все еще будет там. В Стране Оз. Не здесь. Стукни каблучками, Баннатин. Нет места лучше летнего дома.

Она сказала:

— Тебе все еще снятся кошмары?

— Ага.

— Про конец света?

— Да, назойливая сучка. Те самые.

— Мир все еще погибает в огне?

— Нет. От наводнения.

— Помнишь тот сериал?

— Какой?

— Ну ты знаешь. «Баффи — истребительница вампиров». Он даже маме нравился.

— Я видел пару серий.

— Я все думаю, что когда тот вампир, Ангел, превращался в злодея, это было сразу понятно, потому что он надевал черные кожаные штаны.

— Ты прямо помешана на том, как люди одеваются. Черт, Баннатин! Это же просто сериал!

— Да, я знаю. Но те черные кожаные штаны, которые он носил, наверное, были его штанами зла. Как штаны для потолстения.

— Чего-чего?

— Штаны для потолстения. Это такие штаны, которые сбросившие вес люди хранят у себя в шкафу. На случай, если снова поправятся.

Он молча смотрел на нее. От выпивки его большое некрасивое лицо покраснело и покрылось пятнами.

Она сказала:

— Я вот о чем. Вампир Ангел хранит у себя в шкафу черные кожаные штаны? На всякий случай. Как штаны для потолстения. У вампиров есть шкаф? Или когда он снова становится хорошим, он отдает свои штаны зла благотворительной организации? Если так, то всякий раз, как он становится злым, ему нужно идти и покупать новые штаны зла.

Он сказал:

— Это всего лишь телевидение, Баннатин.

— Ты все время зеваешь.

Он улыбнулся ей. Типичная улыбка хорошего парня. Сводила с ума женщин всех возрастов.

— Я просто устал, — сказал он.

— Парады иногда бывают очень утомительными.

— Да иди ты!

Она сказала:

— Давай, поспи. Я прослежу, чтобы к тебе не приставали мутанты, заклятые враги и охотники за автографами.

— Ну разве что минуточку-другую. Знаешь, он бы тебе очень понравился.

— Кто?

— Мой нынешний заклятый враг. У него превосходное чувство юмора. На прошлой неделе прислал мне

ящик от пианино, полный котят-альбиносов. Это какой-то проект, над которым он работает. Котята везде написали. Пришлось пристраивать их, подыскивать для них дома. Конечно, сперва нужно было удостовериться, что это на самом деле не миниатюрные бомбы, что они не одержимы дьяволом и не запрограммированы на гипноз детей своими красными кошачьими глазками, не будут нагонять на них дурные сны. Это был бы настоящий пиар-кошмар.

— Ну и что с ним не так? Почему он хочет уничтожить мир?

— Он не говорит. Не думаю, что он действительно этого хочет. Он все время проделывает разные сумасшедшие трюки, как с котятами. Например, однажды он построил автомат, который все превращал в томатный сок. Причем, как говорит один из его бывших сподвижников, он терпеть не может томатный сок. Если когда-нибудь он похитит тебя, Баннатин, ни в коем случае не соглашайся играть с ним в шахматы. Постарайся вообще не говорить с ним о шахматах. Он из тех парней, которые считают, что все великие преступники должны хорошо играть в шахматы, но у него это ужасно получается. Он впадает в депрессию.

— Постараюсь запомнить. Тебе удобно? Положи голову сюда. Не холодно? Этот твой прикид не выглядит очень теплым. Хочешь, дам тебе свою куртку?

— Кончай суетиться, Баннатин. Я не слишком тяжелый?

— Спи, Бисквит.

У него была такая тяжелая голова, что она не могла понять, как он целыми днями таскает ее на своей шее. Он не спал. Она слышала, как он думает.

Он сказал:

— Знаешь, когда-нибудь я совершу ошибку. Когда-нибудь я ошибусь и не спасу мир.

— Да, я знаю. Большое наводнение. Этого ничего. Ты только о себе позаботься, ладно? А я позабочусь о себе, и мир тоже сам о себе позаботится.

Она чувствовала что-то влажное на ноге. Фу, гадость. Это была его слюна. Он сказал:

— Ты мне снишься, Баннатин. Мне снится, что ты тоже тонешь. И я ничего не могу с этим поделать. Я не могу тебя спасти.

— Тебе не нужно спасать меня, детка. Ты не забыл, что я умею левитировать? Пускай все превращается в воду. Просто станет водой. Или пивом. Или томатным соком. Пускай Страна Оз затонет. Озлантида. Маленькие счастливые русалочки-мутанты по имени Дороти. Пускай все эти горные домики и многоквартирки для лыжников потонут — вместе с оленями, и кирпичами, и школьницами, и теми, кто никогда не дает на чай. Знаешь, мир не такое уж распрекрасное место. Бисквит? Может, мир вовсе не нужно спасать. Так что перестань дергаться. Я полечу. Я — мыло «Айвори». Даже пальцы на ногах не намочу, пока ты не появишься и не найдешь меня.

— А, хорошо, Баннатин, — сказал он, пуская слюни, — эта мысль больше не будет доносить меня...

И заснул. Она сидела, держа его тяжелую голову, и слушала, как вокруг в невидимой листве носится ветер. Звук напоминал журчание быстротечной воды. Водопады и озера, текущие вверх по склону горы. Но это была какая-то другая вселенная. В этой вселенной не было ничего, кроме ночи, и ветра, и деревьев. Загорались звезды. Привет, папа, козел ты этакый.

У нее онемели ноги, и ей снова было нужно в туалет, но она не хотела будить Бисквита. Она нагнулась и по-

целовала его в макушку. Он не проснулся. Только пробормотал: прекрати, Баннатин. Люби меня одного. Или по крайней мере ей так слышалось.

Она помнит, как была ребенком. Лет девяти-десяти. Как в четыре утра пробиралась обратно в дом. Ее лучший друг, Бисквит, тоже отправился домой, чтобы лежать на кровати без сна. Она еле уговорила его позволить ей пойти домой. Завтра им в школу. Она устала и очень хочет есть. Борьба с преступностью — тяжкий труд. Мать на кухне делает блинчики. Что-то в ее наружности подсказывает Баннатин, что мать тоже всю ночь провела не дома. Может, она тоже боролась с преступностью. Баннатин знает, что ее мать супергероиня. Она не просто официантка. Это только прикрытие.

Она стоит в дверях и смотрит на мать. Тренирует умение левитировать. Она все время тренируется.

Мама говорит:

— Хочешь блинчиков, Баннатин?

Она ждала столько, сколько могла выдержать, а потом приподняла его голову и опустила ее на землю. Накинула ему на плечи свою куртку. Будто накрывала на стол, используя носовой платок вместо скатерти. Только посмотрите на этого увальня. Лежит себе так мирно. Может, он проспит сотню лет. Но, скорее всего, его рано или поздно разбудят своими варварскими воплями мутанты. Сейчас они увлекаются казу и хэви-металлическими криками. Она слышит, как они разогреваются. В школе Бисквит общался с какими-то мутантами. Много-много лет назад. Их пропрет от его нового костюма. Приближается десятилетняя годовщина окончания школы, и Бисквит непременно вернется домой, чтобы отметить эту дату. Он очень сентиментален, когда дело касается таких вещей. Мутанты, с другой

стороны, не любят парады и годовщины. Однако они хорошо умеют хранить секреты. Из них получались отличные няньки, когда мама не могла присматривать за ребенком.

На всем пути по склону она не включает фары. Мотор она тоже выключила. Просто скользит вниз по склону горы, словно черное крыло.

Домой она возвращается почти протрезвевшей, а ребенок, конечно, все еще спит. Мать ничего не говорит, хотя Баннатин знает, что она этого не одобряет. Она считает, Баннатин должна рассказать Бисквиту про ребенка. Но, наверное, немного поздновато, да и кто знает, может, это вообще не его дочь.

На подушке и по всему личику малышки видны следы помадки. Наверное, помадка осталась с парада. Мать Баннатин — настоящая сластена. Маленькая небось ела в темноте после того, как мать Баннатин уложила ее спать. Баннатин целует ребенка в лоб. Идет за полотенцем, возвращается и вытирает следы помадки. Дочка так и не просыпается. Наверное, она очень расстроится, что мама не принесла ей автограф. Может, просто взять и подделать почерк Бисквита? Написать что-нибудь очень приятное... Вряд ли Бисквиту будет до этого дело. Баннатин хочется залезть в кровать к ребенку, просто свернуться возле нее калачиком и снова согреться, но нельзя — на этой неделе она уже пропустила две смены. Поэтому она принимает горячий душ, идет к матери на кухню и сидит там, дожидаясь, когда нужно будет отправляться на работу. Им почти нечего сказать друг другу, это для них нормально, но мама все равно делает для Баннатин яичницу и тосты. Будь здесь Бисквит, она бы и для него приготовила завтрак, и Баннатин представляет, как она

завтракает с Бисквитом и мамой и ждет восхода солнца и начала нового дня. Потом в кухню прибегает маленькая. Она плачет и тянет к Баннатин руки.

— Мамочка, — говорит она. — Мамочка, мне приснился очень плохой сон.

Баннатин берет ее на руки. Какая тяжелая малышка. У нее течет из носа, и от нее все еще пахнет помадкой. Неудивительно, что ей приснился плохой сон. Баннатин говорит:

— Тихо, тихо, детка, успокойся. Все хорошо. Просто дурной сон. Просто сон. Расскажи мне о нем.

Новый Бойфренд

Эйнсли не срывает с подарков обертку. Она всегда осторожно обращается с вещами, даже если эти вещи не имеют значения. Имми обычно срывает обертку, но это не подарок для Имми, это не ее день рождения. Иногда Имми думает, что это вообще не ее жизнь. В следующий раз тебе повезет больше, Имми, говорит она себе.

Эйнсли поддевает клейкую ленту ногтем, затем аккуратно выуживает розовую оберточную бумагу из-под коробки в форме гроба.

Там лежит новый Бойфренд Эйнсли.

В этом году на дне рождения Эйнсли присутствуют только сама Эйнсли и ее самые лучшие, самые верные подруги. Только Эйнсли, Скай, Элин и Имми. Никаких родственников. Никаких парней.

Чуть раньше были суши, и торт, и множество фотографий, которые нужно загрузить в Интернет, чтобы все знали, как им весело.

Эйнсли говорила: не надо никаких подарков, но Имми, Элин и Скай, конечно же, подарки принесли. Никто никогда всерьез не отказывается от подарков. Даже Эйнсли, у которой и так уже есть все.

Желание подарить что-нибудь лучшей подруге, потому что ты любишь ее, — это нормально. Потому что ты хочешь, чтобы она знала, что ты ее любишь. Это не

соревнование. Эйнсли любит Элин, Имми и Скай одинаково, хотя Эйнсли и Имми дружат дольше.

У Имми не такое щедрое сердце, как у Эйнсли. Имми любит Эйнсли больше всех. И ненавидит ее больше всех. Она много практиковалась и в том и в другом.

Они сейчас на веранде. Как будто можно удержать солнце в комнате, думает Имми. Что ж, если бы это было возможно, мать Эйнсли наверняка сумела бы.

Но солнце зашло. Над миром царит ночь, и она принадлежит им всем, хотя прежде всего она принадлежит Эйнсли. Эйнсли принесла несколько дюжин высоких свечей, небольшой лес зеркальных канделябров и двух своих Бойфрендов. На головах у обоих маленькие именинные шапочки, потому что Бойфренды должны их надевать, если верить Элин (у которой на все есть свое мнение и которая совершенно не стесняется его высказывать), — ведь их нельзя воспринимать слишком серьезно.

Конечно, у любого человека может быть свое мнение. У Имми мнений полно. По ее мнению, чтобы не воспринимать Бойфренда серьезно, нужно сначала завести его, а Бойфренд есть только у Эйнсли. (Даже два. А теперь и три.)

Дети ночи в глупых шапочках, Бойфренд-Вампир (Оливер) и Бойфренд-Оборотень (Алан) развалились на полосатых, словно леденцы, канапе и с одинаковым желанием взирают на свою девушку, Эйнсли. Имми решает не есть второй кусок торта. Одного куса торта должно быть достаточно каждому.

И все же там, на полу, прямо под тортом (его еще много осталось, Имми, почему бы тебе не съесть еще кусочек?) и канделябрами, прямо у всех под носом все это время ждет новый Бойфренд. Как только они заш-

ли на веранду, Имми сразу же поняла, что это будет за Бойфренд.

В коробке, разумеется, темно. Там внутри — ночь, завернутая в розовую оберточную бумагу. Его глаза открыты или закрыты? Слышит ли он, как они разговаривают? Его разбудит любовь.

Любовь, о, любовь. Ужасная, удивительная любовь.

Эйнсли приподнимает крышку гроба, и оттуда высыпаются лепестки белой розы, рассеиваясь по всему полу, и...

— Ох, — говорит Скай. — Он... м-м... Он прекрасен.

Настоящие розовые лепестки, настоящие, смятые и раздавленные. Наверное, не лучший упаковочные материал, но — ох, какой запах наполняет комнату.

Внутри все же не ночь.

Глаза Бойфренда закрыты. Руки сложены на груди, но ладони раскрыты и полны розовых лепестков. У него темные волосы. Юное лицо. Он выглядит немного удивленным; губы слегка приоткрыты, словно его только что поцеловали.

— Кто он? — спрашивает Элин.

— Призрак, — говорит Имми.

Эйнсли протягивает руку, касается лица Бойфренда, откидывает с его глаз прядь волос.

— Какие мягкие, — говорит она. — Как странно. Фальшивый Бойфренд, настоящие волосы.

— Я думала, таких больше не продают. — говорит Элин.

— Не продают, — говорит Имми. Она чувствует тесноту в груди, словно ее вдруг наполнил яд. Нужно удерживать все это внутри. Словно бросаешься всем телом на

бомбу, чтобы спасти все остальных. Впрочем, бомба — это ты сама.

Почему Эйнсли всегда получает то, чего хочет? Почему Эйнсли всегда получает то, чего хочет *Имми*? Она говорит:

— Не продают. Таких сейчас не купишь.

— Если только ты — не Эйнсли, да? — говорит Скай. В ее голосе злости не слышно. Она берет горстку лепестков, бросает их в Эйнсли. Они все бросаются розовыми лепестками. Когда Эмми опускает руку в гроб, она из всех старается не касаться Бойфренда-Призрака.

— Как ты его назовешь? — спрашивает Элин.

— Не знаю, — говорит Эйнсли. Она читает инструкцию. — Так, у него, по-видимому, два режима. Воплощенный и спектральный. Воплощенный — это, сами понимаете, обычный. — Она машет в сторону Бойфренда-Вампира, Оливера. Тот машет в ответ. — Спектральный режим — это как кинопроекция, и он может левитировать. В таком режиме с ним можно общаться, но это происходит случайно или типа того. То есть он приходит и уходит.

— Ха, — сказала Скай. — То есть ты не видишь его постоянно, но он, может быть, следит за тобой? Что, если он появится ни с того ни с сего, ну, например, когда ты одеваешься или сидишь в туалете?

— Может, поэтому их и перестали выпускать, — говорит Элин. Она рвет белый лепесток на крошечные кусочки — все меньше и меньше — и улыбается, словно именно так и представляет себе развлечения.

— Его можно настроить, — говорит Эйнсли. — Если у вас есть что-нибудь, что принадлежало ныне покойному. Тому, кто уже умер. Тут где-то есть отделение. Фу! Оно у него во рту. Туда нужно что-нибудь положить. Не знаю.

Это как-то глупо. Ну, то есть нужно действительно верить в призраков и все такое.

— Это и не должно быть хорошей идеей, — говорит Имми. — Поэтому их перестали выпускать, помнишь? Рассказывали всякие истории...

— Люди такие *впечатлительные*, — говорит Эйнсли.

— Давай, заведи его уже, — торопит ее Элин. — В прямом смысле.

— А куда спешить-то? — говорит Эйнсли. — Сначала нужно придумать ему имя.

Они обсуждают имена для нового Бойфренда, пока Эйнсли открывает подарки от подруг. Еще фотографии... Эйнсли держит бутылку абсента, который Скай сделала по найденному в Интернете рецепту. Они осыпают ее розовыми лепестками, и лепестки застревают у нее в волосах. Это очень красиво.

Оливер и Алан в этих своих шапочках. Эйнсли сидит на коленях у Оливера. Они меняют человеческую голову Алана на волчью. Он не может говорить, когда носит волчью голову, но он все равно очень симпатичный в смокинге. Симпатичнее большинства настоящих парней.

Еще фотографии. Новый Бойфренд лежит в коробке, Эйнсли наклоняется, чтобы поцеловать его. Эйнсли надела красные замшевые сапоги, которые ей прислала бабушка. Эйнсли держит в руках билеты на концерт какой-то группы, которая нравится им с Элин. Это подарок Элин.

Имми не особенно нравится музыка. Скай тоже не особенно нравится музыка. Музыка — это пристрастие Элин и Эйнсли. Ну да ладно.

Имми приготовила Эйнсли в подарок расшитый бусинками ошейник. К нему прикреплен антикварный ме-

дальон, который ляжет прямо над ложбинкой на белой шее Эйнсли.

На ошейнике чередуются бусинки из хрусталя и черного янтаря.

У медальона есть секрет.

Ошейник лежит в маленькой коробочке в сумочке Имми, но она не вынимает его. Роемся в сумочке, делаем вид, что ищем его, а потом говорим Эйнсли:

— Ой-ой! Кажется, я забыла подарок дома.

Эйнсли говорит:

— Ничего страшного, Имми. Отдашь в школе в понедельник.

Она пускает по кругу бутылку домашнего абсента, и они пьют прямо из горлышка. Имми понимает, что таким образом сложнее определить, делаешь ли ты только маленькие глотки или вообще притворяешься. Вкус у напитка слегка травяной, немного похож на зубную пасту.

— Ты можешь назвать его Винсент, — говорит Скай. Она изучает список детских имен на телефоне. — Или Брэн? Банкво? Тор. Фостер. М-м, наверное, не Фостер. Но надо что-нибудь старомодное, у призраков должны быть старомодные имена.

— Потому что в наше время никто не умирает, — говорит Эйнсли и делает большой глоток абсента.

Имми готова поспорить, что все эти глотки — сплошное притворство. Давайте напьемся не по-настоящему и будем не по-настоящему веселиться в компании Эйнсли и ее фальшивых Бойфрендов. Имми не оставляет ощущение, что здесь все ненастоящее, вся эта ночь, то, как она сегодня ведет себя с Эйнсли, Скай и Элин, а может, и вообще весь последний год. А если это не фальшь, если

все настоящее — это веселье, эти подруги, эта жизнь, — то тогда, наверное, еще хуже, разве нет?

Имми понятия не имеет, почему у нее такое ужасное настроение. Хотя нет, подождите. Если честно, то, конечно, она знает. У нее ужасное настроение, потому что она ужасная подруга, которая хочет все то, что есть у Эйнсли. Кроме, может быть, ее матери. Свою мать Эйнсли может оставить себе.

Имми хотела Бойфренда с тех самых пор, как их начали выпускать, еще до того, как про них узнала Эйнсли. Ведь это Имми ей рассказала. А потом у Эйнсли появились Оливер и Алан, а потом стало возможным приобрести Бойфренда-Призрака из ограниченной серии, а потом их и вовсе перестали продавать, и больше нельзя было купить Бойфренда-Призрака, но с этим еще хоть как-то можно было смириться, потому что не только Имми, но и Эйнсли не могла его получить. Вот только теперь он у нее есть.

Иметь Бойфренда-Призрака было самой заветной мечтой, ничего другого она не желала так страстно.

— Может, Квентин? А что, хорошее имя, — предлагает Скай.

— А как насчет Джастина? — говорит Элин.

Все смотрят на Имми, ждут, что она предложит. Та смотрит на Элин, которая говорит: «Упс!», пожимает плечами и улыбается.

— Эйнсли может назвать своего Бойфренда-Призрака, как ей захочется, — говорит Имми. Она знает, какого рода дружба связывает их с Элин. Иногда дружба больше похожа на войну.

Элин Эйнсли тоже может оставить себе.

Как бы там ни было, но это Имми бросила Джастина. И именно *Джастин* никак не может об этом забыть, и вообще — *вообще* — это Элин все еще по нему сохнет.

А для Имми все это уже в прошлом.

— Я назову его Минт, — наконец решает Эйнсли.

Все смеются, а Эйнсли говорит:

— Нет, серьезно. Его зовут Минт. Это мой Бойфренд-Призрак, я могу назвать его, как захочу.

— Странновато как-то, — говорит Элин. — Ну да ладно.

— Пошли, — говорит Эйнсли.

Они подходят к коробке, становятся кружком, и Эйнсли, наклонившись, запускает пальцы в волосы Бойфренда-Призрака и копошится в них до тех пор, пока, судя по всему, не находит нужное место.

Бойфренд-Призрак открывает глаза. У него очень красивые глаза. Длинные ресницы. Он смотрит на девушек, на каждую по очереди. Потом слегка приоткрывает губы, словно собирается что-то сказать. Но не говорит.

Имми краснеет. Она знает, что краснеет.

— Привет, — говорит Эйнсли. — Я твоя девушка. Меня зовут Эйнсли. А ты — Минт. Ты мой Бойфренд.

Новый Бойфренд опускает веки. Ресницы — черные веера. Кожа — совсем как настоящая. Даже ногти у него идеальные и такие настоящие... Самое настоящее из всего, что Имми когда-либо видела.

Когда он снова открывает глаза, то смотрит только на Эйнсли.

— Ладно, увидимся позже, — говорит ему Эйнсли.

Она выпрямляется и обращается к Имми, Элин и Скай:

— Девочки, не хотите поставить какую-нибудь музыку и потанцевать? Или что-нибудь еще?

— Подожди, — говорит Элин. — А как же он? Вернее, оно. Ты что, просто оставишь его здесь?

— На то, чтобы проснуться в первый раз, им требуется какое-то время, — говорит Скай. У Скай есть Библейская Горничная. Эсфирь. Раньше родители Скай отличались особой религиозностью.

— Ах да, — вспоминает Эйнсли. — Надо ведь еще кое-что сделать. Нужно выбрать режим. Воплощенный или спектральный. Как думаете?

— Воплощенный, — говорит Элин.

— Воплощенный, — говорит Скай.

— Спектральный, — говорит Имми.

— О'кей, — соглашается с ней Эйнсли. — Спектральный. Можно попробовать. — Она снова наклоняется, снова проводит пальцами по волосам Бойфренда. — Вот так. А теперь давайте пойдем на террасу и потанцуем при луне. Идем, Оливер. Алан, ты тоже.

Эйнсли и Элин выполняют роль диджеев. Луна полная и яркая. Стоит теплая ночь. Эйнсли велит Оливеру и Алану потанцевать с Имми и Скай.

Это вполне в духе Эйнсли. Она совсем не эгоистична. Легко быть щедрой, когда у тебя все есть. Когда у тебя много вещей. Правда же?

Имми и Оливер танцуют. Он держит ее в объятиях, его рука лежит у нее на талии. Они танцуют что-то типа вальса, который вообще-то не очень соответствует музыке, но Оливер умеет танцевать только вальс или танго — или медленный танец, когда просто топчешься на месте и слегка раскачиваешься из стороны в сторону. Скай подпрыгивает вместе с Аланом, у которого все еще волчья голова. Вообще-то танцевать с Аланом куда веселее, чем с

Оливером, хотя от всех этих бесконечных прыжков рано или поздно устает.

— Ты счастлива, дорогая? — спрашивает Оливер, Бойфренд-Вампир. Он говорит так тихо, что Имми приходится попросить его повторить. Хотя, строго говоря, это необязательно. Оливер всегда задает одни и те же вопросы.

— Конечно, — отвечает она. Потом нерешительно добавляет: — Ну вообще-то не знаю. Не особенно. Могла бы быть счастливее. Я бы хотела быть счастливее.

Почему бы и не сказать ему правду? С кем, как не с подружкиным Бойфрендом-Вампиром, можно быть откровенной? Вампиры специализируются на тайнах и несчастье. Тайное несчастье. Это видно по их черным, бездонным глазам.

— Как жаль, что ты несчастлива, любовь моя, — говорит Оливер. Он сильнее прижимает ее к себе, зарывается носом ей в волосы. — Как я могу быть счастлив, если несчастлива ты?

— Твоя любовь — Эйнсли, а не я, — говорит Имми. У нее совсем нет настроения. Все-таки это грустно — играть в вечную любовь с взятым взаймы Бойфрендом, особенно если на самом деле тебе хочется собственного Бойфренда. Было бы намного, намного лучше, если бы у нее был собственный Бойфренд. — Так что не страдай из-за меня.

— Как пожелаешь, — говорит Оливер. — Я буду страдать из-за себя. Как я счастлив страдать вместе с тобой!..

Он все сильнее и сильнее сжимает ее в объятиях, и ей в конце концов приходится попросить его слегка ослабить хватку. Между настоящими объятиями и тем состоянием, когда тебя сдавливают, словно коробочку сока, существует своего рода граница, и Бойфренды-Вампиры

иногда переступают эту границу — наверное произвольно. Они просто об этом не думают.

А еще они все время нависают над тобой, бесконечно предаются мрачным размышлениям и постоянно говорят о том, как ты прелестна, и о вечности, и о своем страстном желании послушать стихи, чтобы ты почитала им старомодные стихи с рифмой, и все такое. Это должно способствовать повышению уровня культуры, понятно? Бойфренды-Оборотни, например, постоянно говорят об окружающей среде, а еще они все время пытаются заставить тебя бегать вместе с ними.

Имми не понимает музыку. Она не хочет ее понимать. Почему, слушая музыку, Имми непременно должна испытывать какие-то чувства? Только потому что слышишь минорный аккорд, обязательно нужно грустить? Только потому что ритм ускоряется, у тебя должен ускоряться пульс? Почему ты должна делать то, чего требует от тебя музыка? Почему бы музыке не подстраиваться под тебя? Имми не нужен саундтрек к собственной жизни. И она не хочет, чтобы чьи-то красивые слова мешали ей думать о том, о чем она на самом деле думает. О чем бы она ни думала.

Имми не нужен Бойфренд-Вампир. Или Бойфренд-Оборотень. Уже нет.

— Я хочу еще абсента, — говорит Эйнсли. — Кто-нибудь, принесите абсента.

— Я принесу, дорогая, — говорит Оливер.

— Нет, — говорит Имми. — Я схожу. — Если послать Бойфренда за бутылкой домашнего абсента, он, вполне вероятно, принесет флакон кондиционера для волос. Или лампу.

— Спасибо, Имми, — говорит Эйнсли.

— Пожалуйста, — отвечает Имми.

Но, наверное, подруге тоже не стоит доверять, ведь вместо того, чтобы взять абсент и сразу вернуться, Имми задерживается на веранде — ей хочется посмотреть на нового Бойфренда. Его глаза снова закрыты. Она наклоняется и касается его лица. Только одним пальцем. У него очень нежная кожа. Вообще-то это совсем не похоже на кожу, но, разумеется, не похоже и на что-либо другое. На сей раз он не открывает глаза; он еще не до конца проснулся. Ведь Эйнсли привела его в спектральный режим. Его тело будет просто неподвижно лежать на месте. Его призрак будет делать то, чем обычно занимаются призраки.

Возможно, призрак уже здесь. Может быть, он наблюдает за ней.

Но она не чувствует чьего-либо присутствия или наблюдения за собой.

Видимо, под влиянием какого-то импульса Имми открывает сумочку и достает подарок для Эйнсли. Быстрым небрежным движением срывает оберточную бумагу и ленточку.

Внутри медальона — колечко, сплетенное из человеческих волос. Викторианской эпохи, если верить продавцу в Интернете. Скорее всего, это волосы его собственных детей, но какая разница.

Две прядки косы в колечке — угольно-черные, одна — светло-пепельная. Черные символизируют Эйнсли, светлая — Имми.

Кольцо не налезает ни на один из пальцев Имми. Может, у нее слишком толстые пальцы. Она возвращается к гробу, опускается возле него на корточки.

— Привет, — шепчет она. — Я подруга Эйнсли. Имми.

Она прикладывает два пальца к его губам. Делает судорожный вдох и задерживает дыхание, как будто готовится прыгнуть с моста в очень глубокую воду. Ну, собственно говоря, так оно и есть. Затем она опускает пальцы в рот Бойфренда-Призрака Эйнсли. Вот зубы, а вот, да, язык. Это странно? Это очень странно. Имми и не отрицает, что ведет себя странно, но все равно продолжает это делать. Ее пальцы там, где им уж точно не следует быть.

Рот и язык Бойфренда-Призрака не такие влажные, какими бывают настоящие рот и язык. А вот зубы кажутся почти настоящими. Она все думает о том, как это странно. Она проталкивает палец под ненастоящий язык, и там, под ним, находит точку, где при нажатии открывается нечто вроде крышечки. Имми неуклюже засовывает туда колечко из волос, а затем закрывает крышечку. Потом вытаскивает пальцы изо рта Бойфренда-Призрака и внимательно разглядывает его лицо.

В нем ничего не переменялось.

Когда она встает и оборачивается, то замечает в дверях Элин. Элин молчит, просто ждет.

— Мне показалось, он двигался, — говорит Имми. — Но нет, просто показалось.

Элин пристально смотрит на нее.

— Что такое? — спрашивает Имми.

— Ничего, — отвечает Элин. Похоже, ей очень хочется что-то сказать, но она только пожимает плечами. — Просто... ну давай, пойдем уже. Оливер пристаёт ко мне с просьбами потанцевать с ним, а я не хочу. Ты же знаешь, как я отношусь к Бойфрендам Эйнсли. — На самом деле она хочет сказать, что знает, как к ним относится Имми.

Имми хватает бутылку абсента.

— О'кей.

— Имми, — говорит Элин. — Могу я задать тебе один вопрос?

Имми ждет.

Элин говорит:

— Я не понимаю... Все эти Бойфренды — они жутковатые. Они ведь фальшивые. Ненастоящие. Я знаю, как сильно тебе хочется Бойфренда. И знаю, что это плохо. Ну я имею в виду то, что Эйнсли всегда получает все, что захочет.

Имми не может сдержаться.

— У Джастина нет чувства юмора. И он перебарщивает с дезодорантом. А целуется так, словно занимается армрестлингом, только губами. Борьба губами.

— Может, ему просто недостает практики, — говорит Элин. — Я хочу сказать, Бойфренды Эйнсли ведь вообще не целуются. Это просто очень большие куклы. Они *ненастоящие*.

— Может, мне и не нужны настоящие, — говорит Имми.

— Чего бы ты ни хотела, надеюсь, ты это получишь. Наверное.

Элин забирает у Имми бутылку абсента, делает большой глоток из горлышка. Настоящий глоток. Видимо, Элин хочется, чтобы все было по-настоящему, даже если реальность не так уж хороша. Внезапно Имми ощущает симпатию к ней. Элин не всегда хорошая подруга, но это ничего, потому что она настоящая подруга, а Имми ценит это так же сильно, как не ценила желание Джастина заняться борьбой губами.

Они возвращаются на вечеринку к настоящим друзьям и фальшивым Бойфрендам. Эйнслиного Минта оставляют совсем одного с кольцом из волос во рту. Имми совсем не испытывает угрызений совести, ника-

кого чувства вины. Колечко — это ведь часть ее подарка для Эйнсли, вот она ей его и подарила. Ну... как бы подарила.

К тому времени, как они собрались ложиться спать, в бутылке абсента остается только густой маслянистый осадок. Оливер и Алан вернулись в свои гробы в чулане в комнате отдыха этажом ниже, а Эйнсли задула все свечи на веранде. Они доели торт. Скай уже отключилась на диване в гостиной.

Минт сейчас здесь? Эйнсли говорит, что скорее всего да.

— Поначалу, когда переводишь Бойфренда-Призрака в спектральный режим, он должен быть немного застенчив. Бойфренды не появляются сразу же. Ты просто видишь их краем глаза. Когда не ждешь.

— Это должно быть весело? — спрашивает Элин. — Потому что, по-моему, это совсем не весело.

— Должно быть реалистично, — говорит Эйнсли. — Как настоящее привидение. Как будто в тебя влюбляется настоящий призрак. Например, он, может быть, сейчас здесь. Наблюдает за нами. Наблюдает за *мною*.

Она произносит это как-то по-особенному. Эйнсли так уверена, что ее все любят.

— Теперь, когда мы это выяснили, — говорит Элин, — я пойду лягу в комнате твоей мамы. Твоему новому парню лучше держаться от меня подальше. — Элин не любит спать вместе со всеми. Говорит, это потому, что она храпит. — Эйнсли, когда вернется твоя мама?

— Завтра днем, не раньше двух-трех часов. Я заставила ее пообещать, что сначала она позвонит. — Эйнсли слегка покачивается на ногах. То и дело протягивает руку и хватается за что-нибудь, чтобы удержать равновесие: за

столик, за спинку канапе, за крышку гроба. Раз оступившись, едва не падает внутрь, но выпрямляется. — Спокойной ночи, Минт. Господи, какой же ты симпатичный! Даже симпатичнее Оливера. Ты так не думаешь?

Вопрос адресован Имми.

— Наверное, — говорит она.

Ее сердце словно разбухает от ненависти, от этого давнего яда. Она смотрит, как Эйнсли, пошатываясь, наклоняется и звучно целует Минта в лоб.

— Я как-то спала в гробу Оливера, — говорит Эйнсли, обращаясь к Элин и Имми. Имми теряется, не зная, что должна на это ответить, и Элин, судя по всему, тоже не знает.

Имми чувствует себя так, словно внутри и снаружи ее озаряет свет. Собственные руки и ноги кажутся ей отяжелевшими и медлительными, словно налитыми свинцом, а голова и тело — легкими и пустыми, будто из них все вычистили. Весь яд засох. Превратился в порошок.

А может, ей просто кажется, что именно так должно выглядеть опьянение, которое наступает после изрядного количества абсента? Может, ей стоит выпить воды, принять «Тайленол»?

Когда Имми остается ночевать в доме Эйнсли, они всегда спят в одной кровати. В ванной она держит собственную зубную щетку, на ночь переодевается в футболку Эйнсли и спит в ней. У Имми даже есть любимая подушка, и Эйнсли всегда помнит, какая именно. Утром, если захочет, Имми пойдет домой в одежде Эйнсли. Эйнсли не против.

Они чистят зубы и переодеваются ко сну, выключают свет и ложатся в кровать, и все это время Имми едва может дышать, не осмеливается даже моргнуть лишний

раз — а вдруг с ними в комнате Минт? Может быть, он придет. Может, она поднимет взгляд и увидит Минта. Он возникнет на мгновение, а потом снова исчезнет. Она знает, что Эйнсли тоже об этом думает. Эйнсли тоже ждет Минта.

— Это был очень, очень хороший день рождения, — раздается в темноте голос Эйнсли. — Сбылось все, о чем мечтала. Я получила все, что хотела.

— Я за тебя рада, — говорит Имми. Она говорит серьезно. — Ты заслуживаешь все то, что получаешь.

Имми кажется, что она не сможет заснуть. Она не хочет спать, ей нельзя спать. Она могла бы дожидаться, пока Эйнсли заснет, и вернуться на веранду. Может, Минт сначала направится туда. В конце концов, там его тело. Имми пытается придумать, что бы она могла ему сказать, что он мог бы сказать ей. И вскоре Эйнсли действительно засыпает, но и Имми тоже.

Когда она просыпается — посреди кошмара про какой-то сад, — возле кровати кто-то стоит. Парень. Минт. Он смотрит на Эйнсли. Эйнсли спит, приоткрыв рот, и Минт касается ее рта большим пальцем.

Имми садится в постели.

Минт смотрит прямо на нее. Смотрит на нее и улыбается. Касается пальцами собственного рта. Затем он исчезает.

Проходит две недели. Все это время Имми не видит Бойфренда-Призрака. По словам Эйнсли, он где-то рядом. Она считает, он исследует дом. Она то и дело замечает его в разных комнатах. Мелькнет на несколько секунд, а потом снова исчезает. Но почти всегда появляется, как только Эйнсли садится смотреть телевизор. Как правило, во время рекламы.

— Ему нравится смотреть рекламу? — спрашивает Имми.

Они в кафе нагружают топпингами замороженный йогурт. Черника, малина, моти.

— Мне кажется, он очень деликатный, — говорит Эйнсли. — Не хочет отрывать меня от дел, поэтому ждет, когда начнется реклама. Например, я никогда не вижу его в ванной или когда одеваюсь перед школой. С телевизором, наверное, то же самое.

В углу кафе сидит женщина средних лет. Одной рукой она катает взад-вперед коляску, а другой ест. Имми постоянно оглядывается. Она не может определить, кто в коляске: настоящий младенец или Ребенок.

— Значит, он проявляется на несколько секунд... И что же он делает? — спрашивает она.

— Смотрит со мной телевизор. Рекламу. Кажется, ему особенно нравится реклама, где мужчина и женщина едут куда-то в машине. Может, помнишь, там еще дорога идет вдоль моря? Или по холму. Он смотрит рекламу по телевизору, а потом смотрит на меня, — рассказывает Эйнсли. — Просто смотрит на меня. Никто никогда на меня так не смотрел. А потом он исчезает.

Что-то в интонации Эйнсли, в выражении ее лица заставляет Имми сделать то, что делает Бойфренд-Призрак. Она смотрит на Эйнсли настолько пристально и внимательно, насколько это возможно. Эйнсли выглядит так, словно очень плохо спала ночью. У нее потрескались губы, а под глазами — толстый слой неаккуратно наложенного тонального крема. Как будто там, под кожей, она хранит какие-то секреты.

— Ты когда-нибудь видела его по ночам? В спальне? Эйнсли моргает.

— Нет, — говорит она. — Нет, не думаю.

— Хорошо, — говорит Имми. — Это было бы жутковато. Если б он смотрел на тебя, пока ты спишь.

Эйнсли слегка морщится.

— Ага. Было бы жутковато.

Школа есть школа. Почему она не может быть чем-то другим? Имми не хочется верить, что еще два года ей придется все это терпеть. Еще два года уравнилий и грустных книжек, в которых со скучными людьми творятся дурные вещи, и Джастина, бросающего на нее несчастные взгляды. Ладно, может, он придет в себя быстрее. Если она не будет обращать на него внимания. Еще два года носить спортивные шорты, которые совершенно ей не идут, учить испанский, на котором она никогда не будет говорить, и быть человеком, которым она была всегда, потому что все считают, что именно таковой она и является. Все полагают, что этим человеком она и останется. Все думают, это и есть настоящая Имми. А что, если Имми, которую они видят, действительно настоящая Имми, а та, что внутри, всего лишь гормоны и химические вещества, и множество маленьких тайн, и странные, спутанные мысли, которые на самом деле ничего не значат?

Может, ей стоит побриться налысо. Может, ей стоит серьезнее относиться к учебе. Может, стоит дать Джастину еще один шанс. А может, и нет.

Ночью ей снится сон. Она мчится в машине по извилистой дороге. Далеко внизу — океан. На пассажирском сиденье сидит Бойфренд-Призрак. Они ничего друг другу не говорят. Высоко над ними — луна.

Утром она отправляет Эйнсли эсэмэску. *Мне снился твой Бойфр. Странно, правда?*

Эйнсли не отвечает.

Днем Имми и Скай идут к Эйнсли, чтобы вместе готовиться к контрольной по испанскому. Элин изучает латынь — углубленный курс, это вполне в ее стиле.

Однако испанским они почти не занимаются. Вместо этого шарят по кухонным шкафам в поисках батончиков с арахисовым маслом, рулетиков «Литтл Дебби» и пачек «Орео», которые мать Эйнсли прячет в супницах и за коробками с рисом и хлопьями. Как-то раз они нашли там мешочек с травкой и спустили его содержимое в унитаз.

Эйнсли говорит, что они делают ее матери одолжение, доедая печенье и батончики. Они подростки. У них выше метаболизм.

Скай спрашивает:

— *Dónde está* Минт?

— Внизу, — отвечает Эйнсли. — В комнате отдыха вместе с Оливером и Аланом. — Она выковыривает арахисовое масло из батончика. Эйнсли ест только внутренности. Как паук. Пауки едят только внутренности. — Вообще-то я его отключила.

— *Что* ты сделала? — спрашивает Имми.

— Я его отключила, — отвечает Эйнсли. — Он немного нервировал маму. Я понимаю, почему их перестали выпускать. Когда твой Бойфренд то появляется, то исчезает, это совсем не романтично. Просто вытаращит глаза и смотрит. И знаете, через неделю у меня стало возникать чувство, что когда я не смотрю по сторонам, он, возможно, стоит прямо у меня за спиной. У меня заболела шея, потому что постоянно приходилось запрокидывать голову, чтобы взглянуть на потолок, ведь как-то раз я и там его увидела. А однажды я обнаружила его под столом на кухне. Так что мне приходится заглядывать еще и под мебель.

— Прямо как настоящий призрак в кино, — говорит Скай. Скай обожает ужастики. Никто не хочет смотреть их вместе с ней.

— А воплощенный режим? Ты не пробовала перевести его в воплощенный режим? — спрашивает Имми.

— Пробовала, — говорит Эйнсли. — Это тоже оказалось не так уж весело. Он все говорил правильно, все то, что говорят Оливер и Алан, но знаете что? Я не поверила... В общем, не знаю. Может, мы уже слишком взрослые для Бойфрендов.

— Давай включим его, — говорит Скай. — Я хочу посмотреть. Хочу посмотреть, как он парит под потолком.

— Нет, — говорит Эйнсли. Обычно Эйнсли никогда не говорит «нет». Скай и Имми смотрят на нее. На столе — кучка выпотрошенных батончиков с арахисовым маслом. Она говорит: — Вот. Хотите шоколад?

Эйнсли хочет показать им что-то в Интернете. Оказывается, это актер, который им всем нравится. Он голый, и его пенис у всех на виду. Все они раньше видели пенисы в Интернете, но этот принадлежит знаменитости. Скай и Эйнсли продолжают искать другие знаменитые пенисы, а Имми возвращается на кухню, чтобы заняться испанским. Но прежде она спускается в комнату отдыха.

Комната отдыха забита неоконченными проектами матери Эйнсли. Мольберт, на котором все еще висит рабочий халат. Швейная машинка, гребной тренажер, сундуки с тканью и не до конца заполненные фотоальбомы с фотографиями Эйнсли и Имми в том возрасте, когда они еще могли бегать по двору голышом; Эйнсли, Имми и Скай на своем первом выступлении в балетной школе; Эйнсли, Имми, Скай и Элин заканчивают среднюю школу. До того как родители Эйнсли развелись, у

Имми выросла грудью, а Эйнсли завела Бойфрендов. Все эти многочисленные Эйнсли и Имми со своими куклами и платьями принцесс, хэллоуиновскими костюмами и валентинками. Имми всегда была красивее. Эйнсли не страшная, не уродина, но Имми намного красивее. Если бы Бойфренды были устроены как обычные парни, Имми *запросто* получала бы их.

Но, может быть, тогда ей бы не хотелось Бойфренда.

В чулане в комнате отдыха стоят три гроба. Первая мысль Имми: для четвертого нет места. Раньше они часами играли с Оливером и Аланом. Теперь они почти не делают этого. Это ее вторая мысль. Имми ведь не может просто предложить достать их. Они принадлежат Эйнсли. Это не похоже на игру в куклы. Как если бы ты сказала подруге, что хочешь пообщаться с искусственными людьми, которых она держит у себя в чулане, да и вообще, они дружат с тобой только потому, что Эйнсли этого хочет. Если бы у Имми был Бойфренд, она бы не держала его в чулане у себя в подвале.

В первом гробу, который она открывает, лежит Оливер. Во втором — Минт. Дурацкое имя. Нет ничего удивительного в том, что он ведет себя странно.

— Привет, Минт, — говорит она. — Это снова Имми. Проснись.

Потом она задерживает дыхание и оборачивается, ища его взглядом, но его, разумеется, нигде нет. Это просто искусственный парень в искусственном гробу, не так ли? По крайней мере, так думает Эйнсли. А вот Имми думает, что не следует отключать Бойфренда только потому, что он не такой, каким тебе хочется его видеть.

Она запускает пальцы в его волосы. Они невероятно мягкие. Настоящие волосы. Это должно казаться жутко-

ватым, но ей так не кажется. Будь он настоящим парнем Эйнсли, она бы не смогла так сделать.

Имми находит мягкую точку у него за ухом и нажимает. Одно нажатие — воплощенный режим, два — спектральный. Она нажимает еще раз. Она пробуждает его.

Когда Имми закрывает крышку гроба и оборачивается, Бойфренд-Призрак сидит на велотренажере. Он смотрит на нее, как будто она действительно там. Словно он знает ее, знает что-то о ней.

Как будто он видит настоящую Имми, ту, в чьем присутствии она сама не уверена. Хотя прямо сейчас она настоящая. Имми настоящая. Они оба настоящие. Чем дольше они смотрят друг на друга, тем более реальными становятся, и разве не такой должна быть любовь? Разве не это должна творить любовь?

— Я Имми, — говорит она. — Имоджин.

И добавляет:

— Жаль, ты не можешь сказать мне свое настоящее имя. Эйнсли не знает, что я это сделала. Так что будь осторожен. Не попадайся ей на глаза.

Он улыбается ей. Она протягивает руку, подносит ее к тому месту, где она коснулась бы его лица, если бы могла.

— Если бы ты принадлежал мне, — говорит Имми, — я бы не держала тебя в темном чулане. Если бы ты был моим Бойфрендом.

Остаток ночи состоит из гифок с изображением пенисов, «Орео» и испанской лексики. Когда мать Эйнсли усаживает Имми и Скай в машину, чтобы отвезти их домой, Имми оглядывается, и ей кажется, что она видит, как из окна спальни Эйнсли выглядывает парень. Не очень приятно думать о том, что Эйнсли осталась наедине со своим

Бойфрендом-Призраком. Той ночью Имми засыпает, думая об Эйнсли, и потолках, и кухонных столах, и тонких мягких, как у младенца, волосах Минта. Интересно, кому раньше принадлежали эти волосы.

Имми не знает, известно ли Эйнсли, что ее преследует призрак. Она вроде бы не в духе, но, может, это опять из-за ее вечных проблем с матерью. Тем временем Скай и Элин ругаются из-за сапог, которые Элин взяла поносить и надела в дождь. Имми ни о чем не может думать, кроме Минта. Ей все время снится тот сон про машину, шоссе и океан. Минт рядом с ней в темноте, и над ними сияет луна. Может, это что-нибудь значит? Наверняка должно что-нибудь значить.

В пятницу группа «O Hell, Kitty!» дает концерт в «Колизее», билеты на который Элин подарила Эйнсли на день рождения. Скай и Имми собираются смотреть фильмы без них, но в последний момент Элин покупает Скай билет на концерт — в качестве извинения за испорченные сапоги.

Ну и ладно, Имми все равно не хочет никуда идти.

Когда она узнает, что мать Эйнсли, которая должна была отвезти девушек на концерт, тоже купила себе билет, посмотрев клипы «O Hell, Kitty!» на их канале на YouTube, Имми приходит в голову одна мысль. Эйнсли, конечно, будет недовольна, что мать едет с ними, но для Имми это шанс повидаться с Минтом.

Имми знает, где мама Эйнсли хранит запасной ключ. Она знает и код от сигнализации. Одно из преимуществ долгой дружбы: она серьезно упрощает незаконное проникновение в дом.

Имми говорит родителям, что ее пригласили на ужин к Эйнсли. Отец подвозит ее. Мама наверняка осталась бы

ждать, пока кто-нибудь откроет входную дверь, потому Имми и попросила отца подвезти ее.

Она машет отцу рукой — *уезжай, все хорошо, давай уезжай!* — и отец уезжает. Имми заходит в дом Эйнсли. Она стоит в коридоре и тихо зовет:

— Эй? Минт? Привет.

Сейчас ранний вечер. Дом Эйнсли кишит теньями. Имми не может решить, включить свет или нет. Она смирилась с тем, что делает. Это доброе дело. Но включить свет? Это значит почувствовать себя как дома.

Первым делом она поднимает глаза кверху, не в силах удержаться, чтобы не посмотреть на потолок. Потом идет на кухню, садится на корточки и заглядывает под стол. Как бы там ни было, она почему-то рада, что Минта там тоже нет.

С каждой секундой делается все темнее и темнее. Наверное, и вправду нужно включить свет. Она проходит комнату за комнатой, включает свет, идет дальше. У нее такое ощущение, что Минт опережает ее, покидает каждую комнату, как только она попадает туда.

Наконец она его находит или это он находит ее? Они находят друг друга в комнате отдыха. Вот Имми одна, а в следующую минуту там Минт. Он стоит так близко, что она невольно делает шаг назад.

Минт исчезает. Затем снова появляется. Он еще ближе, чем раньше. Они стоят нос к носу. Вернее, нос к подбородку. Он не намного выше ее. Но она видит сквозь него: диван, велотренажер и швейный столик. Он не должен стоять так близко, думает она. Но ведь ее не должно здесь быть.

Все это неправильно. Но это не по-настоящему. Значит, все хорошо.

— Это я, — зачем-то повторяет Имми. — Я, э-э... Я хотела посмотреть, как ты... Э-э... Все ли с тобой в порядке.

Он моргает. Улыбается. Указывает на нее, затем протягивает руку, и та проходит прямо сквозь нее. Она втягивает живот. Он исчезает. Она оборачивается и снова видит его, он стоит перед входом в чулан.

Когда она протягивает руку, чтобы открыть дверь, он снова исчезает. Он там, в чулане, стоит перед своим гробом. Вот его снова нет. Она открывает крышку, и видит там его тело. Теперь ей понятно, чего он от нее хочет. Она запускает пальцы в его волосы, находит ту кнопку.

В голове у нее помутилось, и она стоит, не в силах шевельнуться и вытащить пальцы из его волос. И в этот момент он открывает глаза. И первое, что Минт, Бойфренд-Призрак Эйнсли, говорит Имми, это:

— Ты.

— Я? — шепчет Имми.

— Ты здесь, — говорит Минт.

— Я должна была тебя увидеть, — отвечает Имми.

Она поспешно выбегает из чулана, потому что не хочет разговаривать с Бойфрендом-Призраком Эйнсли, стоя возле гробов, в которых лежат Бойфренд-Вампир и Бойфренд-Оборотень, тоже чужие. Минт следует за ней. Он потягивается, поднимает руки, вытягивает шею, как делают обычно Бойфренды — словно они настоящие мальчики, которые, к сожалению, слишком долго пролежали в гробах.

— Я кое-что с тобой сделала, — говорит Имми. — Кольцо.

Минт подносит пальцы к губам. Открывает рот, широко зевая. Чувствует ли он, что оно у него во рту? Кольцо из волос. От этой мысли у Имми к горлу подкатывает тошнота.

— Ты это сделала, — соглашается он.

Имми едва держится на ногах, приходится сесть.

— Да, я кое-что сделала, — говорит она. — Я хотела что-нибудь сделать, потому что... ну, из-за Эйнсли. Я собиралась что-нибудь сделать. Но что я сделала?

— Я здесь, — говорит Минт. — Мы здесь. Мы здесь вместе.

И продолжает:

— Мы не должны быть здесь.

— Почему не должны? Потому что ты Бойфренд Эйнсли? — спрашивает Имми. — Или ты имеешь в виду, что мы не должны быть именно здесь? В этом доме? Или ты хочешь сказать, что тебя вообще не должно здесь быть? Потому что ты призрак. Настоящий призрак?

Минт не отрываясь смотрит на нее. Настоящий призрак в теле искусственного парня? Это она сделала? Это выражение в его глазах — оно настоящее? У него самые красивые глаза на свете, Имми никогда не видела ничего подобного. Ладно, пусть они сделаны из силикона или это мешочки, наполненные цветным гелем и микроэлектронными компонентами, но что с того? Насколько это на самом деле отличается от жидкой части стекловидного тела, хрусталика, палочек и колбочек?

Бойфренды даже могут заплакать, если тебе этого хочется.

Имми так отчаянно хочется в это верить. Больше, чем ей когда-либо чего-либо хотелось.

— Кто ты? — спрашивает она. — Чего ты хочешь?

— Мы не должны быть здесь, — повторяет Минт. — Мы должны быть вместе. — Он касается своего рта. — Мое место рядом с тобой.

— Ох, — говорит Имми. — Подожди. Подожди.

Теперь она уверена, что кто-то ее разыгрывает. Может, Эйнсли каким-то образом узнала, что она собирается прийти? Может, она запрограммировала Минта, велела

ему все это сказать, а теперь прячется где-нибудь вместе с Элин и Скай. Они наблюдают за всем этим, смотрят, как Имми ведет себя точно последняя дура. Ужас!

— Я люблю тебя, — говорит Минт. А потом добавляет, будто соглашаясь с самим собой: — Я люблю *тебя*. Мое место рядом с тобой. Не оставляй меня одного с ней.

Внутри каждого живого человека живет призрак, разве нет? Так почему внутри искусственного мальчика не может таиться настоящий призрак? Почему настоящий призрак в теле искусственного мальчика не может влюбиться в Имми? Джастин же влюбился. Почему Имми не может хотя бы раз получить то, чего хочет?

Почему Минт не может получить то, чего хочет?

Когда они сидят с Минтом на диване так близко, что почти касаются друг друга, у Имми складывается план. Она едва может дышать. Она рассматривает пальцы Минта, полукружия у основания ногтей, рисунок кожи на кончиках пальцев. Линии на ладонях. То, как вздымается его грудь, когда он дышит. Так смотреть на настоящего парня, как Имми смотрит на Минта, было бы попросту невозможно. Настоящий парень обязательно спросил бы, почему ты на него таращишься.

Ей хочется задать Минту столько вопросов. Кто ты? Как ты умер? Как тебя зовут на самом деле? Что заставило тебя полюбить меня?

Ей хочется столько ему рассказать.

У них будет на это время. Позже.

Отец пишет ей эсэмэску, что минуты через две подъедет к дому Эйнсли. Сейчас уже нет времени. Когда Минт возвращается в гроб, Имми готовится перевести его обратно в спектральный режим. Она больше не может ждать. Она целует его и нажимает кнопку. На самом деле

это ее первый настоящий поцелуй. Джастин не считается. Борьба губами не в счет.

Она целует Минта прямо в губы. У него сухие, мягкие, прохладные губы. Это все, чего она хотела от поцелуя.

Когда она спускается по лестнице, отцовская машина как раз останавливается на подъездной дорожке. Но прежде чем она доходит до двери, Минт снова появляется перед ней в темном коридоре, только теперь в виде призрака. На сей раз он сам ее целует. Это призрак поцелуя. И хотя на этот раз она ничего не чувствует, этот поцелуй тоже именно такой, каким она представляла себе идеальный поцелуй.

По пути домой отец спрашивает:

— Как дела у Эйнсли?

— Эйнсли — это Эйнсли, — отвечает Имми. — Ну ты знаешь.

— Было бы странно, если бы она была кем-то другим, — говорит папа. — Ей все еще нравятся эти... как их там... Любовники?

— Бойфренды, — говорит Имми. — Ей подарили нового на день рождения. Не знаю даже. Может, они ей уже не так нравятся, как раньше...

Папа говорит:

— Ну а у тебя что? Есть бойфренды? Настоящие?

— Не знаю, — отвечает Имми. — Был один парень, Джастин, но... э... это было давно. Он... ну... как тебе сказать... Это было несерьезно. Так, потусовались немножко. А потом расстались.

— Настоящая любовь, а?

То, как он это говорит — шутя, — так бесит Имми, что ей хочется закричать. Она щиплет себя за руку, отворачивается и прислоняется лбом к прохладному темному

оконному стеклу. Дрожит. Все в порядке — ей удастся взять себя в руки.

— Папа... Можно задать тебе вопрос?

— Валяй.

— Ты веришь в привидения?

— Ни разу ни одного не видел, — говорит он. — Да как-то и не хочется. Мне хочется думать, что мы не болтаемся тут после, ну... после смерти. Мне хочется думать, что мы попадаем в какое-нибудь новое место. Путешествуем.

— Можно задать еще один вопрос? Как понять... в смысле, любовь ли это?

Отец поворачивается, чтобы посмотреть на нее, затем кивает, словно она только что рассказала ему что-то, о чем даже не подозревала. Потом снова смотрит на дорогу.

— Сегодня такая ночь, да? Кому это в голову приходят великие мысли о любви и смерти? Тебе или Эйнсли?

— Мне. Наверное...

— Имми, ты знаешь, что такое любовь.

— Знаю?

— Ну конечно, знаешь. Ты ведь любишь маму, ты любишь нас с мамой, правда? Ты любишь Эйнсли. Любишь своих друзей.

— Да, иногда я люблю своих друзей, — соглашается Имми. — Но я не такую любовь имею в виду. Я имею в виду, ну... Ты знаешь, мальчиков. Я говорю о такой любви, какой она бывает в книжках или фильмах. О любви, от которой хочется умереть. Из-за которой всю ночь не спишь, от которой у тебя кружится голова, кроме которой больше ничего не имеет значения.

— Ох, Имми, — вздыхает отец. — Это ненастоящая любовь. Это фокус, который тело проворачивает с разумом. Но это не плохой фокус — так у нас появляются

стихи и песни на радио и дети, и иногда это даже хорошие стихи и хорошая музыка. Дети — это, конечно, тоже хорошо, но, Имми, пожалуйста, тебе еще рано. Лучше пока занимайся музыкой и стихами.

— Господи, — говорит Имми, — я же не про секс. Я говорю о любви. Если такая любовь — всего лишь фокус, то, может быть, в жизни вообще все — фокус. Правильно? Все-все. Дружба. Семья. Вы с мамой должны меня любить, потому что иначе быть с вами хреново. Вы от меня не избавитесь.

Какое-то время отец молчит. Он терпеть не может проигрывать спор. Имми нравится, что он никогда не притворяется и не пытается ее обмануть.

— Некоторые умные люди утверждают, что все это действительно фокус. Но, Имми, если это правда, это самый лучший фокус, который я знаю. Мы с твоей мамой тебя любим. Ты любишь нас. Вы с Эйнсли любите друг друга. И однажды ты встретишь мальчика или, не знаю, может быть, девочку и полюбишь этого человека. И если тебе повезет, он ответит тебе взаимностью.

— Иногда я не люблю Эйнсли, — признается Имми. — Иногда я ее ненавижу.

— Что ж, — говорит отец. — Это тоже часть любви.

Забавно, но собственный дом нравится Имми больше, чем дом Эйнсли. Она бы не хотела жить в доме Эйнсли, даже если бы там не было матери подруги. Но все же Имми рада, что большую часть времени все они болтаются в доме Эйнсли. Она не любит, когда собираются у нее. Ей не нравится, когда отец обменивается шутками с Эйнсли или когда мама говорит Скай, какая та красивая. Ей не нравится, как Элин криво усмехается, рассматривая коллекцию музыкальных дисков, которая принадле-

жит родителям Имми. Как-то за обедом Имми спросила родителей, не думают ли они, что было бы здорово соорудить веранду возле кухни. Родители лишь переглянулись. Отец сказал: «Конечно, Имми. Было бы здорово». Он сказал это серьезно, без всякой иронии.

Имми влюблена. У Имми есть тайна. Призраки существуют на самом деле, и мир полон волшебства, и есть ненастоящий мальчик, чьего настоящего имени она даже не знает, с кольцом из волос во рту, и он любит Имми, потому что она положила ему в рот кольцо. Он любит Имми, несмотря на то, что должен любить Эйнсли. Только представьте себе! У Имми наконец-то есть Бойфренд. И знаете, что? Это так прекрасно, и удивительно, и потрясающе, и пугающе, как она всегда себе это представляла, но и еще кое-что вдобавок. Это по-настоящему.

Прошлой ночью она почти не спала. В школьной столовой слишком шумно, флуоресцентные лампы горят слишком ярко, а от сэндвича, который она сделала себе на обед, пальцы пахнут старым салатом и майонезом.

Эйнсли, Элин и Скай не хотят говорить ни о чем, кроме вокалиста «O Hell, Kitty!». И сексуального парня, который пролил пиво на кофточку Скай, и мамы Эйнсли, которая хуже всех.

— Тебе надо было пойти с нами, — говорит Скай. — Они были просто *потрясающие*, Имми. — Неужели Скай теперь тоже фанатеет от музыки? Судя по всему, да.

Эйнсли говорит Имми:

— И никто еще даже не рассказал тебе по-настоящему одну жуткую историю! В общем, вернулись мы вчера домой, и я просто хотела убить маму. На самом деле мне до жути хотелось выкинуть ее из окна или отрезать ей голову и положить на несколько часов в микроволновку,

но... Ладно. Это невозможно, поэтому нам с Элин и Скай пришла в голову другая идея. Я собиралась включить Минта и сказать ему, чтобы он ее напугал. Но угадай, что произошло?

— Что? — спрашивает Имми, хотя и так уже все знает.

— Он уже был включен! В спектральном режиме! Это невозможно, ведь я же его выключила, помнишь? Я тебе говорила? Как же он опять включился? Жутковато, правда? Как будто настоящее привидение.

— Может, твоя мама его включила? — говорит Имми.

— Может, во всем виноват дворецкий? — говорит Элин.

Скай округляет глаза и говорит:

— Может, Бойфренд-Призрак Эйнсли — настоящий бойфренд-призрак?

Иногда Имми сомневается в искренности Скай. Нужно ли верить всему, что она говорит? Что, если она самый саркастичный человек из всех, кого Имми знает? Непонятно.

— Ну а *ты* чем занималась прошлой ночью? — спрашивает Элин. — Чем-нибудь интересным?

Этот вопрос может насторожить, вот только Джастин обедает через два столика от них. Он все время пытается встретиться взглядом с Имми. Элин это заметила, и она так скрежещет зубами, что это почти слышно. Может быть, она чувствует, как Имми счастлива? Как сильно ее любят? Имми намеренно отводит глаза от Элин, когда отвечает; посылает в сторону Джастина крошечную полуулыбку.

— Ну, — говорит она, — знаешь... Ничего особенного. Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

— Что они положили на эту пиццу? — возмущается Эйнсли. — Это не сыр! Я отказываюсь верить, что это настоящий сыр.

Осуществить план по спасению Минта — не такое уж сложное дело. Приближаются весенние каникулы, и Эйнсли с матерью поедут в Юту кататься на лыжах. Самое трудное — это ожидание.

Имми не может снова просить отца отвезти ее к Эйнсли, потому что Эйнсли недавно приходила к ним в гости и на протяжении всего обеда без умолку трещала о «черном бриллианте»*, полигамии и бизонах, так что даже если отец и забыл об этом, то мать — вряд ли. Но Имми уже выяснила, сколько стоит такси. Карманных денег ей точно хватит. И она может поехать днем, пока родители на работе.

Стоп, она же может поехать на велосипеде. Пару раз она уже ездила к Эйнсли на велосипеде. Это вполне реально.

А такси нужно вызвать к дому Эйнсли, когда она будет готова уйти оттуда вместе с Минтом. Простые планы — хорошие планы. Нужно купить сумку, достаточно большую, чтобы в нее поместился Минт, и не забыть захватить с собой одеяла. Хорошо, что Бойфренды весят гораздо меньше, чем кажется, так что таксист поможет.

Не забыть взять денег на чаевые.

Дальше — в «You-Store-It», где у матери Эйнсли есть складское помещение, такое большое, что в нем может поместиться целая цирковая труппа. Имми несколько раз была там с Эйнсли. Они отвозили туда лампы, ковры или уродливые произведения искусства, когда матери Эйнсли вдруг приходило в голову сделать в доме перестановку. Там есть как минимум один вполне удобный

* «Черный бриллиант» — североамериканское обозначение трасс для лыжников со средним и продвинутым уровнем мастерства. Эквивалент «красной» трассы в Европе.

диван. В стене есть электрические розетки, так что Минт сможет заряжаться.

Ключ от контейнера в «You-Store-It» висит в прачечной в доме Эйнсли. Все ключи в доме Эйнсли помечены этикетками. (Мама Эйнсли хранит все свои онлайн-пароли на листочке, приклеенном к монитору, — складывается впечатление, что они хотят максимально облегчить людям задачу.)

А склад «You-Store-It» расположен не очень далеко от дома Имми. В миле или в двух, потом можно запросто ездить туда на велосипеде.

Конечно, это только временное решение проблемы, но пока сойдет, а потом Имми придумает что-нибудь получше. Она нервничает: а вдруг ничего не получится? Пытается выбросить из головы тревожные мысли, не позволяет себе думать о возможной неудаче. Когда наступят весенние каникулы, у нее будет замороженный йогурт, и глупые фильмы по вечерам, и походы в комиссионные магазины со Скай и Элин, а потом будет Минт. Будь он настоящим парнем, он бы, конечно, тоже мог вместе с ними заниматься всеми этими настоящими делами. Но он ненастоящий, и он не может, но это ничего. Она согласна на то, что есть, и будет этому рада, потому что любовь — это не удобство, и замороженный йогурт, и реальная жизнь. Суть любви — не в этом.

До начала весенних каникул Имми видится с Минтом дважды. Это облегчает ожидание. В первый раз — когда Эйнсли приглашает ее в гости, чтобы Имми помогла ей принять решение насчет волос. Мать разрешила Эйнсли покрасить прядь, только одну прядь, на время весенних каникул. Эйнсли никак не может выбрать цвет: красный или зеленый.

— Стоять или идти, — говорит Имми, глядя на тюбики краски «Manic Panic».

— Что? — переспрашивает Эйнсли.

— Что ты хочешь выразить через свои волосы? — спрашивает Имми. — Зеленый — значит «идти», красный — «стоять».

Эйнсли отвечает:

— Я не собираюсь делать никаких заявлений. Просто хочу знать, что будет лучше смотреться, понятно? Зеленый — это не слишком странно?

— Мне нравится зеленый, — говорит Имми. — Подходит к твоим глазам.

— Думаю, мне нравится красный, — говорит Эйнсли.

Пока они ждут, когда подействует осветлитель, Эйнсли отводит Имми в комнату отдыха. Все это время Имми старалась не думать о Минте. А теперь Эйнсли ведет ее прямо к нему.

— Я просто хочу проверить, — говорит Эйнсли. — Теперь я каждый день проверяю. Иногда даже по два раза. Он все время выключен. Но я все равно должна проверять. Вчера я проснулась в три часа ночи и почувствовала, что должна спуститься сюда и проверить.

Она откидывает крышку гроба с таким видом, словно ожидает застать Минта за каким-то нехорошим занятием. Его глаза, конечно же, закрыты. Разве он может включиться сам?

Где он, когда его здесь нет? Имми больно видеть его в таком состоянии, выключенным, словно он просто какая-то дурацкая игрушка.

Осветляемая часть волос Эйнсли, обернутая фольгой, торчит почти перпендикулярно голове. Имми представляет, как дергает за нее. Слышит, как Эйнсли взвизгивает. А Минт все равно не проснется. Так в чем смысл?

Эйнсли тыкает Минта в голову, словно убивает паука. Поворачивается к Имми и пожимает плечами.

— Я знаю, что веду себя как дура. Это просто немного дефектный Бойфренд. Он даже не очень симпатичный, правда? Оливер намного симпатичнее. Сама не знаю, почему я так сильно его хотела.

Наверное, если бы Имми сейчас что-нибудь сказала, Эйнсли просто отдала бы ей Минта.

Эйнсли говорит:

— Я спросила маму, не можем ли мы продать его на eBay, и она закатила истерику. Вела себя так, будто хуже меня никого на свете нет. Все повторяла, сколько она за него заплатила, как трудно было его разыскать и какая я неблагодарная — никогда не ценю, как она старается, чтобы я была счастлива. Ну мне, разумеется, пришлось сделать вид, что я пошутила.

Что ж, понятно.

Имми говорит:

— Идем. Думаю, пора смывать осветлитель.

Она бросает последний взгляд на Минта, прежде чем Эйнсли снова закрывает гроб. А Эйнсли все никак не может решить, в какой цвет красить волосы: теперь она уже больше склоняется к зеленому, потом опять выбирает красный, потом зеленый и снова красный. Им обоим нравится, как выглядит конечный результат — точно длинная струйка крови.

Спустя два дня в школе Эйнсли с негодованием рассказывает подругам, что ее мать тоже сделала себе красную прядь. От злости она даже рыдает. Все ее обнимают и утешают, а потом Имми помогает ей отрезать красный локон ножницами, найденными в художественном классе. В тот момент все, чего хочет Имми, это чтобы Эйнсли была так же счастлива, как она сама.

В следующий раз она видится с Минтом через два дня после этого. На часах четыре утра. Какая ужасная глупость — ехать шесть миль в темноте до дома Эйнсли. Но ведь она сделала это ради любви. Это можно считать испытанием. Имми заходит в дом. Она призрак. С трудом подавляет в себе желание зайти в комнату Эйнсли, чтобы постоять возле ее кровати и посмотреть на нее, пока она спит. Когда Эйнсли спит, она почти красавица. Имми всегда так считала. Ей уже доводилось видеть Эйнсли спящей.

Она спускается по лестнице в комнату отдыха и включает Минта в спектральном режиме. Он появляется незамедлительно, стоит около дивана и смотрит на нее.

— Привет, — говорит она. — Я должна была прийти. Все в порядке. Я просто должна была с тобой увидеться. Это все. Я по тебе скучаю. Сегодня пятница. Я вернусь в понедельник, и все будет хорошо. Мы будем вместе. Ладно?

Ее Бойфренд-Призрак кивает. Улыбается ей.

— Я люблю тебя, — говорит она. Он безмолвно отвечает.

Ей следует выключить его, но Имми не может заставить себя это сделать. Вместо этого она возвращается в чулан, открывает гробы, в которых лежат Оливер и Алан. Находит пальцами их кнопки и включает обоих. Потом как можно скорее закрывает дверь в чулан, чтобы они ее не увидели, не узнали, кто это сделал. Она снова поднимается по лестнице, выходит за дверь, возвращает ключ на место под камень и едет прочь, бешено вращая педали. Когда она возвращается домой, уже встает солнце.

Она с удовлетворением думает: то-то Эйнсли удивится.

Но Эйнсли молчит. Эйнсли все никак не придет в себя после той истории с матерью и волосами. А может, дело в Бойфрендах? Так или иначе, Эйнсли сейчас просто необходимо общество подруг. После школы Имми, Скай и Элин угощают ее йогуртом. Завтра Эйнсли с матерью уезжают в Юту. Имми хочется вскочить на стол и танцевать. В кафе звучит песня, в общем-то неплохая. Хорошо бы узнать, кто ее поет, но если Имми спросит, Элин — а может, и все остальные — посмотрит на нее весьма недвусмысленно: неужели тебе нравится *эта* песня? Что, правда? Но Имми она нравится. На самом деле нравится. Правда.

В воскресенье ночью она никак не может заснуть. Снова и снова прокручивает в голове план действий. Пытается предусмотреть, что может пойти не так, чтобы заранее это исправить. Из головы не выходит страшная мысль: а что, если после того, как Имми включила всех Бойфрендов, Эйнсли сделала что-нибудь ужасное? Например, все-таки уговорила свою мать пожертвовать их всех на благотворительность? Или еще что-нибудь похуже? Но все идет по плану: гробы на месте, там, где и должны быть. Все Бойфренды — Алан, Оливер и Минт — выключены. Такси довозит Имми до склада «You-Store-It», и она погружает сумку с Минтом на гидравлическую тележку, и ключ идеально проворачивается в замке, и что с того, что на складе пахнет пылью и плесенью, а повсюду разбросан всякий хлам? Она расстегивает сумку, нажимает на кнопку и ставит Минта в воплощенный режим.

И все происходит так же, как в комнате отдыха. Как в первый раз, когда они оказались наедине друг с другом. Как легко чувствуешь себя с Минтом! Имми уже разо-

брала диван, включила в сеть одну из красивых ламп, вкрутила принесенную из дома лампочку. Она даже принесла для них одеяло, если вдруг на складе станет холодно. Ну то есть одеяло она принесла для себя. Минту никогда не бывает холодно.

Теперь, когда они, наконец, одни и могут спокойно поговорить, а впереди еще столько времени, и она может провести здесь несколько часов, прежде чем должна будет вернуться домой, ей не терпится задать ему один из вопросов, которые давно мучают ее. Не про холод, разумеется. Про его имя.

Они сидят на диване лицом к лицу. Держатся за руки, как обыкновенные парень и девушка. Хотя это не очень похоже на то, как обычно держатся за руки, потому что Минт сделан из силикона и пластика, из трубок с гелем, из металлических прутьев, проводов и чего-то подобного, и если она попытается представить, что его рука настоящая, это будет странно, но это неважно.

И она, конечно же, знает, что он не чувствует ее прикосновения, но, наверное, для него это что-нибудь значит. То, что он держит ее за руку. Так же как это что-то значит для нее. Потому что он одновременно настоящий и ненастоящий.

Все хорошо. Сойдет. Лучше, чем она могла себе представить.

Она спрашивает, как его зовут. По-настоящему.

— Я не помню, — говорит он. — Я много чего не помню. Я помню тебя. Только тебя.

Она немного разочарована, но не хочет, чтобы он об этом знал.

— Ты не против, если я и дальше буду называть тебя Минтом?

Это всего лишь дурацкое имя, которое придумала Эйнсли, но, подумав об этом, Имми понимает, что думает о нем именно как о Минте. Теперь уже ей кажется странным называть его другим именем.

— Ты что-нибудь помнишь о том времени, когда был жив?

Он говорит:

— Было холодно. Я был один. А потом появилась ты. Мы были вместе.

— Ты помнишь, как ты умер?

— Я помню любовь.

Имми не хочет знать о других девушках. Девушках, которых он знал, пока был жив. Даже если они уже умерли.

— Я еще никогда не была влюблена. Никогда раньше я себя так не чувствовала.

Ужасная рука сгибается, его пальцы обхватывают ее пальцы. Интересно, откуда он знает, как сжимать руку? Делает ли это Минт или какая-то базовая подпрограмма Бойфрендов? Ну не то чтобы это было так важно.

— Я могу остаться на некоторое время, — говорит она. — А потом мне надо домой.

Он смотрит на нее так, словно хочет, чтобы она никогда не уходила.

— Что ты будешь делать, когда я уйду? — спрашивает Имми.

— Я буду ждать, — говорит он. — Я буду ждать твоего возвращения.

Она говорит:

— Обещаю, что вернусь как можно скорее.

— Останься, — говорит он. — Останься со мной.

— Хорошо, — соглашается Имми. — Останусь, сколько смогу.

Наконец, когда он смотрит на нее, она говорит:

— Чего бы тебе хотелось делать? Ты лежал в чулане у Эйнсли... Сколько? Месяц? А где ты был до этого? До того, как Эйнсли включила тебя, а я положила тебе в рот кольцо? Странно, наверное, об этом говорить?

— Я твой, — отвечает Минт. — Ты моя. Ты можешь говорить со мной, о чем захочешь.

И Имми рассказывает ему обо всем, что ее тревожит. О чувствах, которые она испытывала в этом году. О Джастине. Об Эйнсли. О том, как иной раз сама не понимает, кто она. Все это время они держатся за руки. А затем, перед уходом, она переводит Минта обратно в спектральный режим. Так он сможет обследовать склад, пока ее нет, если ему захочется. Спектральный режим покрывает три тысячи квадратных миль — это одна из клевых возможностей Бойфренда-Призрака. Имми прочла все, что ей удалось найти в Интернете про Бойфрендов-Призраков. Она и раньше все это читала, но многое воспринимает теперь иначе.

В Интернете много дискуссий на тему эффекта «зловещей долины», кукол, того, как нарисованы персонажи видеоигр. Того, что слишком похоже на живых людей: ужасной пропасти между настоящим и почти настоящим. Судя по всему, Бойфренды-Вампиры, Бойфренды-Оборотни и Бойфренды-Призраки не попадают в категорию «зловещей долины». У человека в среднем сорок три лицевые мышцы. У Бойфренда их пятьдесят. Они должны быть реалистичнее настоящих людей. Или как-то так. Их головы чуть больше по размеру. Глаза тоже побольше. Чтобы ты испытывала какие-нибудь добрые чувства, когда на них смотришь. Ну при взгляде на младенца.

Имми подписалась на две разные рассылки, ориентированные на тех, у кого есть Бойфренды. Она представляет, как весело будет выкладывать в Сеть все те милые вещи, которые говорит Минт, то, как они развлекаются вместе.

Это лучшая неделя в жизни Имми. Она общается с Элин и Скай. Эйнсли пишет им эсэмэски обо всех кошмарных поступках ее матери. А Имми проводит столько времени, сколько может, на складе со своим Бойфрендом. Со своим парнем.

На складе темно и страшно, но Минту, похоже, все равно. Ведь до этого он жил в гробу в чулане. Ему почти не с чем сравнивать. Он рассказывает ей о том, что хранят у себя в контейнерах другие люди, арендующие место на складе. Судя по всему, много роялей. И учебников. Минт с радостью перечисляет все, что он обнаружил. А Имми с радостью сидит и слушает, как он все говорит и говорит про пустые аквариумы, и старые кресла из стоматологического кабинета, и коробки с плюшевыми игрушками серии «Бини Бэйбис».

Когда она встречалась с Джастином, он все время говорил о своих любимых видеоиграх. Она тоже играла в некоторые из них, иногда у нее даже хорошо получалось, но это не было похоже на нормальный разговор. Джастин никогда не давал ей ничего сказать.

Имми удастся найти ту песню, которая играла в кафе, где они ели замороженный йогурт. Она скачивает ее на телефон, включает для Минта, и они медленно танцуют в очень тесном пространстве, еще не занятом всякой хреновенью, принадлежащей матери Эйнсли.

— Мне очень нравится эта песня, — говорит она.

— Это хорошая песня, — говорит Минт. — Ты хорошо танцуешь. Я так долго ждал, чтобы потанцевать с тобой.

Он обнимает Имми за талию. Он тоже хорошо танцует, может, даже лучше, чем Оливер, и Имми наклоняет голову так, чтобы та касалась его плеча.

— Какая из прядей твоя? — спрашивает она.

Минт отвечает:

— Я твой. Только твой.

— Нет, — говорит Имми. — Кольцо. Какая из прядей твоя? Светлая или черная?

— Светлая прядь, — говорит Минт. — Черная.

— Ладно, неважно, — говорит Имми.

Она целует его плечо, обнимает его крепче. От Минта ничем не пахнет, и это кажется ей немного странным. Что ж, наверное, это хорошо. Если настоящего мальчика держать взаперти на складе, пришлось бы придумать, как он будет принимать душ. К тому же его нужно кормить. Хотя от Минта, наверное, слегка начинает пахнуть складом. Легкий запах плесени. Может, Имми следует купить ему одеколон.

Он все еще одет в черный похоронный костюм, в котором его привезли. Может, она могла бы купить ему в комиссионке футболки и джинсы. Хотя она с трудом представляет себе Минта в футболке.

Через два дня должна вернуться Эйнсли, и Имми в смятении гадает, что будет дальше. Вряд ли Эйнсли подумает, что это Имми забрала Минта. С чего бы ей так думать? Но все равно могут возникнуть трудности. Опять же склад — не решение проблемы навечно. В любом случае, когда закончатся весенние каникулы, у Имми не будет возможности просто приходить на склад и проводить там весь день.

Когда она говорит обо всем этом Минту, он молчит. Он верит, что она что-нибудь придумает.

Он говорит:

- Останься со мной. Не покидай меня никогда.
Он говорит:
— Я никогда тебя не покину.

Той же ночью она решает, что должна проведать Минта. Они еще не проводили ночь вместе. Все равно ей не спится. Может, время самое подходящее. Они могли бы вместе лежать на диване, а потом она заснула бы, положив голову ему на плечо. Она могла бы проснуться в его объятиях.

Страшно холодно. Имми едет на велосипеде по пустым улицам. Кругом ни души. Ее никто не видит. Она могла бы залезть в чей-нибудь дом. Отрезать у кого-нибудь прядь волос, пока они спят. Залить очиститель труб в аквариум или насыпать соль в сахарницу. Ей все по силам! Она могла бы пойти в самые разные места. Отправиться на поиски приключений. Натворить кучу дел.

Склад «You-Store-It» после полуночи похож на дворец. Мавзолей. Готический, атласно-черный, полный тайн, принадлежащих другим людям. Но у нее самая прекрасная тайна.

Когда она добирается до контейнера, изнутри слышны чьи-то голоса. Голос. Кто-то разговаривает. Минт разговаривает. Минт с кем-то разговаривает. Все, что он произносит, ей хорошо знакомо.

- Я люблю тебя. Только тебя.
— Я люблю только тебя.
— Останься со мной. Никогда не покидай меня.
— Теперь мы вместе. Я никогда тебя не покину.
— Я люблю тебя.

Как странно, ведь Имми перевела Минта в спектральный режим. И с кем он вообще разговаривает? Все эти слова он обычно говорит Имми. Это все неправильно. Что-то не так.

Она отпирает дверь, поднимает ее. И что-то действительно не так, потому что вот ее Бойфренд-Призрак стоит в темноте в воплощенном режиме, а вот ее Бойфренд-Призрак в спектральном режиме. Вот только призрак — это не ее Бойфренд-Призрак. Это девушка. Ее плохо видно. Хуже, чем обычно видно Минта. Луч фонаря в руках Имми пронзает девушку-призрака в воздухе. Глаза. Светлые волосы.

Призрак протягивает руку в сторону Минта. Касается пальцами его губ.

Имми, может, и дура, но она не *дура*. Она сразу же понимает, какую ошибку совершила. Какую ошибку ей было *позволено* совершить. Те три волоска, два черные и один светлый... Судя по всему, Имми наградила Бойфренда-Призрака Эйнсли не одной настоящей душой — она наградила Бойфренда-Призрака Эйнсли двумя настоящими душами.

В нее никто не влюблен. Она не является ничьей девушкой.

Это не ее история любви.

Она подходит прямым к Бойфренду-Призраку, Минту, или как его там. И к той другой девушке. К той мертвой девушке. Какая разница, кто она такая. Она ничем не может навредить Имми. Но Имми может навредить ей. Неважно, есть у нее тело или нет.

— Имми, — говорит Минт.

— Заткнись, — говорит она. И засовывает пальцы прямо в его предательский рот.

Он больно кусает ее. А потом поднимает руки, и она чувствует, как вокруг ее горла смыкаются чьи-то пальцы. Пальцы Минта.

Она думает: они не должны этого делать! Имми охватывает такая ярость, что она даже не испытывает страха.

Пальцы Имми проникают под извивающийся язык и в тайное отделение, и она, схватив кольцо из волос, вырывает его изо рта Минта, и, словно по волшебству, девушка-призрак исчезает, а Бойфренд-Призрак становится обыкновенной *вещью*. Он просто стоит неподвижно. Его руки вокруг ее шеи ослабли, рот слегка приоткрыт.

Имми кладет кольцо волос к себе в карман. Ее пальцы пульсируют от боли, но она может их согнуть, значит, они не сломаны.

Она наедине с Бойфрендом-Призраком. Он нависает над ней, будто ждет, что она снова включит его. А двое влюбленных? Те два призрака? Здесь ли они еще? Имми стремглав бежит со склада.

Она едет на велосипеде по темным улицам и все время плачет. По лицу размазаны слезы и сопли. Какая же она дура! Хуже всего то, что она никогда никому не сможет об этом рассказать. Даже *Эйнсли*.

Дома она тщательно моет руки. Достает из шкафчика в ванной ножницы для ногтей и щипцы. Держа кольцо из волос под лупой, она щипцами выдергивает из него все светлые волоски. *Они здесь?* Она надеется, что да. Она разрезает светлую прядь ножницами, вытаскивает все до последнего светлые волоски. Теперь у нее есть черное колечко и крошечная горстка остатков светлой пряди. Черные волосы возвращаются на свое место в медальоне, прикрепленном к ошейнику, который она купила для *Эйнсли*. Потом она перерывает свою шкатулку с украшениями в поисках ожерелья, которое она все время носила

в прошлом году. Оно похоже на сумочку для лекарств, подвешенную на кожаном шнурке. Она кладет туда все светлые волосы. Все до единого.

После этого она ложится в кровать. Свет не гасит. Когда она засыпает, снова оказывается в машине, которая мчится по залитой лунным светом дороге. На пассажирском сиденье сидит Минт. На заднем сиденье — кто-то еще. Она не смотрит ни на кого из них. Просто едет дальше, гадая, где она окажется, когда доберется до места назначения.

Утром она все объясняет отцу. Вернее, не все. Только про Бойфренда-Призрака и контейнер на складе. Она говорит, что это часть розыгрыша, который задумали они с Элин и Скай, но теперь она поняла, что это очень плохая идея. Эйнсли бы психанула. Она объясняет, что Эйнсли сейчас очень ранимая. Последствия тяжелого разрыва.

Отец ею гордится. Они едут на склад и забирают Бойфренда-Призрака. После того как они отвозят его обратно в дом Эйнсли и возвращают его в гроб в чулане, отец угощает Имми замороженным йогуртом.

С лыжного отдыха Эйнсли возвращается с загаром, ведь она привыкла делать много дел сразу.

Во время обеда они сидят на солнышке в пальто и шарфах, потому что снова находиться в помещении, снова вернуться в школу — тяжело.

— Вот, — говорит Имми. — С днем рождения, Эйнсли. Наконец я его нашла.

Это крошечная коробочка, она не стоит таких усилий, но Эйнсли делает то, что делает всегда. Разворачивает ее так осторожно, что можно подумать, будто в подарках

ей больше всего нравится оберточная бумага. Она вынимает ошейник, и все охают и ахают. Когда она открывает медальон, Имми говорит:

— Это, наверное, неправда, но это должны быть волосы Бэма Маллера. — Бэм Маллер — вокалист группы «O Hell, Kitty!». Она проверяла — у него черные волосы.

— В общем-то, гадость, — говорит Эйнсли. — Но в то же время круто. Спасибо, Имми.

Она надевает ошейник, и все восхищаются тем, как он смотрится на ее длинной белой шее. Никто не заметил маленькие синяки на шее Имми. Их плохо видно.

— Не за что, — говорит Имми и крепко обнимает Эйнсли. — Я так рада, что ты вернулась.

— Ну вы совсем как лесбиянки, — говорит Элин.

Скай все рассказала про Элин и Джастина. Странно, но Элин не кажется счастливее. Наверное, все дело в его поцелуях. Хотя, когда закончится школа, Элин и Джастин все еще будут вместе. Все лето. А когда наступит Хэллоуин и Эйнсли устроит у себя дома вечеринку, Элин придет в костюме сексуальной Красной Шапочки, а Джастин — в образе злого волка.

Оливер, Алан и Минт тоже присутствуют на вечеринке. Эйнсли достает их впервые за долгое время. Имми танцует с каждым. С Минтом танцует дважды. Им особо нечего друг другу сказать.

Отличная вечеринка.

Скай сделала еще абсента. Она одета как девушка-ковбой. Мама Эйнсли — сексуальная ведьма, а сама Эйнсли без костюма. Или она в костюме, но никто не знает, кого она изображает. В какой-то момент Имми замечает на шее Элин тот самый ошейник, который она подарила Эйнсли на день рождения. Может, Элин взяла его по-

носить? А может, Эйнсли он надоел, и она подарила его Элин. Неважно. Это не имеет значения.

Имми надела свой мешочек для лекарств. Она часто его носит. Подавись, девушка-призрак. Имми выглядит очень хорошо. Она — суккуб. Ей постоянно приходится объяснять, что это такое, но ничего страшного. Главное, выглядит она потрясающе.

Джастин, например, не сводит с нее глаз. Она тоже поглядывает на него, слегка улыбаясь. Он отлично целуется, да еще и Элин чему-нибудь его научила. И все же сначала он был парнем Имми.

Два дома

Проснись, проснись.

Порция устраивает вечеринку в честь своего дня рождения. Вечеринка начнется без тебя. Проснись, Гвенда. Проснись. Скорее, скорее.

Тихая музыка. Запах теплого хлеба. Она могла бы быть дома. Сколько домов назад? В своей детской постели, пока мама печет хлеб внизу.

Гвенда — последний спящий человек на космическом корабле «Дом секретов» — открыла глаза. Сползла со своей узкой кровати. Поднялась — или упала — в камеру.

Камера тоже была маленькой и тесной, как ячейка в медовых сотах. Мягкий розовый свет, невидимые ящики, камера и кровати — и все пусты. Астронавт по имени Гвенда вытянула руки, потерла голову. У нее снова отросли волосы. Иногда она представляла себе койку, забитую массой волос. Под их удушающей тяжестью проходили столетия.

Теперь она еще чувствовала запах старых книг. Библиотека. В ее голове вместе с ней была Морин, которая смотрела на книги, наблюдала за ее сердечным ритмом, за тем, как сужаются зрачки. Морин была кораблем,

Домом и хранителем всех его секретов. Дух в воздухе; умиротворяющее гудение в подсознании; алхимическая последовательность запахов и излучений.

Гвенда сделала вдох. Снова потянулась, медленно выполняла сальто через голову. В ее крови, в ее нервной системе начались загадочные химические процессы.

Так обстояли дела на космическом корабле «Дом секретов». Ты спала, просыпалась и снова засыпала. Ты могла проспать год, пять лет. Всего было шестеро астронавтов. Иногда остальные просыпались раньше. Иногда ты проводила несколько дней, несколько недель в одиночестве. Но на самом деле ты никогда не бывала одна. С тобой всегда была Морин. Когда ты спала и когда просыпалась. Всегда.

Все ждут тебя в большом зале. Сегодня подают жареного карпа. Шоколадный торт.

— Запах прилива, — сказала Гвенда. — Мангровые деревья, море, подступающее к их корням. Я провела там лето.

Ты приехала с одним мальчиком, а уехала с другим.

— Верно, — сказала Гвенда. — Я и забыла. Это было так давно.

Сотню лет назад.

— Как долго! — сказала Гвенда.

Вовсе нет.

— Нет, — сказала Гвенда. — Совсем недолго. — Она коснулась волос. — Я спала...

На сей раз семь лет.

— Семь лет, — сказала Гвенда.

Аромат цитрусовых. Лаймовые деревья. Другие запахи, приятные запахи, исходившие от Мей и Салливана и Аун и Порции. Сиси. Химический состав их тел отрегулирован с целью создания гармоничных отношений. Они неизбежно должны были стать веселой группой.

Гвенда сбросила оковы долгого сна. Опустилась к изгибу переборки, нажала на ящик. Он открылся, и она вошла внутрь, чтобы привести себя в порядок, чтобы ее проверяли, вкалывали что-то, намыливали и обливали водой. Она избавилась от отросших волос, от нежного пушка на руках и ногах.

Так медленно, так медленно, нервничала Морин. Позволь мне избавить тебя от всего этого. Навсегда.

— Когда-нибудь, — сказала Гвенда. Она открыла судовой журнал, проверила таблицы своих подопытных, своего карпа.

Вот почему ты опять последняя. Вечно копаешься, Гвенда. Не проявляешь должного благоразумия в вопросах ухода за собой. Тебя все ждут. Ты пропускаешь все самое интересное.

— Аун просила финскую дискотеку, или финскую сауну, или северное сияние. Салливан играет с собаками. Мей болтает с кинозвездами или знаменитыми композиторами, а Порция ведет себя вызывающе. Там есть водопады, или красные деревья, или дельфины, — сказала Гвенда.

Цветы вишни. Вестминстерское собачье шоу. 2009. Побеждает суссекс-спаниель по кличке Ch Clussexx Three D Grinchy Glee. Сиси надеется, что ты поторопишься. Она хочет что-то тебе сообщить.

— Что ж, — сказала Гвенда. — Тогда мне и вправду лучше поторопиться.

Гвенда шла по коридору, Морин неотступно сопровождала ее. Зажегся свет, затем снова погас, и коридор за спиной у Гвенды погрузился во тьму. Была ли Морин золотым светом впереди или тьмой, что следовала за ней по пятам? За стеклянными стенами плавали карпы.

Затем она оказалась на камбузе, и большой зал был прямо над ней. Долговязая Сиси просунула голову через смотровое окошко.

— Новая татуировка?

Это старая шутка.

Гвенда была с головы до ног покрыта росписью. На ее теле можно было отыскать Дюрера и Доре, двух китайских драконов и кельтский крест, даму бубен, разорванную волками на восемь кусков, девочку на ракете на детской площадке, статую Свободы и флаг штата Иллинойс, цитаты из Льюиса Кэрролла, Апокалипсиса и сотни других книг и еще сотни различных чудес. На тыльной стороне правой ладони Гвенды был нарисован космический корабль «Дом секретов», а на левой — его близнец, «Дом тайн».

У Сиси была пара старых ковбойских сапог, у Аун — крест из слоновой кости на цепочке. У Салливана был экземпляр «Моби Дика», у Порции — четырехкаратный бриллиант в платиновой оправе. У Мей — вязальные спицы.

У Гвенды — татуировки. В полеты дальнего следования астронавты отправлялись налегке.

Чьи-то руки подняли Гвенду и втащили ее в большой зал, похлопали по спине, по плечам, коснулись головы. Здесь не было невесомости. Здесь был пол, и она стояла

на нем. Здесь был стол, а на столе — торт. Ее встретили улыбки на знакомых лицах.

Играла очень громкая музыка. Собаки с шелковой шерстью гонялись за цветочными лепестками.

— Сюрприз! — сказала Сиси. — С днем рождения, Гвенда!

— Но это не мой день рождения, — возразила Гвенда. — Это день рождения Порции.

— Небольшая ложь, — сказала Морин.

— Это моя идея, — сказала Порция. — Я придумала устроить тебе вечеринку-сюрприз.

— Что ж, — сказала Гвенда. — Я удивилась.

— Идем, — сказала Морин. — Идем, задуеть свечи.

Свечи, конечно же, были ненастоящие. Зато торт — настоящий.

Это была обычная вечеринка. Они все танцевали так, как можно танцевать только при микрогравитации. Всем было весело. Когда приготовили ужин, Морин прогнала финскую танцевальную музыку, собак, цветки вишни. Было слышно, как Шекспир сказал Мей: «Я всегда мечтал быть астронавтом». А потом он исчез.

Когда-то было два корабля. Стандартная практика в Третью эпоху космических путешествий — строить более одного корабля за раз, отправлять в долгий полет по два корабля вместе. Лишнее не мешает. Корабли-близнецы «Искатель» и «Вестник» — члены команд называли их «Дом секретов» и «Дом тайн» — покинули Землю летним днем 2059 года.

Близнец «Дома секретов» исчез внезапно, в мгновение ока. Был на месте, а в следующую секунду вдруг пропал, словно растворился, и потом его уже больше никто не видел. Это случилось тридцать лет назад. Космос полон тайн. Космос полон секретов.

На ужин они ели говядину «Веллингтон» (ненастоящую) со спаржей и молодым картофелем (настоящими) и булочки из дрожжевого теста (почти настоящие). Экспериментальные куры снова неслись, так что у них были вдобавок еще и яйца-пашот, а также шоколадный торт. Морин увеличила гравитацию, потому что даже искусственной говядине «Веллингтон» нужна подходящая гравитация. Мей бросала булочки в сторону Гвенды, сидевшей напротив нее.

— Ты только посмотри на это, — сказала она. — Иногда бывает приятно посмотреть, как что-нибудь падает.

Аун принесла сосуды с каким-то алкоголем. Никто не стал спрашивать, что в них. Аун работала с эукариотами и археями.

— Я сделала достаточно, чтобы немного нас оживить, — сказала она. — Совсем немного. Потому что сегодня у Гвенды день рождения.

— Совсем недавно у меня был день рождения, — сказала Порция. — Сколько мне вообще лет? А неважно, никто ведь не считает.

— Выпьем за Порцию, — сказала Аун. — Вечно молодую. Более-менее.

— За Проксиму Центавра, — сказал Салливан. — С каждым днем она все ближе. Но не настолько, как хотелось бы.

— За всех нас, Златовласок. И за планету, которая подходит нам по всем статьям.

— За настоящие сады, — сказала Аун. — С настоящими жабами.

— За Морин, — сказала Сиси. — И за старых друзей. — Она сжала руку Гвенды.

— За наш «Дом тайн», — сказала Мей.

— За «Дом тайн», — сказала Сиси. Остальные повернулись и посмотрели на нее. Сиси снова сжала руку Гвенды. Они выпили.

— Мы ничего тебе не подарили, Гвенда, — сказал Салливан.

— Мне ничего не нужно, — ответила Гвенда.

— А мне нужно, — сказала Порция. — Мне нужны истории! Только те, которых я раньше не слышала.

Сиси прочистила горло.

— Есть еще кое-что, — сказала она. — Мы должны кое о чем рассказать Гвенде.

— Ты испортишь ей день рождения, — сказала Порция.

— Что случилось? — спросила Гвенда Сиси.

— Ничего страшного, — сказала Сиси. — Ровным счетом ничего. Просто фокусы разума. Сама знаешь, как это бывает.

— Морин? — спросила Гвенда. — В чем дело?

Морин пронеслась по комнате, словно полный воодушевления бриз.

— Примерно тридцать один час назад Сиси была в диспетчерской. Она выполнила несколько рутинных задач, а затем попросила меня показать наш нынешний курс. Двенадцать секунд спустя я заметила, что ее сердечный ритм резко участился. Когда я спросила ее, все ли в порядке, она ответила: «Ты тоже это видишь, Морин?» Я попросила Сиси рассказать мне, что она видит. Сиси сказала: «Дом тайн». По правому борту. Он был

там. А потом исчез». Я сказала Сиси, что я его не видела. Мы повторно прокрутили запись, но там ничего не было. Я передала сообщение по всем каналам. Никто не ответил. В это время никто не видел «Дом тайн».

— Сиси? — спросила Гвенда.

— Он был там, — сказала Сиси. — Богом клянусь, я его видела. Словно смотрелась в зеркало. Он был так близко, что я почти могла его потрогать.

Все заговорили одновременно.

— Думаешь...

— Просто фокус воображения...

— Он исчез ни с того ни с сего. Помнишь? — Салливан щелкнул пальцами. — Почему они не могут точно так же вернуться?

— Хватит! — воскликнула Порция, бросая на них гневный взгляд. — Я не хочу больше об этом говорить, не хочу снова во всем этом копаться. Вы что, не помните? Сколько мы говорили и говорили, выстраивали различные теории, анализировали и разве что-нибудь изменилось?

— Порция! — сказала Морин. — Если ты расстроена, я могу разработать для тебя какую-нибудь формулу.

— Нет, — сказала Порция. — Мне ничего не нужно. Со мной все в порядке.

— На самом деле там ничего не было, — сказала Сиси. — Его там не было, и я бы предпочла его не видеть. — На нижних веках у нее повисли крупные слезы. Гвенда протянула руку и большим пальцем смахнула одну слезу.

— Ты пила? — спросил Салливан.

— Нет, — сказала Сиси.

— Да мы с тех пор и не прекращали пить, — сказала Аун. Она опустошила еще один сосуд. — Морин нас от-

резвляет, и мы снова карабкаемся в ту же гору. За ваше здоровье!

Мей сказала:

— Я рада, что это не я его видела. И я больше не хочу об этом говорить. Мы так давно не бодрствовали все вместе. Давайте не будем ссориться.

— Никаких ссор, — сказала Гвенда. — Долой мрачное настроение! Пусть это будет подарком на мой день рождения, пожалуйста.

Сиси кивнула.

— Теперь, когда мы во всем разобрались, — сказала Порция, — включи, пожалуйста, свет, Морин! Отведи нас в какое-нибудь новое место. Я хочу чего-нибудь замысловатого. Чего-нибудь с историей. Старый английский деревенский дом, пылающий камин, рыцарские доспехи, гобелены, колокольчики, овцы, болота, детективы в войлочных шляпах, Кэти стучится в окно. Ну ты понимаешь...

— Это не твой день рождения, — напомнил Салливан.

— Мне все равно, — сказала Гвенда, и Порция послала ей воздушный поцелуй.

По комнате снова промчался бриз. Пол поглотил стол. Округлые стены разошлись, формируя мебель и двух тяжело дышащих борзых. Комната превратилась в большую залу. На покрытых штукатуркой стенах висели обветшалые, старомодные гобелены. Вымощенный плиткой пол, почерневшие балки. Пылающий очаг. Через окно со средником можно было разглядеть садовника с учеником, они обрезали розовые кусты.

От камней исходил запах холода. Тисовое полено в камине, розы и пыль веков — все это источало свой, особый аромат.

— Хафмарк-хаус, — сказала Морин. — Построен в 1508 году. В 1575 году королева Елизавета останавливалась здесь во время поездки по стране, из-за чего семья Хафмарк едва не разорилась. В декабре 1942 года Черчилль провел здесь выходные. Осталось много фотографий. Когда-то этот особняк признали вторым по числу привидений в Англии. Здесь блуждают трое монахов, Серая дама, Белая дама, желтый туман и олень.

— Это именно то, чего я хотела, — сказала Порция. — Порхать, словно призрак, в старом английском особняке. Выключи гравитацию, Морин.

— Ты мне нравишься, — сказала Аун. — Но все-таки ты странная.

— Конечно, я странная, — сказала Порция. — Мы все странные. — Она свернулась колесом и прокатилась по комнате. Гвенда ненавидела, когда ее волосы вот так метались вокруг лица.

— Пусть каждый из нас выберет татуировку Гвенды, — сказала Сиси. — И сочинит историю.

— Чур феникс мой! — сказал Салливан. — С фениксом никогда не ошибешься.

— Нет, — сказала Порция. — Давайте рассказывать страшные истории. Аун, начинай. Морин может обеспечить спецэффекты.

— Я не знаю страшных историй, — проговорила Аун. — Я знаю истории про троллей. Нет. Подождите. Пожалуй, я знаю одну историю про призраков. Ее рассказывала моя прабабушка. Про ферму в Пирканмаа, где она выросла.

В большой зале сгустился мрак, и все они превратились в тени, дрейфующие среди теней. Сиси обняла Гвенду за талию. Садовники и кусты роз за высокими окнами исчезли. Теперь там виднелись аккуратная маленькая

ферма и каменистые поля, спускающиеся к сумеречной громаде хвойного леса.

— Да, — сказала Аун. — Именно так. Я была там один раз, еще в детстве. Ферма лежала в руинах. Теперь мир, наверное, снова изменился. Может быть, там стоит другая ферма, а может быть, все заросло лесом. В то время, когда происходит действие этого рассказа, моей прабабушке было лет восемь-девять. Какую-то часть года она ходила в школу, а остальное время вместе с братьями и сестрами работала на ферме. В ее обязанности входило выгонять коров на луг, богатый клевером и сладкой травой. Коровы были очень большими, а она — очень маленькой, но они всегда откликались на ее зов. Вечером она снова пригоняла стадо домой. Тропа шла вдоль горного хребта. По другую сторону раскинулся другой луг — он находился ближе к дому, но прабабушкина семья почему-то никогда не выгоняла коров туда, хотя пастбище казалось вполне пригодным. По лугу протекал ручей, и там росло старое дерево, величественное и древнее. Под деревом лежал камень, большая плита, чем-то похожая на стол.

За окнами Хафмарк-хауса на травянистом, низинном лугу образовалось дерево.

— Прабабушке этот луг не нравился. Иногда, глядя вниз, она видела, что за каменным столом сидят люди. Едят и пьют. Они были одеты в старомодные одежды, какие, наверное, носили еще во времена ее прабабки. Она знала, что эти люди давным-давно умерли.

— Фу, — сказала Мей. — Смотрите!

— Да, — спокойным, невыразительным голосом продолжала Аун. — Именно так. Однажды моя прабабушка — кстати, ее тоже звали Аун, мне надо было сразу сказать, — так вот, однажды Аун гнала коров домой

вдоль хребта и взглянула на луг. За столом сидели люди, которые ели и пили. Почувствовав на себе ее взгляд, они повернулись и посмотрели на нее. А потом принялись махать ей руками, словно приглашая спуститься к ним, сесть рядом и разделить с ними трапезу. Но прабабушка отвернулась и пошла дальше, а дома рассказала обо всем матери. И после этого водить коров на дальнее пастбище стал ее старший брат, мальчик, начисто лишенный воображения.

Люди за каменным столом теперь махали Гвенде, Мей, Порции и остальным. Салливан помахал им в ответ.

— Жуть! — сказала Порция. — Хорошая история. Морин, ты так не считаешь?

— Хорошая история, — согласилась Морин. — Мне понравились коровы.

— Да дело совсем не в них, Морин, — сказала Порция. — Ладно, неважно.

— Я тоже знаю одну историю, — сказал Салливан. — По сути она чем-то похожа на историю Аун.

— Ну ты можешь что-нибудь изменить, — сказала Порция. — Я не возражаю.

— Я просто расскажу то, что сам слышал, — сказал Салливан. — В общем, случилось это в Кентукки, а не в Финляндии, и там нет коров. Вернее, коровы есть, потому что речь тоже пойдет о ферме, но к истории они не имеют никакого отношения. Эту историю мне рассказал мой дед.

За окнами снова появились садовники. Они тоже привидения, подумала Гвенда. Они все приходят и уходят, делают одно и то же. Так ли чувствуют себя богатые: когда за тобой присматривает столько слуг, все они почти невидимки, практически привидения — на самом деле, совсем как Морин — а ты почти не обращаешь на них внимания?

Неважно, теперь они все призраки.

Они с Сиси лежали в воздухе, словно на подушке, обняв друг друга за талию, чтобы никуда не улететь. Они парили прямо над подрагивающими шелковистыми ушами борзой. Одну сторону тела — одну руку, одну ногу — окутывал жар, исходящий от очага, приятно грело щеку. Если что-нибудь *произойдет*, если в переборку врежется метеорит, если в длинной галерее вспыхнет пожар, если лопнет шов в обшивке корабля и всех их вынесет в открытый космос, смогут ли они с Сиси держаться друг за друга? Она решила, что сделает все возможное. Она будет держаться.

У Салливана был удивительный голос, как нельзя лучше подходивший для того, чтобы рассказывать истории. Он описывал ту часть Кентукки, где жила его семья. В основном они занимались охотой на диких свиней, которых в окрестных лесах было видимо-невидимо. По воскресеньям ходили в церковь. А потом разразился торнадо.

В окна Хафмарк-хауса стучал дождь. В покрывавших стекло каплях чувствовался запах озона. Деревья стонали и гнулись от ветра.

Когда торнадо прошел, в дом к деду Салливана явились люди. Сказали, что идут на поиски пропавшей девочки. Дед Салливана в то время был еще молод, и он отправился вместе с ними. Все охотничьи тропы исчезли. Часть леса торнадо сровнял с землей. Девочку нашла группа, в составе которой был дед Салливана. На нее рухнуло дерево, и ствол рассек ее тело почти надвое. Несчастная ползла по земле, цепляясь за нее ногтями. Они ничего не могли сделать, и девочка умерла у них на глазах.

— После этого случая, — сказал Салливан, — дед охотился в тамошних лесах всего раз или два, а потом и вовсе перестал. Он говорил, что знает, каково это — слышать шаги призрака, но раньше ему никогда не доводилось слышать, как призрак ползает.

— Смотрите! — вскрикнула Порция. За окном что-то ползло в потревоженной земле. — Убери это, Морин! Убери! Сейчас же!

Снова вернулись садовники со своими ужасными ножницами.

— Хватит с меня страшных стариковских баек, — сказала Порция. — Ладно?

Салливан оттолкнулся и подлетел к беленому потолку.

— Не проси страшных историй, если не хочешь их слушать, Порция, — сказал он.

— Поняла, — сказала Порция. — Поняла! Наверное, ты меня напугал. Так что, наверное, история была хорошая, да?

— Верно, — смягчившись, согласился Салливан. — Думаю, да.

— Бедная девочка, — сказала Аун. — Снова и снова переживать этот момент. Такого врагу не пожелаешь — быть призраком!

— Может, это не всегда плохо? — предположила Мей. — Может, есть призраки, которые хорошо приспособились к своему положению? Счастливые призраки?

— Я никогда не понимал, в чем смысл этого, — сказал Салливан. — Ведь говорят, что призраки появляются в качестве предупреждения. Так о чем предупреждает рассказанная мной история? Будьте осторожны, чтобы не оказаться в лесу во время торнадо? Не быть разрубленным надвое? Не умереть?

— Я думаю, это скорее воспоминания, — сказала Гвенда. — На самом деле призраки не существуют. Это что-то вроде эха давно минувших событий, вроде как запись случившегося, прокрученная заново. Запись того, что когда-то с ними произошло.

Сиси сказала:

— Но призраки Аун — другой Аун — они на нее смотрели. И хотели, чтобы она спустилась к ним и села с ними за стол! Интересно, что бы произошло, если бы она это сделала?

— Ничего хорошего, — сказала Аун.

— Может, это генетика, — сказала Мей. — Способность видеть призраков. И тому подобное.

— Тогда у нас с Аун была бы предрасположенность, — сказал Салливан.

— У меня нет, — сказала Сиси. — Я никогда не видела призраков. — Она на минуту задумалась. — Хотя... Разве что однажды... На самом деле видела. Нет. Это был не призрак. То, что я видела. Разве корабль может быть призраком?

— Не думай об этом сейчас, — взмолилась Мей. — Давайте не будем больше рассказывать страшные истории. Лучше посплетничаем. Поговорим о тех временах, когда у нас еще была личная жизнь.

— Нет, — сказала Гвенда. — Давайте послушаем еще одну страшную историю. Всего одну, в честь моего дня рождения. Морин?

Бриз лизнул ее ухо.

— Да?

— Ты знаешь какие-нибудь страшные истории?

Морин ответила:

— У меня в библиотеке содержатся все рассказы Эдит Уортон, М. Р. Джеймса и множества других авторов. Хочешь послушать?

— Нет, — сказала Гвенда. — Я хочу правдивую историю.

Порция сказала:

— Мей, ты, наверное, знаешь истории о призраках. Только без старых людей. Я хочу историю про сексуального призрака.

— Господи, нет! — воскликнула Мей. — Я ничего не знаю про сексуальных призраков. Слава богу!

— Я знаю одну историю, — сказала Сиси. — Конечно, она не совсем моя. Как я уже говорила, я никогда не видела ни одного призрака.

— Продолжай, — сказала Гвенда.

— Это не моя история, — повторила Сиси. — И вообще история не о призраке. До сих пор не могу с уверенностью сказать, что это было. Это история человека, с которым я некоторое время встречалась.

— История про парня! — воскликнул Салливан. — Обожаю истории про твоих парней, Сиси. О каком из них пойдет речь?

Мы могли бы долететь до Проксимы Центавра и вернуться назад, а у Сиси все еще не закончились бы истории о парнях, подумала Гвенда. Но вот она здесь, все мы здесь, все вместе. А где они? Мертвы и похоронены. Призраки! Все до единого.

— Не думаю, что я вам когда-нибудь про него рассказывала, — продолжала Сиси. — Это было в тот период, когда новых кораблей не строили. Помните? Нас все время отправляли собирать средства. Я была кем-то вроде космического посла. Главным атрибутом должности было платье, маленькое, черное, очень откровенное. Я должна была выглядеть соблазнительно, но при этом благородно и представлять все, ради чего стоило совершать космические полеты. Со своей работой я справля-

лась довольно хорошо, потому меня командировали в Лондон на встречу с консорциумом инвесторов и всяких больших шишек. Там я познакомилась со многими парнями, самыми разными, но сблизились мы только с одним из них — Лиамом.

Так. Вот здесь все немного запутано. Мать Лиамы была англичанкой. Родом из семьи с древними корнями, кучей денег и по большей части полным отсутствием родительского надзора. Ко времени, когда она стала подростком, она уже окончательно опустилась. Бухло, наркота, рекреационный сатанизм — чем она только не увлекалась! Ее выгоняли из всех школ, где она училась, а потом — из лучших реабилитационных учреждений. В конце концов семья не выдержала и тоже выгнала ее из дома, снабдив деньгами на поездку... На пару лет она угодила в тюрьму, родила ребенка. Это и был Лиам. Какое-то время болталась по Европе, а потом, когда Лиаму было лет семь-восемь, она ударилась в религию и полностью изменила свою жизнь. К тому времени оба ее родителя уже скончались от одного из устойчивых к антибиотикам вирусов. Все их состояние унаследовал ее брат. Она вернулась в родовое гнездо — представьте себе дом, похожий на этот, — и попыталась помириться с братом. Вы меня еще слушаете?

— Так это настоящая старомодная английская история о привидениях, — сказала Порция.

— Ты себе даже не представляешь, — сказала Сиси. — Ты себе даже не представляешь. В общем, ее брат был в некотором роде козлом. И позвольте еще раз подчеркнуть: это была богатая семья, вы себе даже не представляете, насколько. Мать, отец и брат увлекались коллекционированием предметов искусства. Современного.

Видеоинсталляции, перформанс, всякие весьма странные вещи. Они пригласили к себе одного художника-американца и заказали ему конкретную инсталляцию с географической привязкой. Так это называл Лиам. Это должен был быть комментарий на тему трансатлантического обмена, постколониальных отношений между Англией и США, что-то в этом духе. Художник сделал следующее: купил ранчо в аризонском пригороде — а это, кстати, тот штат, где до сих пор можно увидеть старый Лондонский мост. Так вот, художник купил ранчо, построенное где-то году в двухтысячном, вместе со всей мебелью и прочими вещами, вплоть до рулонов туалетной бумаги и банок с супом в шкафах. Он велел разобрать дом, провел инвентаризацию всех вещей, сделал множество фотографий и видео, чтобы знать, где что должно находиться, и перевез все это в Англию, где заново отстроил дом на земле, принадлежавшей семье Лиамы. И одновременно рядом с ранчо построил второй дом — точную копию первого, от фундамента до картин на стенах и банок с супом на полках в кухне.

— Зачем кому-то вообще такое нужно? — спросила Мей.

— Меня можешь не спрашивать, — сказала Сиси. — Будь у меня столько денег, я бы их тратила на туфли, выпивку и каникулы для себя и всех своих друзей.

— Правильно, — сказала Гвенда. Все они подняли свои сосуды и выпили.

— Адская штука, Аун, — сказала Сиси. — По-моему, она изменяет мои митохондрии.

— Вполне возможно, — сказала Аун. — Твое здоровье.

— Короче, эта двойная инсталляция получила какую-то награду. Привлекла много внимания. Весь смысл в

том, что никто не знал, какой из домов настоящий, а какой — копия. Вскоре супервирус убил мать с отцом, а через пару лет после их смерти мать Лиама, паршивая овца, вернулась домой. И брат сказал ей: «Я не хочу, чтобы ты жила со мной в нашем родовом поместье. Но я позволю тебе жить на нашей земле. Я даже дам тебе работу, будешь вести хозяйство. А взамен ты будешь жить в моей инсталляции». Судя по всему, сам художник очень хотел сделать это частью проекта: найти семью, чтобы она жила там. Козел-братец сказал: «Вы с моим племянником можете поселиться у меня в инсталляции. Я даже разрешу тебе самой выбрать дом». Мать Лиама пошла поговорить об этом с Богом. Потом вернулась и въехала в один из домов.

— А как она решила, какой из домов выбрать? — спросил Салливан.

— Хороший вопрос, — ответила Сиси. — Понятия не имею. Может, Бог ей подсказал? Слушайте, в то время меня интересовал только Лиам. Я знаю, почему я ему понравилась. Вот я, девчонка из Южной Африки с американским паспортом, с дредами и в ковбойских сапогах, говорю о том, как при первой же возможности улечу на ракете в космос. Какому же мужчине не понравится девушка, которая не строит планов на его счет и не собирается надолго с ним задерживаться? Но вот почему он мне так нравился, я до сих пор не понимаю. Дело в том, что особо симпатичным парнем он не был. У него была хорошая, круглая английская задница. Ну волосы ничего. Но было в нем что-то такое, что гарантированно сулило неприятности. Большие неприятности. Когда мы познакомились, его матери уже не было в живых. Дядя тоже умер. Их семья вообще не отличалась особым везением. Вместо везения у них были деньги. Дядя никогда не был

женат и все свое состояние завещал Лиаму. Мы сходили на свидание. Нас тянуло друг к другу, потом мы некоторое время встречались, и однажды он сказал, что на выходные хочет свозить меня в свой загородный дом. Мне это предложение понравилось. Наверное, я представляла себе один из таких маленьких коттеджей с соломенной крышей, как показывают в детективных сериалах. А на самом деле было вот это. — Сиси махнула рукой. — Большое старинное поместье. Только там еще были экраны по углам, на которых показывали поедающих друг друга мышей и детей, которые ели хлопья. Мило, правда? Он предложил мне прогуляться по имению. Мы прошли около мили по типичному южноанглийскому ландшафту, и вдруг, прикиньте, перед нами возникла обветшалая, покрытая потрескавшейся штукатуркой ферма, похожая на множество домов, виденных мной в обезлюдевшем районе американского юго-запада. Может, до того как сгорел второй дом, все это смотрелось лучше или, по крайней мере, подчеркнуто странно, как и должна смотреться художественная инсталляция, но неважно. А вообще-то нет, пожалуй, я так не думаю. Думаю, это всегда выглядело неправильно.

— Погоди, — сказала Мей. — Что произошло со вторым домом?

— Сейчас объясню, — сказала Сиси. — В общем, мы стояли перед этим ужасным домом, и Лиам поднял меня и перенес через порог, словно мы молодожены. Он бросил меня на тухлявый желто-коричневый диван и сказал: «Надеюсь, ты проведешь со мной ночь». Я спросила: «Здесь?» А он ответил: «Я здесь вырос. Это мой дом». А теперь вернемся к тому моменту, как Лиам с матерью переехали в инсталляцию.

— Эта история не похожа на другие, — заметила Морин.

— Знаете, я никому ее раньше не рассказывала, — сказала Сиси. — Что касается всего остального, то и сейчас не знаю, как это рассказывать.

— Лиам с матерью переехали в инсталляцию, — подсказала Порция.

— Ага. Мамочка Лиамы выбрала дом, и они стали там жить. Лиам пока еще совсем ребенок. Немножко странный — прежняя жизнь наложила на него отпечаток. А тут еще целая куча странных правил — ну, например, нельзя брать еду с полок на кухне. Потому что это часть инсталляции. Продукты хранятся у матери в спальне, где в чулане стоит мини-холодильник. Ах, да, еще в спальнях в шкафах висит одежда. И там есть телевизор, но он старый, и художник запрограммировал его так, что по нему можно смотреть только то, что на самом деле шло в США по телевизору в начале 2000-х, когда в доме в последний раз кто-то жил. А на коврах в некоторых комнатах видны странные пятна. Большие коричневые пятна. Но Лиаму, в общем-то, все равно. Он может выбрать собственную спальню, которая, судя по всему, предназначена для мальчика его возраста, может, на год или два старше Лиамы. На полу стоит модель железной дороги, с которой он может играть до тех пор, пока делает это осторожно. А еще там есть комиксы, хорошие комиксы, которые Лиам раньше не читал. На простынях нарисованы ковбои. В углу под окном большое пятно. И ему разрешено заходить в другие спальни, главное, чтобы он ничего не портил. В доме есть розовая спальня с двумя кроватями. Пятно в чулане. Очень большое. Еще есть комната для мальчика постарше, где стены украшены плакатами с изображениями актрис, которых Лиам не знает. Там много всяких спортивных американских вещей. Футбол, но неправильный. Мать Лиамы спит в розовой спальне. Казалось бы, она должна была занять

главную спальню, но там ей не нравится кровать. Говорит, она неудобная. Да и вообще, там пятно прямо на матрасе, прямо на простынях. Такое впечатление, что пятно прошло *сквозь* матрас.

— Какой ужас! — шепчет Гвенда, начиная догадываться, чем может кончиться эта история.

— Да не то слово! — говорит Сиси. — Но вы ведь не забыли, что там два одинаковых дома? Мамаша Лиам отвечает за оба. Еще она добровольно помогает церкви в деревне. Лиам учится в деревенской школе. Первые две недели мальчишки его поколачивают, потом им надоедает, и его оставляют в покое. Вернувшись днем из школы, он играет в обоих домах. Иногда засыпает перед телевизором в одном доме, а проснувшись, не может понять, в каком из домов находится. Иногда к нему заходит дядя, приглашает прогуляться по имению или сходить на рыбалку. Лиаму нравится дядя. Иногда они идут в особняк и играют в бильярд. Дядя оплачивает ему уроки верховой езды, а для Лиамы это самое прекрасное занятие на свете. Он может представить себя ковбоем. Наверное, поэтому я ему понравилась. Из-за моих сапог. Иногда он играет в копов и бандитов. До того как его мать увлеклась религией, Лиам знал некоторых плохих парней, и пока не разобрался, кто он сам: хороший парень или плохой. С матерью у него сложные отношения. Несомненно, живется ему теперь гораздо лучше, чем раньше, но религия в жизни матери занимает примерно столько же места, сколько прежде занимали наркотики. Для Лиамы в ней места нет. Между тем по телику постоянно показывают сериалы про копов, и по прошествии нескольких месяцев он по меньшей мере раз уже все их посмотрел. Есть один сериал, называется «C.S.I.: Место преступления», там про отпечатки пальцев, убийства и кровь. И Лиаму в голову приходят разные предположения по поводу пятна у него

в спальне и в главной спальне, да и других пятен в гостиной, на диване и за креслом «La-Z-Boy», которые не сразу заметишь, поскольку они скрыты от взгляда. На обоях в гостиной есть одно пятно, которое, если присмотреться, напоминает отпечаток руки. И Лиам начинает размышлять: уж не случилось ли в этом доме что-то страшное. И в том, в другом... Сейчас он уже постарше, ему лет десять-одиннадцать. Он хочет знать, почему здесь два совершенно одинаковых дома, почему они расположены так близко друг от друга. Могло ли произойти убийство — нет, даже серия убийств, где все повторилось дважды? Он не хочет спрашивать об этом у матери, потому что в последнее время, когда он пытается с ней поговорить, она на все отвечает цитатами из Библии. Дядю он тоже не хочет спрашивать, потому что, чем старше становится Лиам, тем яснее понимает, что дядя, несмотря на хорошее к нему отношение, на самом деле не такой уж добрый. Он добр к Лиаму только потому, что тот его наследник. Дядя показал ему другие предметы из своей коллекции. Он говорит, что завидует Лиаму, потому что тот — часть настоящей инсталляции. Лиам знает, что его дом привезли из Америки. Знает имя художника, который придумал инсталляцию. Этих сведений вполне достаточно, чтобы выйти в Сеть и выяснить, в чем дело, и, разумеется, узнать, что в настоящем доме — том, который художник купил и перевез из Америки, — было совершено страшное преступление. Какой-то школьник проснулся ночью и убил молотком всю свою семью. А художник взял за основу своей идеи то, что делали на рубеже позапрошлого и прошлого веков бароны-разбойники. Они покупали за границей замки, перевозили их камень за камнем и заново отстраивали где-нибудь в Техасе или в Северной Пенсильвании. Во многих из этих замков вро-

де бы должны обитать призраки. Купить замок с привидением и перевезти его за океан? Почему бы и нет? В этом и заключалась первая идея — сделать наоборот. Но была у него и другая задумка, а именно выяснить, как работает дом с привидением. Если разобрать его на части, перевезти по другую сторону Атлантического океана и собрать точно так же, как он выглядел раньше, переберется ли вместе с ним и привидение? И если можно снова собрать по кусочкам дом с привидением, можно ли построить собственный дом с привидением с нуля, если в точности воссоздать всю картину? И третья идея: забудем о призраках, поговорим о живых, ныне здравствующих людях, которые ходят вокруг одного и второго дома или — еще лучше — живут в одном из домов, не зная, какой из них настоящий. Смогут ли они отличить настоящий дом от подделки? Увидят ли они настоящих призраков в настоящем доме? Или вообразят, что видели призраков в фальшивом доме?

— Так в каком же доме жили Лиам с матерью? — спросил Салливан.

— А не все ли равно, в каком доме они жили? — сказала Сиси. — Ну то есть Лиам проводил время в обоих домах. Он сказал, что никогда не знал, какой из домов настоящий. В каком обитают настоящие призраки. Это было известно только художнику. Конец истории расскажу побыстрее. В общем, к тому времени, как Лиам привез меня туда, чтобы показать дом своих предков, один из домов в инсталляции уже сгорел. Его подожгла мать Лиамы. Может, по религиозным причинам? Лиам не особо распространялся на эту тему. Мне показалось, это имеет отношение к его подростковому периоду. Понимаете, они продолжали там жить. Лиам становился старше, и, наверное, мать застала его с какой-нибудь девчонкой

или косячком, с чем-нибудь таким в том доме, где они не жили. К этому времени она уже была убеждена, что один из домов одержим беспокойными дѹхами, но не могла определить, какой. Но в любом случае, это не помогло. Если в сгоревшем доме были призраки, то после пожара они просто перебрались в соседний дом. Почему бы и нет? Там уже все было обставлено так, как им нравилось.

— Постой, так призраки все-таки были? — спросили Гвенда.

— Лиам утверждал, что были. Сказал, что сам их никогда не видел, но позже, когда он жил в других местах, он понял, что призраки, скорее всего, были. И там и там. В обоих домах. Другие места казались ему пустыми. Он говорил, это как расти там, где постоянно идет вечеринка или годами продолжается драка в баре, или, может быть, там, где просто все время включен телевизор. А когда покидаешь вечеринку или когда тебя вышвыривают из бара, ты вдруг понимаешь, что остался один. Как будто не можешь заснуть без включенного телевизора. Не получается. Он говорил, что когда уезжал из дома, где произошли убийства, всегда чувствовал себя на взводе, потому что ему чего-то не хватало, но он никак не мог понять, чего. Думаю, вот что меня привлекло. Какая-то дополнительная вибрация, какие-то нервные импульсы.

— Это ненормально, — сказал Салливан.

— Конечно, — согласилась Сиси. — Наши отношения быстро прекратились. В общем, вот вам моя история про призраков.

Мей сказала:

— Нет, подожди! Секундочку! Неужели это все?

— Ну да, — сказала Сиси. — Да. Больше нечего добавить. Он взял с собой корзину для пикника, лобстеры, шампанское и все такое. Мы сидели за столом на кухне, и

он рассказывал мне о своем детстве. Потом устроил для меня своего рода экскурсию. Показал все пятна, оставшиеся на местах, где были убиты те люди. Я все время смотрела в окно — солнце опускалось все ниже и ниже. Я не хотела оставаться в этом доме, когда стемнеет.

Теперь они все находились в том доме, перемещаясь из одной комнаты в другую.

— Морин? — сказала Мей. — Не могла бы ты вернуть нас в особняк?

— Конечно, — сказала Морин. Вокруг них снова возникли борзые, сад, камин и розы. По каменной кладке струились тени, льнувшие к гобеленам и покрывавшие их темными пятнами.

— Так лучше, — сказала Сиси. — Спасибо. Ты нашла его в Интернете, да, Морин? Все выглядело именно так, как я помню. Я вышла на улицу, чтобы подумать и покурить. Да, знаю. Плохой из меня астронавт. Но я все равно хотела переспать с этим парнем. Один разочек. Ну да, он странный, и что с того? Иногда странный секс круче всего. Когда я вернулась в дом, то все еще пребывала в сомнениях. А потом мгновенно приняла решение. Я увидела, как этот парень... В общем, я пошла его искать и обнаружила на полу в комнате младшего мальчика. Под окном, прикиньте? Прямо поверх *пятна*. Он катался по полу. Знаете, как делают кошки, которым дали валерьянки? У него на лице было такое выражение... Я быстренько оттуда свалила. Уехала прямо на его «ленд-ровере». Ключи были в замке зажигания. Я оставила машину на парковке около закусочной, дальше поехала на попутке и больше никогда его не видела.

— Это твоя победа, — сказала Порция. — Не знаю, какой приз ты выиграла, но ты его точно заслужила. Этот твой парень просто *ненормальный*.

— А как же художник? В смысле, то, что он сделал, — сказала Мей. — Если бы не художник, с этим Лиамом все было бы в порядке. Верно? Наверное, об этом стоит подумать... Предположим, мы найдем какую-нибудь милую планету Златовласок. Если условия окажутся подходящими и мы вырастим деревья и разведем коров, будет ли у нас стол, вокруг которого сидят призраки? Они последовали за Аун? За нами? Они сейчас здесь? Если мы попросим Морин прямо сейчас построить вокруг нас дом с привидениями, ей придется создавать привидения? Или они сами объявятся?

Морин сказала:

— Это был бы интересный эксперимент.

Большая комната начала меняться на глазах. Сначала появился диван.

— Морин! — воскликнула Порция. — Даже не вздумай!

Гвенда сказала:

— Но нам не нужно проводить этот эксперимент. В смысле, разве он уже не идет полным ходом? — Она обратилась к остальным. К Салливану, к Аун. — Вы знаете. Я хочу сказать, вы же понимаете, что я имею в виду?

— Да нет, — сказала Сиси. — О чем ты?

Гвенда посмотрела на остальных. Затем на Сиси. Сиси с наслаждением потянулась в невесомости. Гвенда подумала о пятне на ковре, о человеке, катавшемся поверх него, словно кот.

— Гвенда, дорогая... Что ты пытаешься сказать? — спросила Сиси.

— Я знаю страшную историю, — сказала Морин. — Одну все-таки знаю. Хотите послушать?

Прежде чем кто-либо успел ответить, они снова оказались в большой комнате, но при этом находились не внутри, а как бы снаружи. Каким-то образом они дрей-

фовали в совершенной пустоте. Но там опять стоял накрытый для обеда стол, за которым они сидели.

В комнате стемнело и похолодало, а вокруг стола сидела команда исчезнувшего корабля «Дом тайн».

Все члены команды корабля-близнеца — давние друзья, все они отвлеклись от обеда, от разговора. Они повернулись и посмотрели на членов команды корабля «Дом секретов». Они были одеты в парадные униформы, словно праздновали что-то, но все были покалечены, как после какой-то страшной катастрофы. Они подняли изуродованные руки и помахали, улыбаясь.

Гвенда ощутила почти знакомый ей запах сажи, химикатов и ледяного разложения.

А потом вокруг стола оказались ее собственные друзья. Мей, Салливан, Порция, Аун, Сиси. Гвенда увидела за столом себя — разрубленную почти надвое деревом. Она встала, шагнула в сторону самой себя, затем исчезла.

Большая комната перестроилась, оставив позади пустоту и ужас. Они снова вернулись в английский особняк. В воздухе стоял кисловатый запах. Кого-то вырвало. Кто-то всхлипывал.

Аун сказала:

— Морин! Это было жестоко!

Морин промолчала. Она бродила по комнате, словно призрак, сгоняя рвоту в шар.

— Что это было, черт возьми? — спросила Сиси. — Морин? О чем ты думала? Гвенда? Дорогая! — Она протянула руку, чтобы коснуться руки Гвенды, но та оттолкнула ее.

Гвенда рванулась вперед, судорожно вытянув руки, чтобы схватиться за стену. По правую руку от нее находился корабль «Дом секретов», а по левую — «Дом тайн».

Она больше не могла отличить один от другого.

Огонек

Двое мужчин, один вскормлен волками

Мужчина, сидевший в баре на табурете возле нее, согнулся, словно крюк, над какой-то вещью. Это была книга, не выпивка. Детская книжка с потрепанными краями. Почувствовав на себе ее взгляд, он широко улыбнулся и сказал:

— Огоньку не найдется?

Был вечер пятницы, и «Осколок» был полон мужчин, которые обсуждали все что угодно. Например, какой-то парень за столиком говорил:

— Ну конечно, можно вырасти среди волков и все равно вести нормальную жизнь, но...

Она ответила:

— Я не курю.

Мужчина выпрямился и сказал:

— Я не о том говорю. Я спрашиваю про *огонек*. У тебя есть *огонек*?

— Я не понимаю, — сказала она. А потом добавила, потому что он был ничего на вид: — Извини.

— Тупая сука, — сказал он. — Забей.

И снова уткнулся в книжку. Страницы в ней были засаленные, мятые, местами рваные. Она была открыта на акварельном изображении мальчика и девочки, которые стояли перед драконом размером с фургон «фольксваген». В руке мужчина держал ручку. Около детских ртов

он нарисовал пузыри, как в комиксах, и теперь вписывал туда слова. Дети говорили...

Мужчина захлопнул книжку; книга была из библиотеки.

— Извини, — сказала она, — но я работаю в детской библиотеке. Могу я спросить, зачем ты портишь книгу?

— Не знаю. Может быть, *можешь*, а может, и нет, но зачем спрашивать моего разрешения? — ответил мужчина. Повернувшись к ней спиной, он снова склонился над книжкой с картинками.

Ну это уж слишком! Когда-то и она была ребенком. У нее была библиотечная карточка. Она открыла сумку и достала иголку из дорожного швейного набора. Провела рукой по иголке, а затем, допив свой ром с колой, — этот напиток она открыла для себя, когда ей было лет двадцать, и до сих пор очень его любила, — уколола мужчину в левую ягодицу. Очень быстро. В следующее мгновение ее рука уже снова лежала на коленях, а другой она махала бармену, жестом заказывая новую порцию. Сидевший рядом мужчина вскрикнул и резко выпрямился. Теперь все на него уставились. Он соскользнул с табурета и поспешно зашагал прочь, единожды бросив на нее гневный взгляд.

На кончике иголки застыла капелька крови. Она вытерла ее салфеткой.

За соседним столиком три женщины говорили о новой карманной вселенной. О новой диете. О новом ребенке сотрудницы; о девочке, родившейся без тени. Это, конечно, плохо, но, слава богу, не так плохо, как могло бы быть, говорила женщина, которую кто-то называл Кэролайн. Предметом долгого, нетрезвого разговора стали тени-протезы, которые можно было купить в любой аптеке без рецепта, недорогие и относительно долговечные.

Все сошлись на том, что отличить самодельную тень или купленную в магазине от настоящей почти невозможно. Кэролайн с подругами принялись обсуждать младенцев, рожденных с двумя тенями. Дети с двумя тенями не вырастали счастливыми. Они плохо ладили с другими детьми. Можно разрезать две связанные тени кривыми ножницами, но это не решит проблему навсегда. К концу дня вторая тень всегда опять отращает, причем делается вдвое длиннее. Если родители не подрезали вторую тень, со временем у них появится ребенок-близнец, и почти невозможно отличить, кто из них настоящий.

Линдси выросла в покрытом штукатуркой доме в недостроенном квартале в округе Дэйд. С одной стороны росли апельсиновые рощи; напротив дома Линдси был заброшенный пустырь. Дикая местность. Там снова выросла чаща, которая почти вторгалась в зону нового строительства. Баньяновые деревья, оцетинившиеся маленькими, остроконечными эпифитами, предназначенными для потребления питательных веществ из воздуха; пауки-спарассиды; тоннели коралловых рифов, едва прикрытые черной песчаной грязью, куда погружались Линдси и ее брат и откуда они вылезали окрыленные, хоть и покрытые кровоточащими ссадинами; оставшиеся после работы бульдозера низины размером с футбольное поле, наполнявшиеся после дождя водой, в которой водились тысячи желто-коричневых жаб длиной не больше ногтя. Линдси держала их в банках. Она ловила пауков-волков, кубинских анолисов-рыцарей, желтых и розовых кузнечиков — твердых, словно игрушечные машинки, и шипящих, если зажать их в руке; голубых крабов, которые гурьбой быстро проползали по двору, через дом, прыгали в бассейн и тонули там... Хрупкие гекконы с бар-

хатным брюшком, ритмично повизгивавшие, словно внутри у них заводной механизм; скорпионы; королевские змеи, коралловые аспиды и маисовые полозы, *красный и черный — друг непритворный, желтый и красный — смертельно опасный*; анолисы, незаметные до тех пор, пока не раскроют кровавый веер своего горла... Когда Линдси было десять, от удара молнии под коралловым рифом начался пожар. Земля не остывала целую неделю. От нее поднимался дым. Они не выключали автоматические поливалки, но трава все равно погибла. Повсюду были змеи. Новый брат-близнец Линдси, Алан, поймал пять змей, три из которых потерялись где-то в доме, пока в субботу утром он смотрел мультики.

У Линдси было счастливое детство. Женщины в баре ничего не понимали в том, о чем взялись рассуждать.

Ей было немного жаль, что мужчина, который выдвигал различные теории про то, каково это вырасти среди волков, подошел к женщине по имени Кэролайн и выплеснул ей в лицо свой напиток. Поднялась шумиха. Воспользовавшись этим, Линдси спокойно вышла, не заплатив. Она встретила взглядом с тем, кто ее заинтересовал. Они оба подумывали о том, чтобы уйти, так что она отправилась гулять по пляжу с человеком, который выплескивал выпивку в лицо другим людям и строил теории о том, каково расти среди волков. Он был очарователен, но она чувствовала, что в его теориях нет ничего, кроме очарования. Когда она ему об этом сказала, он сделался менее очаровательным. И все-таки она пригласила его к себе домой.

— У тебя очень мило, — сказал он. — Мне нравятся все эти штуковины.

— Это вещи моего брата, — сказала Линдси.

— *Брата?* Он живет с тобой?

— Боже мой, нет, — сказала Линдси. — Он... Я даже не знаю, где он.

— У меня была сестра. Она умерла, когда мне было два года, — сказал мужчина. — Из волков получаются очень хреновые родители.

— Ха, — на пробу сказала она.

— Ха, — согласился он.

— Нет, вы только посмотрите на это, — сказал он позже, раздевая ее.

Четыре тени падали на ее двойную кровать и казались какими-то липкими и увядшими, словно от занятия любовью, которое еще даже не началось. При виде их томно переплетенных теней к человеку-волку вернулось прежнее очарование.

— Нет, вы только посмотрите на эти милые маленькие сиськи, — повторял он снова и снова, как будто она никогда не замечала, какие они у нее милые и маленькие. Он восклицал что-либо по поводу каждой части ее тела: потом она плохо спала, опасаясь, что он может скрыться в ночи и забрать с собой одну из приглянувшихся частей тела.

Проснувшись утром, она обнаружила, что лежит под телом человека-волка, словно в ловушке под старым рухнувшим зданием. Когда она начала выползать из-под него, он проснулся и пожаловался на дикое похмелье. Он несколько раз назвал ее Джоани, попросил ножницы и надолго заперся в ванной. Она тем временем читала газету... задержали шайку контрабандистов. В ... свергли правительство. Семью из двенадцати человек в последний раз видели в районе... Сезон ураганов начинается... Человек-волк вышел из ванной, торопливо оделся и ушел.

На полу ванной комнаты она обнаружила черную вязкую кучу — ампутированную тень его мертвого близне-

ца — и три насквозь мокрых, резко пахнущих полотенца. В раковине валялись волоски из его черной щетинистой бороды. Лезвия маникюрных ножниц почернели и затупились.

Вонючие полотенца она выбросила. Тень подтерла шваброй, сложила в пластиковый пакет с застежкой, отнесла на кухню и бросила в мусородробилку. Открыла кран и долго не выключала воду.

Потом она вышла на улицу, села в патио и стала наблюдать за тем, как игуаны поедают цветки с куста гибискуса. Было шесть утра и уже довольно тепло.

Без водки, одно яйцо

Губки удерживают воду. Вода удерживает свет. Линдси чувствовала себя совершенно опустошенной, когда не заполняла внутреннюю пустоту алкоголем. Вода в канале казалось стеклянной, испещренной маленькими прожилками света, которые никак не желали стоять на месте. Отвратительно. У Линдси начиналась обычная для нее головная боль. В нее били лучи света, и вторая тень начала двигаться, исходить рябью, как простреленная светом вода в канале. Она зашла в дом. В желтке яйца, которое она разбила на сковородке, была капелька крови. Ей нравилось добавлять в апельсиновый сок водку, но в холодильнике не оказалось апельсинового сока, а в морозилке не было водки; только небольшая игуана.

Флорида-Кис кишела игуанами. Они поедали ее гибискусы; то и дело она отлавливала небольших игуан сетью для бассейна и на несколько дней помещала в морозилку. Это был якобы гуманный способ борьбы с игуанами.

Их можно было даже есть, хотя она этого не делала. Она вегетарианка.

Когда она замечала игуан покрупнее, она раскладывала для них еду. Им нравились спелые фрукты. Ей нравилось смотреть, как они едят. Она знала, что в ее отношениях с игуанами нет ни логики, ни справедливости, но что поделаешь.

Мужчины, которым не везет в карты

У Линдси была не слишком трудная работа. Офис, а за офисом — склад, полный спящих людей. В округе Колумбия находилось агентство, которое платило ее компании за то, чтобы приглядывать за спящими. Каждый год путешественники, спелеологи и строители находили не меньше дюжины таких людей. Никто не знал, как их разбудить. Никто не знал, что это означает, чем они раньше занимались, откуда они взялись. Никто даже толком не знал, люди ли это.

На складе всегда дежурили как минимум двое охранников. По мнению Линдси, это были в основном козлы-извращенцы. Весь день она разбирала счета, потом ушла домой. Вечером наведальась в «Осколок», человека-волка там не было, а в два часа ночи бармен выгнал всех клиентов; через четыре часа после начала ночной смены она по наитию вернулась на склад.

Бикл и Лоус вытащили пятерых спящих: трех женщин и двоих мужчин. На мужчин они надели бейсболки «Майами-Гидра», а женщин раздели и рассадили на стульях вокруг раскладного столика. Кто-то положил руки одного из мужчин между ног одной из женщин. Раздали

карты. Может, это просто был стрип-покер, и женщинам не повезло. Трудно хорошо играть в карты, когда спишь.

Ларри Бикл стоял за спиной одной из женщин, прижавшись щекой к ее волосам. Казалось, он дает ей совет, как воспользоваться картами, которые у нее на руках. Он не очень крепко держал свою выпивку, и время от времени пиво проливалось на аккуратные колени женщины.

Линдси наблюдала за ними несколько минут. Бикл и Лоус дошли уже до той необузданной, всеобъемлющей стадии опьянения, которую она, будучи в трезвом состоянии, ненавидела больше всего. Фальшивое счастье.

Заметив Линдси, Лоус вскочил на ноги так быстро, что стул под ним грохнулся на пол.

— Так, здрасьте, — сказал он. — Это не то, что вы думаете.

На головах обоих охранников красовались маленькие праздничные колпаки.

По проходу в середине ходил третий мужчина, которого Линдси не знала. Он вел себя так, словно пришел за покупками в «Уолмарт». Одет он был в широкие трусы и праздничный колпак.

— А это кто? — спросил он, плотоядно глядя на Линдси.

Ларри Бикл положил руку на пистолет. Что он собирался делать? Пристрелить ее? Она сказала:

— Я уже вызвала полицию.

— Твою мать... — сказал Ларри Бикл. Он сказал не только это.

— Кого ты вызвала? — спросил Эдгар Лоус.

— Они приедут минут через десять, — предупредила Линдси. — На вашем месте я бы ушла прямо сейчас. Просто уходите.

— О чем говорит эта сука? — с несчастным видом спросил Ларри Бикл. Он действительно был сильно пьян. И так и не убрал руку с пистолета.

Линдси вытащила собственный пистолет, «беретту». Навела его на Бикла и Лоуса.

— Положите оружие на пол и снимите форму. Оставьте ключи и удостоверения. Ты тоже, кем бы ты ни был. Сдайте мне удостоверения, и я не стану писать на вас рапорт.

— У тебя на пистолете маленькие кошечки, — сказал Эдгар Лоус.

— Наклейки «Хелло Китти», — сказала она. — Будем считать это ку*. — Хотя она за всю жизнь застрелила только одного человека.

Охранники разделись, но, судя по всему, забыли про праздничные колпаки. У Эдгара Лоуса на груди виднелся длинный фиолетовый шрам. Он заметил, что Линдси смотрит на него.

— Тройное шунтирование. Мне нужна эта работа. Медицинская страховка.

— Не повезло тебе, — сказала Линдси.

Она последовала за ними на парковку. Третьему охраннику, видимо, было наплевать на то, что он голый. Он даже не пытался прикрыться рукой, как это делали Бикл и Лоус.

— Они уже пару раз так делали, мэм, — сообщил он Линдси. — Я слышал об этом от одного своего приятеля. Сегодня была вечеринка по случаю моего дня рождения.

Затем добавил:

— Это мой цифровой фотоаппарат.

— С днем рождения. Спасибо за фотоаппарат, мистер... — Она посмотрела на его удостоверение. — Мистер Джанро. Помалкивайте обо всем этом, и я не стану

* Ку — ритуал доблести индейцев Прерий — прикосновение к телу врага рукой или каким-либо предметом, являвшееся способом снискать воинскую славу.

выдвигать обвинения, как и обещала. Скажите спасибо, если вы согласны.

— Спасибо, — сказал мистер Джанро.

— Фотоаппарат я вам все равно не верну, — сказала Линдси.

— Ну и ладно, — сказал мистер Джанро. — Переживу.

Она смотрела, как все трое садятся в машины и уезжают. Затем она вернулась на склад, сложила униформы, вытащила из пистолетов патроны, привела спящих в порядок и отвезла их на тележке обратно в боксы. На карточном столе стояла бутылка коньяка, которая, наверное, не принадлежала ни Биклу, ни Лоусу, и много пива. Линдси сделала долгий глоток. Ей вспомнилась песенка, и она запела. *Высокая, загорелая, молодая, пьяная и...* Она знала, что поет неправильные слова. *Погребальный костер, озаренный луной. Словно птица в огне. Я по-своему пыталась быть тобой.*

На часах было почти пять утра. Идти домой нет смысла. Пол устремлялся к ней волнами, и ей очень хотелось лечь на него.

Спящего в боксе 113 звали Харрисбург Пенсильвания. Всех спящих называли по месту происхождения. В других странах делали иначе. У Харрисбурга Пенсильвания были длинные ресницы и синяк на щеке, который и не думал исчезать. Кожа спящего всегда чуть холоднее, чем кажется. Привыкнуть можно к чему угодно. Она поставила на телефоне будильник на семь утра, за час до начала новой смены.

Утром Харрисбург Пенсильвания все еще спал, а она все еще была пьяна.

Своему начальнику, главному офисному менеджеру, она сообщила только то, что уволила Бикла и Лоуса. Мистер Чарльз бросил на нее страдальческий взгляд и пробормотал:

— Что-то вы неважно выглядите.

— Пораньше уйду домой, — сказала она.

Вместо Бикла и Лоуса она бы предпочла взять на работу женщин, но в конце концов наняла мужчину постарше, с отличными рекомендациями и аспиранта по имени Джейсон, который сказал, что планирует по вечерам работать над своей диссертацией. (Он изучал философию, и она спросила, про какого философа он пишет диссертацию. Если бы он ответил: «Ницше», она, возможно, отказала бы. Но он сказал: «Джон Локк».)

Она уже запрашивала дополнительные средства на оплату камер системы слежения, и когда ей отказали, все равно их купила. У нее были подозрения на счет двоих охранников, которые работали в дневную смену с воскресенья по среду.

Детьми они были неразлучны

Во вторник ей позвонил Алан. Он закричал на языке лин-лан, прежде чем она успела поздороваться.

— *Berma lisgo airport. Tus fah me?*

— Алан?

Он сказал:

— Я в аэропорту, Лин-Лин, хотел узнать, не могу ли я какое-то время пожить у тебя. Не очень долго. Просто мне нужно на время залечь на дно. Ты даже не заметишь, что я там.

— Секундочку, — сказала она. — Алан? Где ты?

— В аэропорту, — не скрывая раздражения, ответил он. — Там, где самолеты.

— Я думала, ты на Тибете.

— Ну, — сказал Алан, — не сложилось. Я решил уехать дальше.

— Что ты натворил? — спросил она. — Алан?

— Лин-Лин, пожалуйста, — сказал он. — Я все объясню сегодня вечером. Когда ты возвращаешься домой? В шесть? Я приготовлю ужин. Ключ от дома все еще лежит под разбитым кашпо?

— *Fisfis meh*, — сказала она. — Хорошо.

Он повесил трубку.

Последний раз она видела Алана во плоти два года назад, вскоре после того как от нее окончательно ушел Эллиот. Ее муж.

Тогда они с Аланом были сильно пьяны, а Алан всегда становился куда приятнее, когда напивался. Он обнял ее и сказал:

— Ну же, Линдси. Мне-то ты можешь признаться. Ты ведь чувствуешь некоторое облегчение, правда?

Распухшее небо нависало низко над землей. Линдси направила эту внезапная зеленоватая тьма полудня, когда дождь низвергался тяжелыми потоками, барабанившими так громко, что она едва слышала спокойные, шуточные заявления местной погодной вещуньи по радио. Вице-президент попал под следствие; улики указывали на тайное взаимодействие со зловредными духами. Женщина родила полдюжины кроликов. Невидимые воры ограбили местную заправочную. Какой-то культ вышвырнул всех еретиков из популярной карманной

вселенной. Иными словами, ничего нового. Небо всегда падало. Машины двигались медленно и плотно всю дорогу до Плантейшн-Ки.

Алан сидел в патио. Под стулом стояла бутылка вина, в руке он держал бокал, наполненный вином вперемешку с дождем.

— Линдси! — воскликнул он. — Выпить хочешь? — Он не стал вставать.

Она сказала:

— Алан? Дождь идет.

— Он теплый, — сказал он и смахнул с ресниц крупные капли дождя. — Там, где я был, очень холодно.

— Я думала, ты приготовишь ужин, — сказала она.

— О! — Алан встал и принялся нарочито старательно выжимать рубашку и льняные штаны в крестьянском стиле. Дождь непрерывно молотил по их головам. — У тебя в холодильнике ничего нет. Я бы сделал маргариту, но у тебя есть только соль.

— Пойдем в дом, — предложила Линдси. — У тебя есть сухая одежда? Где твой багаж, Алан?

Он хитро посмотрел на нее.

— Ну ты знаешь. Там.

Она знала.

— Ты оставил свои вещи в комнате Эллиота. — Раньше это была и ее комната, но уже почти год она там не спала. Она спала там, только когда проводила ночь в одиночестве.

Алан сказал:

— Все его вещи до сих пор там. Как будто он и сам еще там, лежит где-нибудь в простынях, сложенный, как тайная записка. Жутковато, Лин-Лин.

Алану было всего тридцать восемь. Столько же, сколько и самой Линдси, если, конечно, не вести отсчет с того

времени, когда он наконец стал достаточно реальным, чтобы есть собственный торт по случаю дня рождения. Она подумала, что он выглядит на все тридцать восемь. Даже старше.

— Иди переодейся, — сказала она. — Я закажу что-нибудь на дом.

— А что в пакете? — спросил он.

Она оттолкнула его руку.

— Для тебя там ничего нет, — сказала она.

Близкие контакты абсурдной степени

Она познакомилась с Эллиотом на открытом микрофоне в карманной вселенной в Коконат-Гроув. Благотворительная вечеринка в гей-баре в помощь кому-то. Ее окружали почти одни мужчины, но большинство из них не проявляли к ней интереса. Когда подошел черед Алана сказать что-нибудь, он уже был то ли пьян, то ли под кайфом, то ли все сразу. Он поднялся на сцену и произнес: «Я буду в туалете». Затем осторожно спустился. Все аплодировали. Очередь Эллиота подошла позже.

Эллиот был больше семи футов ростом. У него были солнечно-желтые волосы и зеленоватая кожа. От Линдси не укрылось, как Алан посмотрел на него, когда они только вошли. Алан и раньше бывал в этой вселенной.

Эллиот пел песню про чудовище из Ипанемы. Он все время фальшивил, не мог справиться с мелодией, но зато так развеселил Линдси, что она прыснула и у нее из носа выплеснулось виски. Закончив петь, он подошел к барной стойке и сел рядом с Линдси.

— Ты близнец Алана.

У него было всего по четыре пальца на руках. Кожа казалась гладкой и в то же время жесткой.

Она ответила:

— Я — оригинал. Он — копия. Где бы он ни был. Сейчас небось валяется без сознания в сортире.

Эллиот спросил:

— Мне сходить за ним или оставим его здесь?

— Куда мы идем? — спросила она.

— В постель, — сказал он. Его зрачки имели странную форму. Волосы на самом деле не были волосами и напоминали крючочки и перьевые пеньки.

— И что мы будем там делать? — спросила она, а он просто посмотрел на нее. Иногда подобные вещи складывались как нельзя лучше, а иногда вообще не складывались. В этом и заключалось веселье.

Она задумалась.

— Хорошо. Только поклянись, что ты никогда не развлекался с Аланом. Никогда.

— В твою вселенную или в мою? — спросил он.

Эллиот не был первым сувениром, который Линдси притащила с собой из карманной вселенной. Как-то она ездила в отпуск и привезла косточку зеленого плода, который шипел, словно шербет, если его укусить, после чего тебе снились ступени, лестницы, ракеты, все, что поднималось выше и выше, но, когда она посадила косточку, из нее ничего не выросло, хотя во Флориде обычно росло все, что угодно.

Мать Линдси ездила на отдых в карманную вселенную, когда была беременна. Теперь-то люди стали умнее. Врачи рекомендовали беременным женщинам не совершать подобных поездок.

Последние несколько лет Алан работал в турфирме, которая базировалась в Сингапуре. Он знал немецкий, испанский, японский, мандаринский диалект китайского,

мог общаться на тибетском и торговых языках различных карманных вселенных. Туристические группы вылетали чартерными рейсами на Тибет, а оттуда заходили в наиболее дружелюбные карманные вселенные. На Тибете полно карманных вселенных.

— Ты их потерял? — спросила она.

— Не всех, — ответил Алан. С волос у него все еще капала дождевая вода. Ему бы подстричься. — Только один фургон. Мне показалось, я сказал водителю «Сакья», но, возможно, на самом деле я сказал «Гьянгдзе». Потом они объявились, опоздали всего на два дня. Они же не дети. В Сакье все говорят по-английски. Когда они нас догнали, я пустил в ход все свое обаяние, выразил искреннее раскаяние, и мы снова стали друзьями.

Она ждала продолжения истории. От мысли о том, что Алан производит на всех одинаково приятное впечатление, становилось легче.

— Но потом в Чанги возникла путаница. В чемодане какого-то старого ублюдка нашли реликварий. Там был какой-то дурацкий божок в засушенном стручке... Всякие разные вещи. Старый ублюдок направо и налево божился, что все это ему не принадлежит. Утверждал, что я проник в его номер и подложил эти вещи ему в багаж. И что я его соблазнил. Вмешалось агентство, и на свет всплыла вся эта история с Сакьей. В общем, вот что случилось.

— Алан, — сказала она.

— Я надеялся, что смогу побыть здесь несколько недель.

— Только ко мне не лезь, — предупредила она.

— Разумеется, — сказал он. — У тебя есть лишняя зубная щетка?

Больше похоже на Диснейленд, чем сам Диснейленд

Их родители вышли на пенсию и поселились в старой прочной карманной вселенной, которая, судя по всему, больше походила на Флориду, чем сама Флорида. Никаких комаров, никакой живности крупнее болонки, не считая птицеподобных существ, от чьих песен хочется плакать и чье мясо по вкусу напоминает телятину. Фруктовые деревья, за которыми никому не нужно ухаживать. Такая мягкая, нежная и душистая трава, что никто не спит в доме. Такие большие и мелкие озера, что можно гулять по ним целый день. Это была небольшая вселенная, и сейчас уже образовалась целая очередь мужчин и женщин, которые хотели поселиться там на пенсии. Родители Линдси и Алана вложили весь свой капитал в однокомнатный коттедж с видом на небольшое озеро. Свою нынешнюю жизнь они называли приятным ничегонеделаньем. Линдси такой образ жизни казался скучным, но радовало то, что мать хотя бы перестала проявлять интерес к ее личной жизни, перестала постоянно спрашивать, встречается ли Линдси с кем-нибудь. Не собирается ли снова выйти замуж и нарожать детей. Внуки больше не требовались. Внуки обязали бы родителей Линдси и Алана покинуть свой маленький рай и то и дело навещаться в гости. Проехать весь этот долгий путь для того, чтобы вернуться во Флориду? «В это ужасное место», — сказала бы мать Линдси. Алан подозревал, что родители рассказывают им далеко не все.

— Они стали нудистами, — утверждал он. — Или свингерами. Возможно, совмещают одно с другим. У мамы всегда была склонность к эксгибиционизму. Вечно она оставляла дверь в ванную открытой. Ничего удивительного, что я гей. Ничего удивительного, что ты — нет.

Линдси лежала в кровати и не могла заснуть. В кухне Алан делал вид, что готовит себе чай, а на самом деле искал тайный запас алкоголя. Засвистел чайник. Открылась и закрылась дверца холодильника. Включился телевизор. Выключился. Хлопали, то открываясь, то закрываясь, дверцы шкафов и кладовки. У Алана это был своего рода ритуал, позволявший ему почувствовать себя как дома. Потом он зашел в комнату Эллиота. Два щелчка — он закрыл за собой дверь и запер ее. Другие звуки. Он рылся в ящиках, на этот раз более аккуратно. Алан тоже любил Эллиота. Эллиот оставил почти все свои вещи.

Алан. Убирает вещи. Друг о друга стукнулись вешалки — он задвинул вещи Эллиота подальше в шкаф, освобождая место для своих. Или того хуже — начал их примерять. Красивая одежда красивого Эллиота.

В два часа ночи он подошел к двери ее спальни и тихо позвал:

— Линдси? Не спишь?

Она не ответила, и он снова ушел.

Утром он заснул на диване. В DVD-плеере работал диск, звук был выключен. Каким-то образом Алан обнаружил запас порнографии, которую Эллиот импортировал из карманной вселенной, тайник, который она искала неделями и так и не нашла. Ничего удивительного, что Алану это удалось. Но Линдси испытывала ребяческое удовольствие от того, что он не нашел бутылку джина, спрятанную за диванной подушкой.

Когда она вернулась с работы, он снова сидел в патио, тщетно пытаясь поймать ее любимую игуану.

— Берегись хвоста, — предупредила она.

— Это чудище подошло ко мне и укусило за палец, — сказал он.

— Это Эллиот. Так я его назвала. Я его подкармливаю, — сказала она. — Он привык к людям. Наверное, решил, что ты вторгся на его территорию.

— Эллиот? — сказал он и рассмеялся. — Ну ты даешь!

— Он большой и зеленый, — сказала она. — Не замечаешь сходства? — Игуана скрылась в зарослях баньяновых деревьев, склонившихся над каналом. Баньяны кишели игуанами; их листья зелено шуршали, скрывая их тайные встречи. — Разница только в том, что этот Эллиот всегда возвращается.

Она пошла взять меню, чтобы заказать ужин из ресторана. Или, может быть, Алан сходит с ней в «Осколок»? Дверь в комнату Эллиота была открыта. Все прибрано. Даже кровать застелена.

Хуже того, они пошли в «Осколок», и всякий раз, когда кто-нибудь к ней подсаживался, Алан вел себя так, будто он ее парень. Всю дорогу домой они ругались. Утром он спросил, не одолжит ли она ему машину. Она знала, что не стоит давать ему машину, но все равно дала.

В два часа мистер Чарльз постучал в дверь ее кабинета.

— Плохие новости, — сказал он. — Джек Харрис из Питсбурга взял да и отправил нам две дюжины спящих. Джейсон уже за них расписался. Хоть бы позвонил сначала!

— Вы шутите? — не поверила Линдси.

— Боюсь, что нет, — ответил он. — Сейчас буду звонить Джеку Харрису. Хочу спросить, что, черт возьми, он вытворяет. Совсем недавно я ему объяснял, что у нас нет разрешения на такое количество народу. И без того у нас уже шесть лишних человек. Ему просто придется забрать этих шестерых обратно.

— Водитель уже выехал? — спросила она.

— Ну да.

— Как всегда, — сказала она. — Они там считают, что могут вертеть нами, как захотят.

— Пока я звоню, — сказал он, — не могли бы вы сходить на склад и просмотреть документацию? Может, придумаете, что делать с этой группой.

Поступило двадцать два новых спящих: восемнадцать мужчин и четыре женщины. Новичок с ночной смены, Джейсон, уже погрузил их на тележки.

Линдси отправилась на склад, чтобы получше их рассмотреть.

— Откуда они поступили?

Джейсон вручил ей квитанции.

— Отовсюду. Четверо обнаружили на территории, принадлежащей какому-то типу в Южной Дакоте. Он утверждает, что правительство должно компенсировать ему потерю урожая.

— А что случилось с его урожаем? — спросила она.

— Он его поджег. Они лежали под большим старым мертвым деревом на его поле. К счастью для всех, поблизости оказался его сын. Пока отец поливал все бензином, сын затащил спящих в кузов грузовика и вывез их отсюда. Потом позвонил на горячую линию.

— Повезло, — сказала она. — О чем, черт побери, думал отец?

— У людей вашего возраста... — начал было Джейсон и замолчал. Начал по новой: — У людей более старшего возраста иногда возникают странные идеи. Они хотят, чтобы все было по-старому. Как раньше.

— Я не настолько старая, — сказала она.

— Я не то имел в виду, — сказал он, порозовев. — Я только хотел сказать... Понимаете...

Она коснулась его волос.

— Может, ты не заметил, но у меня две тени. Так что я тоже странная. По поводу таких, как я, те люди и беспокоятся. А почему ты работаешь в дневную смену?

— Жена Жермена уехала, и ему теперь приходится сидеть с детьми. Так что же будем делать с этими ребятами? С лишними?

— Оставь их на тележках, — сказала она. — Им-то все равно, где лежать.

В пять тридцать утра Линдси попробовала позвонить Алану на мобильный, но никто не ответил. Она проверила электронную почту и поиграла в «Солитер». Она ненавидела «Солитер». Ей нравилось тасовать карты, когда надо было играть. Играть в карты, когда не надо было. Зачем притворяться, что хочешь выиграть, когда выигрывать нечего?

В семь тридцать она выглянула на улицу и увидела на парковке свою машину. Когда она вышла, Алана там не было. Поэтому она вернулась на склад и застала его с аспирантом. Джейсоном. Флиртуют, конечно. Или обсуждают философию. В чем разница? Другой охранник, Херли, был занят обедом.

— Здорово, Лин-Лин, — сказал Алан. — Иди сюда. Взгляни на это.

— Чем ты занимаешься? — спросила Линдси. — Где ты был все это время?

— Ездил за покупками, — ответил он. — Иди сюда, Линдси. Посмотри-ка.

Джейсон скорчил гримасу, будто умоляя ни в чем его не винить. Рано или поздно ей придется с ним поговорить. Предупредить его насчет Алана. Никакая фило-

софия не в состоянии подготовить человека к встрече с Аланом.

— Посмотри на нее.

Линдси опустила взгляд. Увидела женщину, одетую так, словно когда-то, давным-давно, может, лет сто назад, она была кем-то важным. В каком-то другом месте, совсем не похожем на это. Версаль Кентукки.

— Я и раньше видела спящих.

— Нет. Ты не *видишь*, — сказал Алан. — Ну конечно, не видишь. Ты часто смотришься в зеркало? Между прочим, тебе бы пошла такая прическа.

Он взъерошил волос Версаль Кентукки.

— Алан, — сказала она. Первое предупреждение.

— Посмотри, — сказал он. — Только посмотри. Приглядиись повнимательнее! Она так похожа на тебя. Она — это *ты*.

— Ты сошел с ума, — сказала Линдси.

— Да ну? — Алан повернулся к Джейсону. — Тебе ведь тоже так показалось.

Джейсон опустил голову. Пробормотал что-то невнятное. Потом сказал:

— Я только сказал, что у них, возможно, есть что-то общее.

Алан опустил руку и, схватив голую ногу спящей, поднял ее вертикально.

— Алан! — воскликнула Линдси. Она оторвала его руку от ноги женщины. На коже Версаль Кентукки остались красные и белые вмятины от его пальцев. — Что ты делаешь?

— Да все нормально, — сказал Алан. — Я просто хотел посмотреть, есть ли у нее такая же родинка, как у тебя. У Линдси под коленом есть родинка, — объяснил он Джейсону. — Похожа на линкор.

На это даже Херли отреагировал.

Спящая вовсе не была похожа на Линдси. И родинки у нее не было. Хотя... Забавно. Чем больше Линдси об этом думала, тем больше ей казалось, что женщина похожа на Алана.

Сегодня сама не своя

Она слегка наклонила голову набок. Зажгла все лампы в ванной и снова приблизила лицо к зеркалу. Сделала шаг назад. Чем дольше она смотрела, тем меньше походила на знакомого ей человека. И уж точно не была похожа на саму себя. Может, это случилось давно? Ей некого было спросить об этом, кроме Алана.

Алан прав. Ей пора постричься.

Алан вытащил блендер. В кухне воняло ромом.

— Дай угадаю, — сказал он. — Ты встретила там кого-то интересного. — Он протянул ей стакан. — Я подумал, мы могли бы провести хорошую тихую ночь дома. Посмотреть канал погоды. Поиграть в шарады. Ты могла бы что-нибудь связать. Я размотаю для тебя пряжу.

— Я не вяжу.

— Знаю, — сказал он. У него был добрый голос. Любящий. — Ты только запутываешь. Завязываешь узлы. Перемешиваешь.

— А ты только изводишь, — сказала она. — Чего ты хочешь? Зачем ты здесь? Чтобы поругаться? Чтобы разобрать старые детские психодрамы?

— *Per bol tuh*, Лин-Лин? — спросил Алан. — Чего хочешь *ты*? — Она сделала резкий глоток. Она знала, чего хочет. — Почему *ты* здесь?

— Это мой дом, — ответила она. — У меня есть все, чего я хочу. Работа в компании с перспективой дальней-

шего роста. Начальник, которому я нравлюсь. За поворотом есть бар, в котором полно мужчин, желающих угостить меня выпивкой. Во дворе куча игуан. А еще у меня есть лишняя тень на случай, если моя вдруг отвалится.

— Это не твой дом, — сказал Алан. — Его купил Эллиот. Эллиот забил его своим хламом. А все хорошие вещи здесь — мои. Ты ничего не поменяла с тех пор, как он ушел.

— У меня теперь больше игуан, — сказала она. Она отнесла свой коктейль в гостиную. Алан уже включил канал погоды. За спиной бойкой светловолосой погодной ведьмочки у побережья Кубы обозначился тропический центр низкого давления, представленный в болезненно-ярких основных цветах.

Алан встал за диваном. Поставив на пол свой напиток, он принялся делать ей массаж шеи.

— Красиво, правда? — сказала она. — Шторм.

— Помнишь, когда мы были детьми?.. Ураган?

— Ага, — сказала она. — Наверное, надо достать со склада антиштормовые ставни. Прошлым летом по нам неслабо ударило.

Он пошел взять кувшин с ледяным ромом. Вернулся и растянулся на полу у ее ног, поставив кувшин себе на живот.

— Тот парень у тебя на складе... — сказал он. И закрыл глаза.

— Джейсон?

— Знаешь, а он вроде ничего...

— Он студент, изучает философию, Лан-Лан. Прекрати. Ты достоин лучшего.

— Достоин лучшего? Я размышляю вслух о парне с красивой задницей, Линдси, а не покупаю дом или думаю о том, чтобы сменить работу. Упс, наверное, я все-таки

подумываю об этом. Может, начну делать добрые дела. Я же достоин лучшего.

— Только не осложняй мне жизнь, хорошо? Алан? — Она ткнула его большим пальцем в бедро и с восторгом наблюдала, как падает кувшин.

— *Fisfis tuh!* — воскликнул Алан. — Ты нарочно это сделала!

Он снял рубашку и кинул ее в Линдси. Прوماхнулся. На кафельном полу разлилась лужица розового рома.

— Конечно, нарочно, — сказала она. — Я еще не настолько пьяна, чтобы сделать это случайно.

— Я за это выпью. — Он взял ее коктейль и сделал хлюпающий глоток. — Пойди приготовь еще один кувшин, пока я подотру эту гребаную лужу.

Переспать с монстром

— У него шикарные глаза. Очень, очень зеленые. Зеленые, как вон тот цвет. В сердцевине. Вон та спиралька.

— Я не замечала, какие у него глаза.

— Это потому, что он не твой тип мужчины. Ты не любишь хороших парней. Могу я включить этот диск?

— Валяй! Там есть трек, по-моему, третий. Да, вон тот. Эллиоту нравилась эта песня. Он включал ее, начинал дергаться, затем топать, трястись всем телом. К концу песни он ползал по всей мебели.

— О да! Танцором он был отличным. Но посмотри на меня. Я тоже неплох.

— У него были более гибкие бедра. Мне кажется, у него лучше гнулась спина. Он мог повернуть голову почти на триста шестьдесят градусов.

— Ну же, Линдси, почему ты не танцуешь? Иди сюда и танцуй.

— Не хочу.

— Не будь такой занозой в заднице.

— У меня внутри что-то болит, — сказала она. А потом сама удивилась: что она имела в виду? — Это такая заноза в заднице.

— Ну же. Просто танцуй. Ладно?

— Ладно, — сказала она. — Все в порядке. Видишь, я танцую.

Джейсон пришел к ним на ужин. Алан надел одну из рубашек Эллиота. Линдси приготовила великолепное сырное суфле и даже не стала возражать, когда Джейсон решил, что его приготовил Алан.

Она как в первый раз слушала рассказы Алана о различных карманных вселенных, в которых он бывал. Большинство этих вселенных принадлежали правительству Китая. Были среди них и знаменитые туристические вселенные, а также такие, куда китайцы ссылали диссидентов. Очень немногие карманные вселенные превосходили по размеру, скажем, Мэриленд. Некоторые давно заброшены. Некоторые — обитаемы. Некоторые — не очень дружелюбны. Внутри иных карманных вселенных имелись собственные карманные вселенные. Можно было пройти долгий путь внутрь и больше не выйти. Там можно было основать собственное государство и делать все, что взбредет в голову, однако большинство людей, которых знала Линдси, и она сама в том числе, никогда не предпринимали ничего более дерзкого, чем поездка на недельку куда-нибудь, где еда, воздух и пейзаж напоминали место из прочитанной в детстве книги; брошюры; сна.

Конечно, существовали и карманные вселенные, специально приспособленные для занятий сексом. Укрытия

от налогов. И места, где можно было избавиться от самых разных вещей: мусора, подержанных машин, трупов. Люди ездили в казино в карманных вселенных, больше похожих на Лас-Вегас, чем сам Лас-Вегас. Больше похожих на Гавайи, чем сами Гавайи. Нужно быть вот такого роста, чтобы войти. Иметь вот такое богатство. Быть вот настолько глупым. Кто же знает, что может случиться? Карманные вселенные могут неожиданно снова исчезнуть все сразу. Книжки, объяснявшие, как это может произойти, становились бестселлерами.

К тому же карманных вселенных было слишком много. Алан ударился в воспоминания о своей юности, да так, что складывалось впечатление, будто все это происходило не так уж давно.

— Венецианский бассейн, — сказал он Джейсону. — Я там пару лет не был. А по правде, наверное, последний раз был еще в детстве. Все эти гроты, где можно было укрыться с кем-нибудь. Пойти целоваться и заработать такой мощный стояк, что приходилось прыгать в воду, чтобы никто не заметил, а вода была такой, мать ее, ледяной! В ресторане все еще подают запеченные зити? Помнишь, как это было, Линдси? Сидишь себе у бассейна в бикини и вкушаешь запеченные зити. Но я слышал, там теперь нельзя плавать. Из-за русалок.

Русалки относились к инвазивным видам, как и игуаны. Люди вывезли их из вдохновленных Диснеем карманных вселенных в качестве домашних любимцев, а теперь они развелись повсюду. Они были маленькие, но их было много, и это нравилось детям и любителям наблюдать за птицами. Русалкам нравилось выделываться, и хотя умом они не намного превосходили, скажем, говорящую собаку, а может, и вообще не превосходили, поскольку не умели разговаривать, а только петь, свистеть и показы-

вать неприличные жесты, они были слишком популярны среди туристов, посещавших Венецианский бассейн, так что никто и не думал от них избавляться. Русалки подразделялись на пресноводных и морских — последние были крупнее и лучше умели прятаться, — и пресноводные завелись в Венецианском бассейне по меньше мере десять лет назад.

Джейсон сказал, что возил туда племянников, детей сестры.

— Я слышал, раньше в летнее время воду из бассейнов спускали каждую ночь. Но теперь этого не делают — из-за русалок. Так что вода уже не такая прозрачная, как раньше. Даже фильтры поставить не могут, потому что русалки их просто вырвут. Как бобры, наверное. Они создали замысловатую систему плотин, подпорных стенок и всяких структур из кораллов, различные запруды, чтобы удерживать рыбу. В Венецианском бассейне продают рыбу, ее можно бросить русалкам, чтобы те загоняли ее в запруды. Детям это очень нравилось.

— Морские русалки иногда заплывают к нам в канал, — сказала Линдси. — Они намного больше по размеру. И поют.

— Ага, — сказал Джейсон. — Постоянно. Жутковато как-то. Чувствуешь себя очень хреново. Там включают музыку, которая обычно играет в лифте, и выводят ее через динамики, чтобы заглушить пение, но даже детям было паршиво после этих песнопений. Пришлось закупить им всякого барахла в сувенирном магазине, чтобы немного отвлечь и подбодрить.

Линдси задумалась о Джейсоне, любимом дядюшке, которого можно было уговорить закупить кучу ненужных вещей. Он был слишком молод для Алана. С другой стороны, если задуматься, кто угоден слишком молод для Алана, разве не так?

Алан сказал:

— Линдси, у тебя, кажется, были какие-то планы на сегодняшний вечер?

— Разве? — с раздражением спросила Линдси. Но тут же отступила. — Вообще-то я подумывала навеститься в «Осколок». Может, я и вас там увижу... попозже?

— Эта старая дыра, — сказал Алан. На нее он не смотрел. Посылал невидимые лучи смерти в сторону Джейсона. Линдси почти чувствовала, как сгущается воздух. Это как повышенная влажность, только распутнее. — Раньше я туда ходил, чтобы цеплять симпатичных парней-натуралов в туалете, пока Линдси направо и налево раздавала свой номер телефона за бильярдным столом. Старые добрые деньки, а, Линдси? Ты ведь знаешь, что говорят про девчонок с двумя теньями, а, Джейсон?

Джейсон сказал:

— Может, мне лучше пойти домой?

Но по тому, как он смотрел на Алана, Линдси поняла, что он понятия не имеет, о чем говорит. Он даже не слушал, что говорил Алан. Он просто реагировал на волны, исходящие от Алана. Эта манящая песня сирены: *иди сюда, подойди поближе, еще чуть-чуть поближе.*

— Не уходи, — сказал Алан. От него исходили волны густой, влажной, невидимой сладости. Линдси тоже знала, как это делать, хотя в последнее время ей это было ни к чему. Большинство парней и так попадались. — Побудь еще немного. У Линдси свои дела, а мне одиноко. Побудь еще немного, и я покажу тебе лучшие моменты из коллекции гей-порно из карманной вселенной, которая принадлежала бывшему мужу Линдси.

— Алан, — сказала Линдси. — Второе предупреждение. Она знала: он считает.

— Извини, — сказал Алан и положил руку на ногу Джейсона. — Коллекцию гей-порно, принадлежавшую ее

мужу. Они с Эллиотом, где бы он сейчас ни был, все еще женаты. Эллиот мне дико нравился. Он всегда говорил, что все, чего он хочет, — это Линдси. Но дело ведь не в том, чего ты хочешь, правда? Дело в том, что тебе нужно. Правильно?

— Правильно, — сказал Джейсон.

— Поговорим позже, — сказала Линдси. — *Beh slam bih, tuh eb meh.*

— Конечно, — сказал Алан. — Поговорим, обязательно поговорим. — И послал ей воздушный поцелуй.

Как Алану это удавалось? Почему все, кроме Линдси, попадались на это? Хотя и она не раз попадалась. До сих пор попадалась. Вот, скажем, что произошло сейчас? Это был ее дом, и кого оттуда вышвырнули? Кого оскорбили, над кем посмеялись, над кем издевались, а затем выгнали? Ее! Вот кого.

Мимо с гудением проносились машины. Да ну его к черту, этого Алана!

Она не стала привязывать велосипед цепью. Обрат-но она на нем, скорее всего, не поедет. Линдси зашла в «Осколок» и села рядом с человеком, от которого сильно пахло одеколоном.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала она. — Купи мне выпить, и я тоже буду хорошей.

Есть более легкие способы покончить с собой

Мужчина целовал ее шею. Она не могла найти ключи, но это не имело значения. Дверь была незаперта. Машина Джейсона все еще стояла на подъездной дорожке. Ничего удивительного.

— У меня две тени, — сказала Линдси. Там повсюду были тени. Они сами тоже были теньями.

— Мне все равно, — сказал он. Он и правда был очень милым.

— Нет, — сказала она. — Я имею в виду, что мой брат дома. Придется потише. Не возражаешь, если мы не станем включать свет? Ты откуда?

— Из Джорджии, — ответил он. — Работаю на стройке. Сюда приехал на время урагана.

— Урагана? — удивилась она. — Я думала, он движется к Мексиканскому заливу. Осторожно, здесь стол.

— Теперь он возвращается обратно. Если ударит, то через пару дней, не раньше. Всякими извращениями увлекаешься? Можешь меня связать.

— Лучше не надо, — сказала она. — Понял? Я не увлекаюсь узлами. Потом не могу их развязать, даже если я трезвая. Одному парню пришлось ампутировать ногу. Нарушилось кровообращение. Это реальная история. Мне приятель рассказывал.

— Наверное, мне до сих пор везло, — сказал мужчина. Так или иначе, он не выглядел особенно разочарованным. — Этот дом небось пережил не один ураган и выстоял.

— Парочку, — сказала она. — Вода течет прямо по кафельному полу. Ужасно! Потом вытекает обратно.

Она попыталась вспомнить его имя. Не смогла. Неважно. Она чувствовала себя потрясаяще. Вот чем отличалось замужество. Моногамией. Однообразием. Даже напиваясь, она всегда знала, с кем делит постель. Эллиот, конечно, отличался от прочих, но всегда отличался как-то одинаково. Никогда не отличался по-разному. Не любил целоваться. Не любил спать с ней в одной постели. Не любил вести себя серьезно. Не любил, когда Линдси грустила. Не любил жить в доме. Не любил ощущения,

которые вызывала вода в канале. Не любил то, не любил се. Не любил Флориду-Кис. Ему не нравилось, как здесь на него смотрели. Не остался. Эллиот, Эллиот, Эллиот.

— Меня зовут Альберто, — сказал мужчина.

— Извини, — сказала она.

Им с Эллиотом всегда было весело в постели.

— У него был странного вида пенис, — сказала она.

— Что, прости? — не понял Альберто.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросила она.

— Кстати, у тебя есть ванная?

— Дальше по коридору, — сказала она. — Первая дверь.

Но минуту спустя он уже вернулся. Включил свет и застыл на месте.

— Как тебе мой вид, нравится? — спросила она.

У него были мокрые, блестящие руки. Все в крови.

— Мне нужен жгут, — сказал он. — Какой-нибудь жгут....

— Что ты сделал? — спросила Линдси. Она почти протрезвела. Надела халат. — Это Алан?

Это был Джейсон. По всей ванне — кровь, брызги крови на наполовину облицованной кафелем стене. Он разрезал себе оба запястья картофелечисткой. И все еще держал ее в руке.

— Он жив? — спросила она. — Алан! Где ты, мать твою?

Альберто обернул запястье Джейсона одним из ее лучших полотенец для рук.

— Подержи.

Он обернул второе запястье другим полотенцем и замотал их изолентой.

— Я звоню 911, — сказал он. — Он дышит. То ли не смог, то ли не захотел довести дело до конца. Да и инструмент выбрал неподходящий. Кто этот парень? Твой брат?

— Мой сотрудник, — сказала она. — Поверить не могу! А откуда у тебя изолента?

— С собой ношу, — сказал он. — Никогда не знаешь, что и когда тебе может понадобиться. Принеси одеяло. Нужно держать его в тепле. Моя бывшая жена однажды тоже так сделала.

Линдси промчалась по коридору. Распахнула дверь в комнату Эллиота. Включила свет и схватила одеяло с кровати.

— *Vas poh!* Твой новый бойфренд в ванной, — сказала она. — Вскрыл себе вены моей картофелечисткой. Проснись, Лан-Лан! Это *твоя* проблема.

— *Fisfis wah*, Лин-Лин, — сказал Алан, поэтому она спихнула его с кровати.

— Что ты натворил, Алан? — закричала она. — Ты что-то с ним сделал?

Он спал в пижамных штанах Эллиота.

— Не смешно, — сказал он.

— Я не шучу, — сказала она. — Я пьяна. В ванной парень по имени Альберто. Джейсон пытался покончить с собой. Или что-то в этом роде.

— Твою мать! — выругался он. Попытался сесть. — Я был с ним очень мил, Линдси! Понятно? Все было очень хорошо. Мы потрахались, потом чего-то покурили, потом целовались, и я заснул.

Она протянула ему руку, подняла его с пола.

— Что вы курили? Ну говори!

— Какую-то хрень, которую я где-то добыл, — сказал он. Она почти не слушала. — Это хорошее вещество. Органическое. Благословленное монахами. Эту дрянь используют в качестве подношения богам. Я взял ее из какого-то святилища. Все так делают. Просто оставляешь

взамен мисочку молока или еще что-нибудь. Она уж никак не могла свести его с ума.

Они столпились в ванной, где было слишком мало места. Пришлось наступить в лужу крови Джейсона.

— Мать твою, — сказал Алан.

— Мой брат, Алан, — представила его она. — Вот его одеяло. Для Джейсона. Алан, это Альберто. Джейсон, ты меня слышишь? — Глаза Джейсона приоткрылись.

Альберто сказал Алану:

— Все намного лучше, чем я думал. На самом деле он не перерезал вены, скорее просто их проткнул. Одну, правда, повредил довольно серьезно, но, кажется, мне удалось приостановить кровотечение.

Алан оттолкнул Линдси в сторону, и его вырвало в раковину.

— Алан? — сказал Джейсон. Слышался звук сирен.

— Нет, — сказала Линдси. — Это я, Линдси. Твоя начальница. Моя ванна, Джейсон. Твоя кровь по всей моей ванне. Моя картофелечистка! Моя! О чем ты думал?

— У тебя в морозилке игуана, — сказал Джейсон.

Альберто спросил:

— Почему картофелечисткой?

— Я был так счастлив, — ответил Джейсон. С головы до ног он был перепачкан кровью. — Никогда в жизни я не был так счастлив. Я не хотел, чтобы это состояние прекращалось. Понимаете?

— Нет, — сказала Линдси.

— Теперь ты меня уволишь? — спросил Джейсон.

— А ты как думаешь? — сказала Линдси.

— Только попробуй! Если ты это сделаешь, я подам в суд за сексуальные домогательства, — сказал Джейсон. — Скажу, что ты уволила меня, потому что я гей. Потому что я переспал с твоим братом.

Алана снова стошнило в раковину.

— Как ты сейчас себя чувствуешь? — спросил Альберто. — Нормально?

— Я так счастлив, — сказал Джейсон. И заплакал.

Мальчик, восставший из мертвых

Во время летних каникул между третьим и четвертым классом школы Линдси стала свидетелем того, как мать девочки по имени Амелия Сомерсмит вернула к жизни мальчика, который, играя с друзьями в прятки, упал с крыши. Упал, когда другой мальчик, Мартин, заметил, что он там прячется, и громко позвал его по имени. Дэвид Филгиш встал и, просто чтобы доказать, что ему все равно, видят его или нет, сделал кувырок на крыше гаража, да вот только не рассчитал, где она кончается. Он точно умер. Никто в этом не сомневался. Мать Амелии выбежала из дома, пока все просто стояли, глазели и гадали, что теперь делать, и воскликнула: «О боже, Дэвид, какой же ты идиот! Не будь мертвым, не будь мертвым, не будь мертвым. Вставай сейчас же, а не то я позвоню твоей маме!»

На глазу Дэвида лежала травинка. Впопыхах мать Амелии неправильно застегнула рубашку, и сквозь прореху просматривалась шелковистая коричневая кожа на ее животе. Она говорила таким гневным тоном, что Дэвид Филгиш сел и заревел.

Линдси Драйвер вырвало на траву, но этого никто не заметил, даже ее близнец Алан, который только-только становился достаточно настоящим, чтобы играть с другими детьми.

Все были слишком заняты. Они спрашивали Дэвида, все ли с ним в порядке. Знает ли он, какой сегодня день. Размахивали у него перед носом пальцами и спрашивали, сколько их. Спрашивали, каково это — быть мертвым.

Неумение найти подход к больному

Алан поехал с Джейсоном, когда того увезли на скорой. Оба фельдшера были очень симпатичными. Забияка-ветер крепчал и трепал деревья. Линдси придется поставить на окна антиштормовую защиту.

Альберто почему-то все еще был в ее доме. Он сказал: — Я очень хочу пива. У тебя есть?

Линдси могла бы выпить чего-нибудь покрепче. Она не чувствовала ничего, кроме запаха крови.

— У меня ничего нет, — сказала она. — Я бывший алкоголик.

— Не такой уж и бывший, — сказал он.

— Прости, — сказала Линдси. — Ты очень хороший парень. Но мне бы хотелось, чтобы ты ушел. Я хочу побыть одна.

Он протянул к ней вымазанные кровью руки.

— Могу я сначала принять душ?

— А не мог бы ты просто уйти? — сказала Линдси.

— Понимаю, — сказал он. — Ночка выдалась тяжелая. Случилось нечто ужасное. Позволь помочь тебе. Я мог бы остаться и помочь привести дом в порядок.

Линдси промолчала.

— Ясно, — сказал он. Рот у него тоже был в крови. Будто он пил кровь. У него были хорошие плечи. Добрые глаза. Она не могла отвести глаз от его рта. Он убрал изоленду в карман широких штанов. Судя по всему, у него в карманах много чего хранилось.

— Все-таки я тебе не нравлюсь?

— Мне не нравятся хорошие парни, — сказала Линдси.

Существовали группы поддержки людей, чья тень выросла в близнеца. Существовали группы поддержки женщин, которых бросили мужья. Существовали группы

поддержки алкоголиков. Наверное, были и группы поддержки тех, кто ненавидел группы поддержки, но Линдси не верила в группы поддержки.

Склад был построен так, что мог выдержать довольно тяжелые условия. Тем не менее имелся список предосторожностей: он занимал целых тридцать пять страниц. В отсутствие Джейсона людей не хватало, а у Линдси было ужасное похмелье, длившееся все выходные, вплоть до понедельника. Так плохо ей давно не было. К тому времени, как в субботу ночью Алан вернулся из больницы, она допила джин и начала текилу. Она почти жалела, что Альберто не остался. Сначала она хотела спросить у Алана, как там Джейсон, но потом это показалось ей бессмысленным. Либо с ним все в порядке, либо нет. Зато с ней не все в порядке. Алан прошел по коридору и залез в постель, укрыл себя и ее одеялом.

— Уйди, — сказала она.

— Я замерз, — сказал он. — Долбаная больница. Там зверский кондиционер. Ничего удивительного, что люди в больницах постоянно болеют. Просто дай мне тут полежать.

— Уйди, — повторила она. — *Fisfis wah.*

Проснувшись, она все еще повторяла эти слова. «Уйди, уйди, уйди». Алана в кровати не было. Вместо него рядом лежала дохлая игуана, та, маленькая, из морозилки. Алан уложил ее на подушку возле ее лица.

Алан ушел. Из ванной несло застарелой кровью, дождь молотил по крыше, словно гвозди по стеклу. Снаружи на траве — маленькие льдинки. По радио теперь говорили, что ураган достигнет берега где-то между Форт-Лодердейлом и Сент-Огастином в среду после полудня. Эвакуировать Флориду-Кис не собирались.

Окрестностям Майами предстоит выдержать большой напор ветра, сильный дождь и много чего неприятного, но особенный ущерб им не грозит. Линдси не могла понять, почему попросила Альберто уйти. Нужно ставить на окна антиштормовую защиту. А он казался тем, кто мог бы это сделать.

Она выбросила оттаявшую игуану. Выбросила заржавевшую от крови картофелечистку. Открыла в ванной кран с горячей водой и не закрывала до тех пор, пока дно ванны не приобрело слабый, похожий на цвет волдыря розоватый оттенок. Затем улеглась обратно в кровать.

Будь здесь Алан, он мог бы открыть банку и приготовить ей суп. Принес бы ей стакан имбирного эля... Она включила в гостиной телевизор и поставила на такую громкость, чтобы его было слышно в спальне. Может, так она перестала бы прислушиваться, не объявился ли Алан. Вообразила бы, что он дома, сидит в гостиной, смотрит какой-нибудь старый ужастик и красит ногти в черный цвет, как делал это в школе. Дети со сросшимися тенями должны были увлекаться готическим мейк-апом, музыкой такого стиля. Когда Алан узнал, что у близнецов должен быть тайный близнецовый язык, он занялся и этим, изобрел язык — лин-лан — и заставил ее выучить его. Заставлял ее говорить на нем за обеденным столом. *Ifzon meh nadora plezbig* означало: «Угадай, что я сделал?» *Bandy Tim Wong legkwa fisfis, meh* означало: «Дошел до самого конца с Тимом Вонгом». (То есть: Тим Вонг меня трахнул.)

Люди с двумя тенями должны были попадать в неприятности. Должны были *создавать* неприятности. Они должны были водить за нос друзей и возлюбленных, вводить в заблуждение врагов, повсюду вызывать катастрофы. (Она нигде толком не бывала.) В глубине души Алан

всегда стремился соответствовать чужим ожиданиям. В отличие от нее у нее были дом и работа и когда-то она даже была замужем. Если кто-нибудь вел счет, Линдси полагала, что им должно быть ясно, кто набрал больше очков.

Мистеру Чарльзу пока так и не удалось избавиться от шести лишних спящих из Питсбурга. Джек Харрис умел разводить бумажную волокиту как никто другой.

— Давайте я ему позвоню, — предложила Линдси. — Вы же знаете, я люблю хорошую ссору.

— Удачи, — сказал мистер Чарльз. — Он говорит, что не возьмет их обратно, пока не пройдет ураган. Но по правилам их необходимо убрать отсюда за двадцать четыре часа до урагана. Похоже, мы оказались между молотом...

— ...и козлом, — сказала она. — Сейчас разберусь.

Она сидела на складе, ждала на линии кого-то, кто работал на Харриса, когда неожиданно явился Джейсон.

— Что это с тобой? — спросила Валентина. — Что у тебя с руками?

— Врезался во вращающуюся дверь и упал, — ответил Джейсон. — Листовое стекло.

— Паршиво, — сказала Валентина.

— Потерял почти три пинты крови. Только представь себе. Три пинты! Привет, Линдси. Меня только что выписали. Врачи велели мне не поднимать тяжести.

— Валентина, — сказала Линдси, — возьми на секун дочку телефон. Не волнуйся, говорить тебе не придется. Надо только дождаться, пока кто-нибудь подойдет. Крикни мне тогда. Джейсон, могу я с тобой поговорить?

— Конечно, — ответил Джейсон.

Он поморщился от боли, когда она схватила его чуть выше локтя. Она не ослабляла хватку до тех пор, пока они не миновали несколько секций.

— Назови мне хотя бы одну причину, почему я не должна тебя увольнять. Не считая обвинения в сексуальном домогательстве. Мне доставит огромное удовольствие наблюдать, как ты попытаешься представить это дело в суде.

Джейсон сказал:

— Алан переезжает ко мне. Говорит, ты его выгнала. Это должно было ее удивить? И да и нет. Она сказала:

— То есть если я тебя уволю тебя, то ему придется устроиться на работу.

— Возможно, — сказал Джейсон. — Так ты меня увольняешь или нет?

— *Fisfis buh*. Иди спроси у Алана, что это значит.

— Эй, Линдси! Линдси! Вас к телефону. Какой-то Джек Харрис. — Валентина. Она подошла слишком близко, и они не смогли продолжить разговор.

— Я не знаю, зачем тебе эта работа, — сказала Линдси.

— Надбавки, — ответил Джейсон. — Ты бы видела счета из больницы.

— Или зачем тебе мой брат.

— Миссис Драйвер? Он говорит, это срочно.

— Скажи ему, пусть секундочку подождет, — велела Линдси. — Хорошо, — сказала она Джейсону. — Можешь остаться на этой работе, но при одном условии.

— При каком? — В его вопросе не слышалось должной подозрительности. Сразу видно: только начал общаться с Аланом.

— Уговоришь человека, который сейчас на телефоне, забрать шестерых спящих обратно. Сегодня.

— И как мне, на хрен, это сделать? — спросил Джейсон.

— А вот это уже не моя забота. Но когда я приду завтра утром, их здесь быть не должно. Если же они здесь будут, значит, не должно быть тебя. Ясно? — Она ткнула его в руку над повязкой. — Следующий раз бери что-нибудь поострее картофелечистки. У меня есть целая упаковка отличных немецких ножей.

— Линдси, — сказала Валентина, — этот Харрис говорит, что перезвонит завтра, если сегодня вам некогда.

— Джейсон ответит на звонок, — сказала Линдси.

От всего нужно избавиться

Накануне каждого урагана ее любимый алкогольный магазин устраивал распродажу. Чтобы плохой день был не таким невыносимым. Она закупила все, что ей было нужно, но за обедом выпила только бокал вина. Сделала салат и съела его на надувном матрасе, где обычно загорала. В воздухе разливалось зеленоватое наэлектризованное мерцание, которое ассоциировалось у нее с ураганами. Вода была спокойной, словно холодное молоко, но сдвуть матрас все равно оказалось чертовски сложно. Линдси убрала его в гараж. Когда она вышла, увидела косяк морских русалок, направлявшихся в океан. Разве можно было перепутать ламантина с русалкой? Они повернулись и посмотрели на нее. Нырнули, хотя она по-прежнему видела, как они извиваются вдоль заросшего водорослями дна.

Во время прошлого урагана ее надувной матрас выплыл из гаража и застрял через два канала от дома.

Линдси выбросила остатки салата в траву на корм игуанам. Спокойно село солнце.

Алан не пришел, поэтому она сама собрала его вещи. Сначала постирала грязную одежду. Послушала, как на-

чинается дождь. Положила его рюкзак на стол в гостиной и оставила ему записку: *Удачи с суицидником.*

Утром она вышла под дождь, который был легким, но лил беспрерывно, и установила защиту на окна. Соседи занимались тем же. Устанавливая предпоследний ставень, она порезала тыльную сторону ладони. Повсюду натекла кровь. Она все еще чертыхалась, когда на машине Джейсона подъехал Алан. Он зашел в дом и принес ей бинт. Последние два ставня они установили вместе. Молча.

Наконец Алан сказал:

— Это я виноват. Не думаю, что он принимает наркотики.

— Он неплохой парень, — сказала она. — *Совсем не твой тип.*

— Извини, — сказал он. — Я не об этом. Ну ты понимаешь. Наверное, я прошу прощения за все.

Они вернулись в дом, и он увидел свой рюкзак.

— Ясно, — сказал он.

— *Filhatz warfoon meh*, — сказала она. — *Bilbil tuh.*

— *Nent bruk*, — ответил он. — Не то слово.

На завтрак он не остался. После его ухода она не почувствовала себя ни более, ни менее настоящей.

Шестерых спящих увезли со склада, и Джейсон выполнил за нее кучу бумажной работы. Куча подписей. Куча дубликатов, и трипликатов, и хренликатов, как любила говорить Валентина.

— Неплохо, — сказала Линдси. — Джек Харрис не предложил тебе работу?

— Он предложил приехать и надрать мне задницу, — сказал Джейсон. — Я сказал, пусть встанет в очередь. Хреновая погода. Ты останешься там?

— А куда я денусь? — сказала она. — В «Осколке» сегодня вечеринка. Мне же завтра не нужно на работу.

— Я думал, жителей Флориды-Кис все-таки эвакуируют, — сказал он.

— Это добровольно, — сказала она. — Никому нет дела, останемся мы или уедем. Я пережила не один ураган. Когда мы с Аланом были детьми, один из ураганов мы провели в ванне под матрасом. Всю ночь читали комиксы при свете фонарика. Самое худшее — это шум. Кстати, удачи тебе с Аланом.

— Я никогда раньше ни с кем не делил жилье. — Может быть, он уже начал понимать, что не имеет ни малейшего представления, во что впутался, связавшись с Аланом. — И никогда ни в кого так не влюблялся.

— Таких, как Алан, больше нет, — сказала она. — Он наделен особым даром затуманивать и запутывать сознание мужчин.

— А у тебя какой особый дар? — спросил Джейсон.

— Он затуманивает и запутывает, — сказала она. — Я запутываю, а затем затуманиваю. Важно обращать внимание на очередность того, что мы делаем.

Она сообщила мистеру Чарльзу хорошие новости о Джеке Харрисе; они вместе выпили по чашке кофе, чтобы отметить удачное разрешение вопроса, и закрыли склад. Мистеру Чарльзу нужно было забрать детей из школы. Ураганы означали каникулы. Снежных дней во Флориде не бывало.

Когда она ехала домой, весь поток транспорта двигался в противоположную сторону. От ветра светофоры качались и переворачивались, словно бумажные фонарики. Она чувствовала себя так, как ребенком чувствовала себя в канун Рождества. Как будто кто-то принесет ей подарок. Что-нибудь сияющее, и громкое, и острое, и беспорядочное. Она всегда любила плохую погоду. Она всегда

любила погодных ведьм в элегантных черных костюмах. Их приспособления для прорицания, их драматичные припадки, пророчества, которые никогда полностью не сбывались, но всегда были очень остроумно срифмованы. Когда Линдси была маленькой, больше всего ей хотелось вырасти и стать погодной ведьмой, хотя теперь она не могла объяснить, чем было вызвано это желание.

Она поехала на велосипеде в «Осколок». Вымокла до нитки. Неважно. Выпила пару коктейлей «Виски сауэр», а потом решила, что слишком взбудоражена по поводу грядущего урагана, чтобы как следует напиться. Она не хотела встретить его пьяной. А в баре не было ни одного мужчины, которого ей хотелось бы привести домой. Лучшая часть секса во время урагана — это ураган, а не секс, так зачем беспокоиться?

Небо позеленело, словно синяк, и дождь лил, почти горизонтально. По дороге домой ей не встретилась ни одна машина. Она была пьяна совсем чуть-чуть. Выехав на середину дороги, едва не переехала игуану длиной четыре фута от носа до хвоста. Ящерица сидела неподвижно, только бока ее слегка раздувались и сдувались. Это дождь иногда на них так влиял. От холода они становились тупыми и медлительными. Все остальное время они были тупыми и быстрыми.

Линдси завернула игуану в куртку, прежде всего обездвигив ее хвост. Таким хвостом можно сломать человеку руку. Всю дорогу к дому она несла ее под мышкой и катила велосипед рядом. Она решила, что игуану надо положить в ванну. Затем она с фонариком вышла во двор. Проверила антиштормовые ставни, убедилась, что они правильно закреплены, и обнаружила еще трех игуан. Две были маленькие, а третья — настоящее чудовище. Она занесла их всех в дом.

В восемь вечера было темно, хоть глаз выколи. Ураган завис в двух дюжинах миль от берега. Собирал воду, чтобы обрушить ее на головы тех, кому уже не нужна вода. Она заснула в полночь и проснулась, когда отключилось электричество.

Воздух в комнате был таким влажным, что Линдси едва могла дышать. Игуаны тенями растянулись по полу. Черные очертания коробок с алкоголем выполняли роль каждого рождественского подарка, который ей когда-либо хотелось получить.

Снаружи все лязгало, или жужжало, или дергалось и завывало. Она на ощупь пробралась в кухню и достала коробку со свечами, фонарик и экстренное радио. Ставни хлопали так, словно участвовали в сражении.

— Опустился ниже, — сообщило радио. — Ну надо же, и это ведь только начало, друзья. Не покидайте свои дома и затаитесь, если вы еще не уехали из города. Это всего лишь вторая категория, но будьте уверены, во Флориде-Кис покажется, что все гораздо сильнее. Ждать еще как минимум три часа, прежде чем буря пройдет мимо нас. Эта буря — большая девочка, и она вовсе не торопится. Хорошие девочки никогда не торопятся.

Линдси с трудом смогла зажечь свечи. Спички промокли, вспотевшие руки сделались скользкими. Когда она зашла в ванную, игуана в пламени свечи выглядела потрепанной и изношенной, словно старый чемодан.

В спальне было слишком много окон, оставаться там небезопасно. Линдси взяла подушку, одеяло и чистую футболку. Чистое белье.

Когда она зашла проверить комнату Эллиота, увидела на кровати тело. Она уронила свечу. Немного воска попало ей на босую ногу.

— Эллиот? — сказала она.

Но когда снова зажгла свечу, поняла, что это, конечно же, не Эллиот, но и не Алан. Это спящая. Версаль Кентукки. Та, что похожа на Алана или, может, на Линдси, в зависимости от того, кто смотрит. Линдси почувствовала себя так, словно голову ей сжимают резиновые тиски. Барометрическое давление.

Она снова уронила свечу. Алану были по душе именно такие розыгрыши. Иными словами, совсем не розыгрыши. Она хорошо представляла себе, где находятся остальные спящие: в квартире Джейсона, а вовсе не на пути в Питсбург. И если кто-нибудь об этом узнает, работу потеряет не только Джейсон, но и она. Линдси не получит государственную пенсию. Не сможет уйти на покой.

Рука все еще дрожала. Свеча наконец зажглась, и на шею Версаль Кентукки капнуло немного воска. Но если бы разбудить спящего было так просто, Линдси бы уже знала об этом.

Между тем кровать стояла вплотную к внешней стене, где было несколько окон. Линдси стащила Версаль Кентукки с кровати.

Она никак не могла удержать ее. Версаль Кентукки была тяжелой. Спящая неуклюже шлепнулась на пол. Голова завалилась назад, волосы разметались по полу. Линдси присела, взяла ее за предплечья и поволокла в ванную по темному коридору, поддерживая голову так, чтобы она не упала на пол. Вот, наверное, каково это — убить кого-нибудь. Она убьет Алана. Можно считать это репетицией, подумала она. Как избавляться от тела. Пробный прогон. *Мокрый прогон.*

Она перетащила Версаль Кентукки через порог ванной комнаты и прислонила тело к ванне. Схватила игуану. Посадила ее на пол. Положила Кентукки в ванну, перекинув сначала одну ее ногу, потом другую. Сложила ее пополам.

Затем она вытащила из гаража надувной матрас. Там шум был гораздо хуже. Она наполовину надула матрас и протиснула его в дверь ванной. Поддула еще. Расположила его над ванной, словно тент. Нашла фонарик, достала из холодильника бутылку джина. Он, слава богу, был холодный. Она замотала игуану в полотенце, все еще жесткое от крови Джейсона. Снова положила ее в ванну. Спящая и игуана. Мадонна и ее очень уродливый младенец.

Отовсюду доносились грохот и завывание. Линдси услышала, как где-то оторвало ставень и куда-то унесло. Она вернулась в гостиную, чтобы забрать остальных игуан. Свет фонаря осветил лужи на полу. То ли дождь начал проникать под парадную дверь и обтекать раздвижные стеклянные двери, то ли вода из канала. Она собрала трех других игуан и тоже бросила их в ванну.

— Прежде всего женщины и игуаны, — сказала она и сделала большой глоток джина. Но никто не слышал ее из-за шума ветра.

Линдси присела на крышку унитаза, сгорбилась и пила до тех пор, пока ветер не стал чем-то, что она могла игнорировать. Как музыканты в баре, которые не знают, насколько громко они играют. Спустя какое-то время она заснула, сидя на унитазе, и проснулась только тогда, когда выронила из рук бутылку. Бутылка разбилась. В ванной шуршали, словно сухая листва, игуаны. Ветер стих. Глаз бури был над ней, или же она пропустила и его, и весь остаток урагана.

Через закрытое ставнями окно проникал слабый свет. В экстренном радио сели батарейки, но мобильный телефон все еще ловил сигнал. Три сообщения от Алана и шесть с номера, который, как она подумала, принадлежал Джейсону. Может, Алан хотел за что-нибудь извиниться.

Она вышла на улицу, чтобы посмотреть, что стало с миром вокруг. С ним стало вот что: ее в нем больше не было. Улица перед ее домом больше не была улицей перед ее домом. Она превратилась во что-то совсем иное. Других домов не было. Как будто буря унесла их куда-то в другое место. Она стояла на лугу, заросшем дикими цветами. Вдалеке виднелись синие, окруженные облаками горы. Воздух был очень бодрящим и морозным.

Телефон потерял связь. Оглянувшись в сторону дома, она увидела свой родной мир. Там все еще бушевал ураган, растекаясь по горизонту, словно яд. В канал залилась вода из океана. «Осколок» наверняка лежал в руинах. Парадная дверь все еще была открыта.

Она вернулась в дом и сложила в старый рюкзак бутылки джина. Бросила туда свечи, коробок спичек, несколько банок супа. Сверху положила белье и парочку свитеров. Белое вещество на тех горах — это, наверное, снег.

Если приложить ухо к раздвижным стеклянным дверям, выходившим на канал, можно было услышать глаз бури, этот долгий момент пустоты, когда худшее впереди. Версаль Кентукки так и спала в ванне с игуанами, а те бодрствовали. Игуаны поцарапали Версаль Кентукки, оставив на ее руках и ногах красные отметины. Ничего страшного, это не смертельно. Линдси достала из ящика под раковиной коричневый карандаш для глаз и подняла ногу спящей. Нарисовала родинку в форме линкора. От влажности в воздухе родинка наверняка размажется, ну и что. Если Алан мог устраивать такие розыгрыши, чем она хуже?

Она опустила прохладную ногу. Повинуясь какому-то импульсу, взяла самую маленькую игуану, все еще завернутую в полотенце.

Когда она вышла через парадную дверь с рюкзаком, велосипедом и игуаной, перед ней все еще расстился лут, покрытый красными и желтыми цветами, а из-за гор вставало солнце, хотя обычно оно вставало не с той стороны. Линдси была рада. Она не любила солнце, потому что оно не стояло на месте; оно не давало ей никаких преимуществ, за исключением момента, когда оказывалось точно над ее головой и у нее не было тени. Даже одной тени. Все, что когда-то принадлежало ей одной, снова было внутри Линдси, где и должно было оставаться.

В миле или двух впереди показалось нечто похожее на каменный выступ. Игуана поместилась в корзинке, закрепленной на руле, а рюкзак был не настолько тяжелым, чтобы причинять неудобство. Нигде не было видно людей, хотя если она проявит достаточное упорство и если не проколет шину, то когда-нибудь непременно доедет до местного бара. А если бара здесь пока нет, она поболтается по округе чуть подольше, чтобы посмотреть, кому первому придет в голову эта замечательная идея.

Содержание

ЛЕТНИЕ ЛЮДИ.....	9
Я ВИЖУ ТЕБЯ НАСКВОЗЬ.....	49
ТАЙНАЯ ЛИЧНОСТЬ.....	91
УРОК.....	144
ДОЛИНА ДЕВЧОНОК.....	169
ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....	190
НОВЫЙ БОЙФРЕНД.....	224
ДВА ДОМА.....	274
ОГОНЕК.....	302

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Линк Келли **ВЛЯПАЛАСЬ!**

Сборник

Редактор *Н. Никитенко*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *Н. Яснева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 15.02.2016. Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «MinionPro».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 2000 экз. Заказ 251.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-17-094073-8

9 785170 940738 >

Келли Линк – американская писательница и редактор, лауреат множества премий, в том числе «Хьюго», «Небьюлы» и «Премии Брэма Стокера», автор сборников «Все это очень странно», «Магия для “чайников”», «Милые чудовища». Линк – признанный мастер короткой формы – создает бурные сюрреалистичные коллажи и ведет читателя тропой самых неожиданных ассоциаций к ошеломляющей развязке.

Загадочные существа, моделирующие в заброшенном загородном доме механическое королевство; золотая молодежь, обустривающая собственные гробницы на египетский манер; супергерои, оккупировавшие теле-студии в надежде прославиться на реалити-шоу; необъяснимое исчезновение космического корабля...

В девяти остроумных рассказах Келли Линк описывает сумасшедший и чрезвычайно похожий на наш мир, в котором все, от тинейджеров до ошалевшего от кризиса среднего возраста голливудского актера, настойчиво ищут перемен...

А находят все новые и новые проблемы!

Из отзывов в Рунете:

«Совершенно феерический полет фантазии...»

«Келли Линк совершила невозможное, и я обязательно продолжу знакомство с автором. Рассказы чудесные, жуткие, пугающие, интригующие».

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-094073-8

